

Том 4 · # 3 · 2019

ГОРОДСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКИ

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

МОСКВА · 2019

Vol. 4 · # 3 · 2019

**URBAN
STUDIES
AND PRACTICES**

MOSCOW · 2019

**ФАКУЛЬТЕТ
ГОРОДСКОГО И
РЕГИОНАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ**

ISSN 2500-1604 (Print)
ISSN 2542-0003 (Online)

Учредитель:
НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
«**ВЫСШАЯ ШКОЛА
ЭКОНОМИКИ**»

Позиция редакции
может не совпадать
с мнением авторов.
Перепечатка материалов
возможна только
по согласованию
с редакцией.

Журнал зарегистрирован
21 июля 2016 г. Федеральной
службой по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций. Свидетельство
о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС 77 - 66568

**Адрес редакции
фактический:**
101000, Москва,
ул. Мясницкая, д. 13,
стр. 4, оф. 416
почтовый: 101000, Москва,
ул. Мясницкая, д. 20
тел.: +7 495 772-95-90*12173
e-mail: usp_editorial@hse.ru

**Адрес издателя
и распространителя
фактический:**
117418, Москва,
ул. Профсоюзная, д. 33, корп. 4
Издательский дом ВШЭ
почтовый: 101000, Москва,
ул. Мясницкая, д. 20
НИУ ВШЭ
тел.: +7 495 772-95-90*15298,
e-mail: id@hse.ru

ГОРОДСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКИ
Том 4 · # 3 · 2019

Главный редактор
АНАШВИЛИ В.В. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Редакторы-составители
ЗУПАН Д. (Университет Баухауса, Германия)
СМИРНОВА В.К. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Редакционная коллегия
ВАРШАВЕР Е.А. (РАНХиГС, Российская Федерация)
ГАВРИЛОВА С.А. (Институт региональной географии им. Лейбница, Германия)
КОТОВ Е.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
ОСТРОГОРСКИЙ А.Ю. (Архитектурная школа МАРШ, Российская Федерация)
РОЧЕВА А.Л. (РАНХиГС, Российская Федерация)

Редакционный совет
БЛИНКИН М.Я. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
АСС Е.В. (МАРШ, Российская Федерация)
ЗАМЯТИН Д.Н. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
ЗАПОРОЖЕЦ О.Н. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
ИЛЬИНА И.Н. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
КИЧИГИН Н.В. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
КОЛОКОЛЬНИКОВ А.Б. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
КОРДОНСКИЙ С.Г. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
КУРЕННОЙ В.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
КОСАРЕВА Н.Б. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
КРАШЕНИННИКОВ А.В. (МАРХИ, Российская Федерация)
НИКОЛАЕВ В.Г. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
ПУЗАНОВ А.С. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
РЕВЗИН Г.И. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
РУБЛ Б. (Международный научный центр имени Вудро Вильсона, США)
САФАРОВА М.Д. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
СИВАЕВ С.Б. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
ТРУТНЕВ Э.К. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
ХЕЙНЕН Н. (Университет Джорджии, США)
ШОМИНА Е.С. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Ответственный секретарь
Кодзокова Д.Р. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Менеджер
Бурова А.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Компьютерная верстка А.В. Меерсон

ISSN 2500-1604 (Print)
ISSN 2542-0003 (Online)

Publisher:
NATIONAL
RESEARCH
UNIVERSITY
**HIGHER SCHOOL
OF ECONOMICS**

The editorial position
does not necessarily
reflect the authors views.
The reproduction of materials
without permission of the
editorial office is prohibited.

The journal is registered
July 21, 2016 in the Federal
Service for Supervision in the
Area of Telecom, Information
Technologies and Mass
Communications. Certificate
of registration of mass media
PI No. FS 77 - 66568

Address:
National Research University
Higher School of Economics
20 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow,
101000, Russian Federation
tel: +7 495 772-95-90*12173
e-mail: usp_editorial@hse.ru

FACULTY OF URBAN AND REGIONAL DEVELOPMENT

URBAN STUDIES AND PRACTICES
Vol. 4 · # 3 · 2019

Editor-in-Chief

VALERY ANASHVILI (*HSE University, Russian Federation*)

Compiling Editors

DANIELA ZUPAN (*Bauhaus-Universität, Weimar, Germany*)

VERA SMIRNOVA (*HSE University, Russian Federation*)

Editorial Board

ALEXANDER OSTROGORSKIY (*MARCH Architecture School, Russian Federation*)

ANNA ROCHEVA (*RANEPa, Russian Federation*)

EGOR KOTOV (*HSE University, Russian Federation*)

EVGENY VARSHAVER (*RANEPa, Russian Federation*)

SOFIA GAVRILOVA (*Leibniz Institute for Regional Geography, Germany*)

Editorial Council

MICHAIL BLINKIN (*HSE University, Russian Federation*)

EUGENE ASSE (*MARCH, Russian Federation*)

NIK HEYNEN (*University of Georgia, USA*)

IRINA ILINA (*HSE University, Russian Federation*)

NIKOLAY KICHIGIN (*HSE University, Russian Federation*)

ANDREY KOLOKOLNIKOV (*HSE University, Russian Federation*)

SIMON KORDONSKY (*HSE University, Russian Federation*)

NADEZHDA KOSAREVA (*HSE University, Russian Federation*)

ALEXEY KRASHENINNIKOV (*Moscow Institute of Architecture, Russian Federation*)

VITALY KURENNOY (*HSE University, Russian Federation*)

VLADIMIR NIKOLAEV (*HSE University, Russian Federation*)

ALEXANDER PUZANOV (*HSE University, Russian Federation*)

GRIGORY REVZIN (*HSE University, Russian Federation*)

BLAIR RUBLE (*Woodrow Wilson International Center for Scholars, USA*)

MARIYA SAFAROVA (*HSE University, Russian Federation*)

ELENA SHOMINA (*HSE University, Russian Federation*)

SERGEY SIVAEV (*HSE University, Russian Federation*)

EDOUARD TRUTNEV (*HSE University, Russian Federation*)

DMITRY ZAMYATIN (*HSE University, Russian Federation*)

OKSANA ZAPOROZHETS (*HSE University, Russian Federation*)

Executive secretary

Diana Kodzokova (*HSE University, Russian Federation*)

Manager

Anastasia Burova (*HSE University, Russian Federation*)

Pre-Press Anastasia Meyerson

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

7/ D. ZUPAN, M.S. GUNKO

The Comfortable City Model: Researching Russian Urban Planning and Design Through Policy Mobilities

23/ S.D. WOLFE

Urban Development Through the 2018 FIFA Men's Football World Cup: Mutated Mobile Policies in the Peripheries

42/ С.М. МОСКАЛЕВА

Управление городским наследием в Санкт-Петербурге: между локальным и глобальным

60/ А.ЛЯШЕВА

Жилищный бум в посткризисном Киеве: рост без финансов

71/ А.В. СКИПЕРСКИХ

Город Елец в региональном культурном пространстве: провинция или центр?

CONTENTS

ARTICLES

7/ DANIELA ZUPAN, MARIA GUNKO

The Comfortable City Model: Researching Russian Urban Planning and Design Through Policy Mobilities

23/ SVEN DANIEL WOLFE

Urban Development Through the 2018 FIFA Men's Football World Cup: Mutated Mobile Policies in the Peripheries

42/ SVETLANA MOSKALEVA

Urban Heritage and Governmentality in St. Petersburg: Between Local and Global

60/ ALONA LIASHEVA

Housing Boom in Post-Crisis Kyiv: Growth Without Finance

71/ ALEKSANDR SKIPERSKIKH

Yelets in a Regional Cultural Space: Province or Center?

DANIELA ZUPAN, MARIA GUNKO

THE COMFORTABLE CITY MODEL: RESEARCHING RUSSIAN URBAN PLANNING AND DESIGN THROUGH POLICY MOBILITIES

Daniela Zupan, PhD, Assistant Professor for “European Cities and Urban Heritage”, Bauhaus-Universität, Weimar; Postdoctoral Research Fellow, HSE University; 5 Belvederer Allee, Weimar, 99423, Germany; 20 Myasnitskaya Street, Moscow, 101000, Russian Federation, tel.: +49 3643 58 26 51

E-mail: daniela.zupan@uni-weimar.de

Maria Gunko, Research fellow, Institute of Geography Russian Academy of Sciences; 29 Staromonetny pereulok, Moscow, 119017, Russian Federation, tel.: +7 495 959 00 22

E-mail: msgunko@igras.ru

Abstract

Drawing on the scholarship of policy mobility and center-periphery relations, this article sheds light on the evolution of Russian urban planning and design since the new millennium and critically discusses recent trends. We do so through the lens of planning ideas and their circulation. In particular, the paper reconstructs how the comfortable city model emerged and unfolded in Russian urban planning and design. We identify three phases: the model's emergence within the professional community in the early 2000s, its consolidation in the 2010s, and its recent rise into the epitome of contemporary Russian city making. The paper finds that over the last two decades the centers of innovations in the field of urban planning and design have shifted. While mainly the regional capitals and other large and medium-sized Russian cities provided important stimuli in the beginning of the new millennium, contemporary urban planning and design is marked by attempts to spread many of Moscow's best practices throughout the country. Such attempts are enforced, inter alia, through federal programs and national modernization projects, educational initiatives, and the spread of the capital's expertise and experts to the regions. The resulting reshuffling of center-periphery relations is marked by the recentralization of knowledge, expertise, and professional resources and by further peripheralization through the undermining of local autonomy, expertise, innovation, and knowledge.

Key words: urban planning and design; comfortable city; comfortable urban environment; policy mobility; peripheralization; Russia

Citation: Zupan D., Gunko M. (2019) The Comfortable City Model: Researching Russian Urban Planning and Design Through Policy Mobilities. *Urban Studies and Practices*, vol. 4, no 3, pp. 7–22. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp4320197-22>

Acknowledgements

The research was conducted in the framework of Daniela Zupan's postdoctoral research fellowship at the National Research University Higher School of Economics Moscow from September 2018 to August 2019, parts of the paper on peripheral planning practices were written by Maria Gunko with the support of the Russian Science Foundation (grant # 19-17-00174). The authors are grateful to all interview participants and to the anonymous reviewers for providing valuable comments and suggestions on the prior versions of the manuscript.

1. Introduction

In recent years, urbanism has developed into a central political topic in Russia, with the comfortable city as its epitome. The currently much discussed priority project ‘The formation of a comfortable urban environment’ [Gunko, Batunova, 2019a; 2019b], which officially seeks to improve

the quality and comfort of the urban environment throughout the country, is the latest expression of an increasing political interest in urban development. Over the last decade the term comfort has become the new leitmotiv of many policy makers around the country. It is referred to by urban planners, architects, private developers, and investors, and can be found in professional debates, policy documents [*Pravitel'stvo Moskvy, 2014; Arkhsovet Moskvy, 2015; Pravitel'stvo Rossiyskoy Federacii, 2019*], and in the programmatic guidelines for neighborhood (re)development.

In this paper we consider the comfortable city model as a paradigmatic case to discuss the broader changes that characterize Russian urban planning and design. Over the last decade the latter has seen increasing attempts to establish many of the *stolichnye*¹ best practices outside the center through federal programs and national modernization projects, educational initiatives, and the spread of the center's expertise and experts. Opponents interpret these expansionist attempts as seeking to dictate urban development elsewhere and meet them with growing hostility. We argue that such reactions are not merely a reflection of the highly uneven allocation of budgetary resources for urban development within Russia, but that they indicate a growing unease about changing center-periphery relations within the field of urban planning and design.

Against this background, the article sheds light on the evolution of Russian urban planning and design since the new millennium. We do so through the lens of planning ideas and their circulation, and more concretely through the comfortable city model². The paper traces the emergence and evolution of the model within the Russian professional community. Doing so, the article seeks to answer the following questions: (1) How did the comfortable city model emerge, develop and spread in Russia, and how did it change throughout this process? (2) How was this dynamically unfolding process affected by the reshuffling of center-periphery relations in Russia? To answer the above, we draw on the policy mobility framework, which allows the combination of an emphasis on the local negotiations with a macro-perspective capturing the broader political and socio-economic peripheralization processes. The empirical evidence for the research was gathered through an extensive analysis of professional planning journals and policy documents (local, regional, and national) over the last two decades, and through in-depth semi-structured interviews with experts in the field of urban development carried out between April and June 2019. To trace how the comfortable city concept was implemented locally, we furthermore draw on studies the authors conducted in Perm [*Zupan, 2015*], Apatity [*Gunko, Eremenko, Batunova, 2020*], and Moscow [*Büdenbender, Zupan, 2017; Zupan, Büdenbender, 2019*].

The paper is structured as follows: section 2 contains the state of the art and presents the theoretical framework. In section 3, we reconstruct the emergence, development, and circulation of the comfortable city model in Russia. Section 4 discusses the main findings. Section 5 provides a summary and sketches directions for further research.

2. Studying policy mobilities against the background of shifting center-periphery relations in Russia

2.1 A process-based understanding of center and periphery

Research on center-periphery relations has seen a shift from a relatively static understanding of centers and peripheries, towards an approach of studying the different dimensions and dynamics of *peripheralization processes* [*Copus, 2001; Fischer-Tahir, Naumann, 2013; Kühn, 2015; Pfoser, 2017*]. Instead of understanding peripheries “as clearly determined, structural entities” [*Pfoser, 2017, p. 393*] or as spatial facts — that is, as geographical places far from a center or situated on the fringes of a city, region or nation — center-periphery relations are conceptualized as *social configurations* resting on unequal power relations [*Kühn, 2015, p. 367, 375*]. Unequal power relations and unequal access to material and symbolic resources lead to the emergence and reproduction of peripheries as “economically dependent, politically marginal and discursively stigmatised places” [*Pfoser, 2017, p. 393*]. Consequently, a multi-dimensional approach — comprising economic, social, political, and communicative-discursive dimensions — is advocated to study the processes that constitute and shape center-periphery relations [*Kühn, 2015, p. 368; Fischer-Tahir, Naumann, 2013, p. 9; Pfoser, 2017, p. 393; PoScoPP, 2015*]. By referring to the way the dependences and powerlessness are perceived, interpreted, and acted upon, the peripheraliza-

1 Best practices from the capital city, i.e. Moscow.

2 Russian professional discourse is characterized by different terms, which we subsume under the umbrella of the comfortable city in this paper. Among them are *komfortnyj gorod*/comfortable city, *komfortnaya gorodskaya sreda*/comfortable urban environment or *gorod komfortnyj dlya zhizni*/city comfortable for life.

tion concept offers a multidimensional and multiscalar framework to study “the material, institutional and discursive (re)production of inequalities” [Nagy, Timár, 2017, p. 6].

2.2 Center-periphery relations in Russia

As indicated by Golubchikov, Badyina and Makhrova [Golubchikov, Badyina, Makhrova, 2014, p. 618] “post-socialist societies have been deeply divided — with stagnation, decline, and marginalisation paralleling unparalleled wealth concentration, economic success and material consumption”. According to Brade and Rudolph [Brade, Rudolph, 2004, p. 70], growing spatial inequalities and a reshuffling of center-periphery relations present one of the most striking features of Russian development after the collapse of state socialism. Accordingly, post-socialist urban studies have produced a comprehensive body of work on the dynamics, effects, and causes of uneven socio-spatial development [Vendina, 1997; Badyina, Golubchikov, 2005; Medvedkov, Medvedkov, 2007; Brade, Rudolph, 2004; Molodikova, Makhrova 2007; Golubchikov, 2010; Golubchikov, Badyina, Makhrova, 2014; Kangas, 2013; Kinossian, 2017a; Zubarevich, Safronov, 2013]. Scholars have highlighted how the intrinsic logic of capitalist development acted as a key driver of socio-spatial polarization, producing inequalities and economic dependencies between socio-economically well-performing centers and the places left-behind [Golubchikov, Badyina, Makhrova, 2014, p. 619; Nagy, Timár, 2017, p. 5].

To adequately understand the socio-spatial disparities, however, we also have to take into account the broader socio-political trends in Russia. Post-socialist Russia has been marked by shifting trends of decentralization and recentralization [Sharafutdinova, 2010, p. 672]. With the collapse of state socialism and the launching of market reforms during the 1990s, decentralization and democratization seemed to set in at the local level [Gelman, 2010, p. 14f.; Gelman, Ryzhenkov, 2011, p. 450]. These, however, have been rolled back since the beginning of the 2000s [Sharafutdinova, 2010, p. 675]. Since then Russia has experienced a profound recentralization of governance, alongside rising authoritarianism [Gelman, Ryzhenkov 2011, p. 450; Gelman, 2018, p. 288]. This included the installment of the so-called power vertical, which heavily affected patterns of local governance and decreased local autonomy, for example through the reestablishment of political control over local governance and a reform of the taxation system in favor of centralizing financial resources [Sharafutdinova, 2010, p. 679ff.; 2013, p. 359; Gelman, 2010, p. 17; Gel'man, Ryzhenkov, 2011, p. 450f.; Kinossian, 2017b, p. 223].

These broader de- and recentralization trends also affected urban development. During state socialism, the degree of local autonomy and decision-making was restricted, and a number of mechanisms were employed to ensure the central government's control over local urban development [French, 1995, p. 3]. In the early post-Soviet period, the field of spatial planning underwent profound changes, which comprised the withdrawal of state planning and the shifting of responsibilities and control mechanisms to the municipal level [Brade, 2002, p. 13f.; Stanilov, 2007, p. 9f.]. The 1990s were characterized by a general rejection of planning regulations and of centralized, top-down planning [Stanilov, 2007, p. 10]. By the time that planning regulations, instruments, and mechanisms for their implementation had been incrementally reestablished from the new millennium onwards, the de-centralization dynamics had been rolled back [Sharafutdinova, 2010, p. 675]. Against this background, researchers argue that current Russian spatial planning resembles, at least to a certain extent, the Soviet top-down centralized planning system [Batunova, Gunko, 2018].

2.3 The policy mobility framework

The framework of policy mobility, which we use to analyze the evolution of the comfortable city model, engages with the policymaking dynamics, that is, the emergence and mobility of ideas and models, the actors and power dynamics involved, and the outcomes and effects of such processes. The framework evolved out of a renewed interest in the exchange of urban development ideas and policies [Peck, Theodore, 2010; 2015] (for an overview see [Temenos, McCann, 2013]). In light of globalization, concepts and policy models such as the creative city, the smart city or the sustainable city have “gone viral” and “have gained political currency around the globe” [Temenos, McCann, 2013, p. 344]. Importantly, the policy mobility approach allows the conceptualization of such policies not as a fixed or stable set of elements, but as a complex and dynamically evolving assemblage of elements, principles, and ideas [Ibid., p. 347].

The framework can take into account the key principles of peripheralization research as laid out in the beginning of this section. First, peripheralization focuses on unequal power relations, which

lead to the emergence and reproduction of centers and peripheries. Likewise, Peck and Theodore [2010, p. 169] argue that policy formation and transformation are socially constructed and have to be understood as fields of power. Consequently, the proponents of this approach aim to look inside the “black boxes” of the “powerful socio-spatial relations”, which constitute policy mobility assemblages [Temenos, McCann, 2013, p. 346], and which lead to the constant reproduction of (new) forms of uneven spatial development [Peck, Theodore, 2010, p. 170]. Second, peripheralization research stresses that peripheries are not static, rather, they can turn into centers and vice versa. Studies on policy mobility argue that hegemonies are always incomplete and foreground the possibilities for contestation and change [Peck, Theodore, 2010, p. 171; Temenos, McCann, 2013, p. 351]. While the framework engages with wider conditioning and constraining political, social, and economic forces (e.g. various legacies and pre-existing conditions), it also highlights the role of actors and actor networks in mobilizing, operationalizing, transforming, implementing, or resisting policies [Temenos, McCann, 2013, p. 347f.]. Third, peripheralization can take place at any scale. In this vein, the policy mobility framework stresses that mobility cannot be understood as the direct transfer of a policy from one place to another, but that such processes involve actors and elements on and between various levels. In short, the study of policy models, their emergence, circulation and mutation, is a promising lens for engaging with the field of Russian urban planning in the context of shifting center-periphery relations.

3. Reconstructing the comfortable city model in Russia

3.1 Emergence (2000–2010)

During the Soviet period the term comfort was rarely used, but certain aspects of the concept were reflected in notions such as quality of life or the quality of the living environment, which were referred to in policy documents and professional discourse [Zalkind, Toropushina, 2009]. While the topic of comfortable-city making was largely neglected in the early post-Soviet period, it reemerged in the professional discourse in the early 2000s. Several processes contributed to this. First, the limits and negative effects of early post-Soviet planning were criticized, recognized, and incrementally acted upon. Second, confronted with this increasing criticism, professional debates were characterized by attempts to identify new aims and to discuss strategies for their realization. Third, this phase saw the first planning and design experiments for creating a comfortable environment in Russian cities, which added content and specification to the diffuse discursive attempts of new agenda setting.

Criticism of Soviet and early post-Soviet urban development

Debates on urbanism have intensified since the new millennium. Discussions revolved around the limits and weaknesses of contemporary Russian urban planning and design. It was acknowledged that post-Soviet urban planning had so far been concerned with infill developments rather than with holistic approaches, and with single buildings rather than with the urban environment. Against this background, a growing concern for integrated and complex approaches which would allow the production of urban spaces of higher quality evolved. This problematization was underpinned by the self-depiction of the Russian professional community as being backward, peripheral and provincial, in contrast to what was perceived as the progressive ‘West’ ([Revzin, 1997, p. 75; 1999, p. 19], Kiselev in [PR, 2006, p. 152], [Tatunashvili, 2011, p. 158]). In line with the dominant international discourse about the failing of state socialism and the unrivalled superiority of capitalism [Rose, 1999, p. 61], experts assumed that Russian development would have to catch up on the seventy years of artificial restraint and stagnation, and go back to ‘normal’ (Bokov in [PR, 1995, p. 7]). In this period the relationship between Russian and foreign practice was marked by a relatively uncritical stance towards the latter (for an exception see, for example, [Revzin, 1999]). Many foreign experts were invited to Russia as this was seen as a necessary step to overcome the bemoaned lack of knowledge and professionalism, and to create the discipline of urban planning and design anew (Khazanov, Kiselev, Bokov in [PR, 2006, p. 152]; Sitar, Skokan, in [PR 2008, p. 100f.]; [Korobina 2008, p. 109]).

Diffuse notions of comfort

The search for new approaches to urban planning and design intensified and a wide range of different ideas and concepts were discussed, among them an aesthetic urban environment, the walkable city,

human scale, a traditional city or a compact city. In general, however, this phase was characterized by disorientation. Professional debates revealed neither a dominant model nor a common understanding or a clear agenda for urban planning and design. Instead, it was still an open question in which direction Russian planning would develop and which approaches would become dominant (Glazychev in [PR, 2008, p. 94]; [Bokov, 2010, p. 108; Muratov, 2011, p. 73]).

Among the concepts discussed in this period was the creation of a comfortable urban environment. This concept incrementally took shape within two interrelated areas of urban development – housing and public spaces. In 2006/2007 the national housing program on ‘Affordable and comfortable housing’ was adopted (*‘Dostupnoe i komfortnoe zhil’e – grazhdanam Rossii’*; see [Pashintseva, 2007]). The program, however, did not entail any authoritative position with regard to urban planning and design. The term comfort was defined in a vague way and merely referred to higher standards of housing production. Nevertheless, the program provided important stimuli for further discussion. Consequently, the professional community defined comfortable housing as an anti-model of Soviet and post-Soviet housing, which were accused of lacking well-defined open spaces and producing uncultivated, incoherent and blurred territories [Bokova, 2009, p. 72]. The creation of a comfortable living environment was meant to meet the growing demands of the population for comfort, security, a local community, the recognizability of a place, mixed use, and sufficient infrastructure [Bazhenova, Kostina, 2002, p. 53; Bokova, 2009, p. 72; Goldhoorn, 2007, p. 14]. The term comfort also appeared as a new leitmotiv for open space development. For example, the 2008 International exhibition of architecture and design, Arch Moskva, was devoted to the urban environment and attracted a lot of attention from the professional community. To provide an idea of how comfortable urban environments might look, foreign experts were invited to showcase best practices from the ‘West’.

Although by the end of the first decade of the new millennium the term comfort was “on everyone’s lips” [Muratov, 2010a, p. 64], so far rather diffuse notions prevailed. Experts bemoaned the lack of definition, clear terminology, standards and implementation strategies [Pashintseva, 2007, p. 198; Gordeev, 2010, p. 65], and acknowledged: “so far we have nothing but slogans” [Pashintseva, 2007, p. 198] and “hot air” [Muratov, 2010a, p. 65].

Experiments and ‘local stolitsy’

Practical planning attempts further contributed to achieving a more articulated understanding of comfortable city making. Notably, many experiments in this period were carried out outside Moscow. While the capital had been the showcase and pace-setter for any kind of novelty, experiment and innovation during the Soviet Union [Frolic, 1976, p. 286f.], the city had lost its role as the innovative center in the fields of urban planning and design during the early post-Soviet period. That is not to say that Moscow generally lacked new developments, but novel approaches of complex and human-scale city making were more advanced in other Russian cities (Glazychev in [PR, 1995, p. 7]). For example, influential innovations concerning comprehensive, local, and sensitive forms of urban renewal were developed in Nizhni Novgorod (‘city inside-out’ [Revzin, 2000]), Samara (the redevelopment of the 79th quarter) or Irkutsk (the reconstruction of street block 130). The city of Kazan invited the famous planner Acebillo to set up a redevelopment strategy for the city center [Korobina, 2008, p. 108]. But it was the city of Perm that played a pivotal role in this process. Spearheaded by Oleg Chirkunov, the governor of Perm region at that time, the Perm experiment aimed at the modernization of the region and “catching-up” with “Western standards” [Chirkunov, 2010, p. 60]. It was within this initiative that the scattered elements were assembled together in what has later been described as the first Russian guidebook on the formation of a comfortable urban environment. This guidebook was the Perm Masterplan, developed by the Dutch planning firm KCAP. To transform Perm into a comfortable place to live in by international ‘Western’ standards [Muratov, 2010b, p. 58], the European, compact-city principles were deployed. These include urban block morphology, medium scale buildings, high quality urban spaces and public transport and walkability [KCAP, 2010]. Despite the fact that the Masterplan has not been implemented, many experts assume that it led to a rupture within the Russian professional community and was perceived as a completely new approach [Interview I, 2019; Interview IX, 2019]. Over the following years the Masterplan spread within private planning firms, public administrations, and educational institutions throughout the country [Nilina, 2013; Interview I, 2019; Interview III, 2019].

3.2 Formation and consolidation (2010–2014)

From 2010, the process entered a new phase, in which the comfortable city model was substantially formatted and consolidated. Three trends contributed to this process. First, single elements were assembled together in one overarching model. A shared vocabulary and underlying rationales were developed, and a common understanding of comfortable-city making began to emerge within the Russian professional community. Second, the comfortable city found the support of the political leadership and was declared the official role model for Moscow urban development. This declaration was accompanied by the development of the first authoritative guidelines on how to create comfortable urban spaces. Third, this phase was characterized by the implementation of projects, which showcased the comfortable city in materialized form, thereby also contributing to setting the standards for future comfortable-city making in Russia.

Concept and rationales

In the course of this phase, the single elements, bundles and principles — such as a city for people, human scale, walkability, urban block or compact and mixed-use structures — were assembled together under the umbrella of the Russian formula of the *komfortnyj gorod*. The comfortable city was presented as a cure to a wide range of urban problems, including traffic congestion, chaotic urban development, and security. It was narrated as a means to substantially increase the quality of life in cities. The model combined political, economic, cultural, and social rationales, making it an almost all-encompassing reference point for different actor groups.

Foreign ideas still acted as important sources. For example, many of the books of Jan Gehl — one of the ‘gurus’ of comfortable-city making around the globe — were translated and published in Russian [Afonichkin, 2012, p. 42]. In contrast to the previous phase, however, foreign knowledge and experience was critically reflected upon and transformed to meet specific, Russian requirements. The concept ceased to be perceived as an imported model and now importantly evolved from within the Russian context. Accordingly, a Russian formula of the comfortable city with its own foci, vocabulary, rationales, and understanding developed [Interview I, 2019]. This process went hand in hand with a departure, at least to a certain degree, from the dismissal of Soviet and early post-Soviet planning and design, and towards active attempts to incorporate the model into the specific post-Soviet context. In the field of housing, for example, it was connected to industrialized housing production, and transformed into the concept of comfortable mass housing [Goldhoorn, 2015, p. 1; Belov, 2015, p. 57]. We can also observe the emancipation from the backward narrative that had shaped the previous phase. Against the background that hardly any of the imported ready-mades had been successfully implemented, a more critical stance towards imported ‘Western’ practices emerged, and a more balanced partnership of equals between Russian and foreign experts evolved [Interview I, 2019; Interview X, 2019].

Urban policy

In this phase the comfortable city evolved from scattered local or regional initiatives and developed into a full-fledged urban policy. It was taken up by Moscow’s ruling elites and became the programmatic reference point for the capital’s future urban development. The political leadership became aware that urbanism could serve as a form of the realization of politics [Büdenbender, Zupan, 2017, p. 306]. Experts at that time noted that there is “a new wave of authoritarianism surging through the corridors of federal power”, and that this has direct effects on space production [Muratov, 2012, p. 82]. In 2010, the then-President Dmitry Medvedev appointed Sergey Sobyenin as Moscow’s major, a step that fundamentally changed the city’s position vis-a-vis the federal powers. This federal ‘take-over’ meant that Moscow was firmly reintegrated into the power vertical [Büdenbender, Zupan, 2017, p. 301, 303; Interview VII, 2019]. When Sobyenin was appointed, his administration developed the program ‘Moscow: a city comfortable for life’ [Pravitel’stvo Moskvyy, 2014]. This document covered a broad spectrum of topics, ranging from mobility to health, education and the creation of a comfortable urban environment. In the following years, specific guidelines on selected topics were set up, for example, on the formation of comfortable urban housing [Arkhsovet Moskvyy, 2015] or on Moscow’s *blagoustroystvo*³ [Strelka KB, 2016].

3 *Blagoustroystvo* is a notion that does not have a direct equivalent in English. It pertains to measures of city-landscape maintenance, landscaping, and urban design aimed at improving living conditions, as well as upgrading the sanitary and aesthetic state of the territory.

From then on, the city regained its role as the main trendsetter and generator of innovation in the field of urban development, which it had lost in the early post-Soviet period.

Examples built in the center and beyond

Despite the theoretical efforts among professionals and policy makers, interpretations of the comfortable city still differed within the professional community [Shchukin, 2014, p. 136]. It was projects implementation, which provided substance and a concrete, spatial understanding of how comfort might look in built form. The projects implemented in this phase made important contributions to the model's development because they enhanced the emergence of a shared understanding and set the standards for future projects.

During this phase a large number of projects emerged. While implementations were by no means restricted to Moscow, it was the capital's projects, which attracted most attention and further developed into the main references and best practices for comfortable-city making. In the field of housing, dense complexes with courtyards, colorful children's playgrounds surrounded by even more colorful facades emerged; elements, which later became signifiers of comfortable housing (see for example projects by the developers Rose Group, Brusnika, PIK, Urban Group or KROST). The Moscow comfortable urban environment agenda included the design of public spaces. The transformation of Gorky Park for Culture and Leisure in 2011, into a hip meeting point combining international state of the art design and attractive commercial spaces, can be regarded as kick-starting this development [Kalyukin, Borén, Byerley, 2015; Büdenbender, Zupan, 2017, p. 306]. This successful model of upgrading open spaces was replicated for many other open spaces, first in Moscow and then throughout the country.

3.3. 'Comfortization' throughout Russia: expansion and diffusion (since 2014)

Over the last couple of years, the process has entered a new phase, which has been characterized by the top-down diffusion of the Moscow-based comfortable city model throughout Russia. First, we observe forthright attempts by the center to spread the model with the help of different mechanisms and channels. Second, the comfortable city developed into the dominant model within Russian urban planning and design, although, according to critics, its massive spread went hand in hand with a certain loss of substance. Third, local implementations of national programs reflect increasing difficulties in addressing specific challenges at the local level, and the diminishing of local autonomy.

Top-down expansion (programs, education, planning institutions)

Over the last few years, a whole repertoire of instruments, channels, and mechanisms have been set in place to spread the comfortable city model within Russia. The main driving forces behind this process are the federal authorities: "In recent years, the topic of the *blagoustroystvo* of the cityscape has acquired a completely new dimension. For decades this was the exclusive domain of regional and municipal authorities, but now it has turned into a federal responsibility" [Kvartal, 2018, p. 6, authors translation]. This shift took place in 2014, when President Putin announced in the State Council that the creation of a comfortable urban environment in all Russian cities was a federal task [ibid].

National programs have developed into an important channel to spread the model. The main program in this regard is the priority project "The formation of a comfortable urban environment", which officially aims to improve the quality and comfort of the urban environment throughout the country. Equally important are educational initiatives and the preparation of new cadres [Petrova, 2018]. Prime Minister Dmitry Medvedev recently noted [Gazeta.ru, 2019, authors translation]: "We have to make sure that in every municipal center of the Federation professional teams emerge: small, well-knit patriotic local teams who are capable of producing architectural and planning solutions and who can carry out contracting work". The program Arkhitektory.rf, which has been carried out by dom.rf and Strelka KB since 2018, is an example of such an initiative producing loyal cadres. Another central pillar is the development of new standards and guidelines, the number of which has significantly increased over the recent years. While such planning documents are not legally binding, they are, in the long run, meant to transform the legal and regulatory basis of Russian urban planning. Many experts perceive them as a means of innovating the Russian planning system, which is depicted as a hindering factor for implementing contemporary approaches of comfortable city making [Kvartal, 2018, p. 9].

The understanding of comfortable-city making, which is currently being spread throughout Russia, clearly draws inspiration from the policies previously developed in Moscow. Professional debates reveal the emergence of a new center-periphery narrative: the center is portrayed as the carrier and provider of progressive knowledge, of experience and expertise, while denying that the peripheries have sufficient competences and skills to solve urban planning and design challenges on their own. This holds especially true for the experts involved. As an urban planning expert in Moscow notes on the so-called *stolichnye* experts — experts from the capital that seek to spread their knowledge and competence throughout the country: “According to the dominant narrative, all the competence is accumulated in the center. But in reality, they [*stolichnye* experts] are not capable of developing anything for the peripheries, because they have no knowledge about what is happening there or what is needed there” ([*Interview III, 2019*], authors translation). The interviewee specifically refers to Strelka, an organization initially serving as a critical platform for engaging with questions of spatial development. Starting from Moscow, the firm has developed into a key collaborator in shaping Russian urbanism, with very close ties to the Moscow and federal authorities. Strelka KB develops guidelines for the whole country and can be regarded as one of the most powerful organizations involved in spreading ‘comfort’ through the *blagoustroystvo* of cities and regions within Russia [*Suvorova, Mudryy, 2017*].

Political short-term spatial fix

The principles together with their underlying rationales were assembled together in the Russian formula of the comfortable city and spread through various channels. The model is gaining strength and is currently being established as the leading paradigm of Russian urban development. This spread, however, goes hand in hand with a dilution of the model. At first glance, it seems that what is being spread from above is the Moscow model, as it has been firmly established as a successful policy in the capital under Mayor Sobyenin. In reality, however, it appears to be a cheaper imitation of, or superficial reference to, the latter. Taking into account Russia’s highly uneven resource redistribution in favor of the capital this does not come much as a surprise [*Trubina, 2015, p. 30; Interview VII, 2019*].

Experts argue that while the process started with good intentions and progressive ideas, the comfortable city model in general, and *blagoustroystvo* in particular, have developed into mere substitutes for a truly complex understanding of the urban environment as a mediator between people and space [*Interview III, 2019; Interview VI, 2019*]. Many argue that the concept is used by policy makers as a superficial and temporal spatial fix to calm the opposition and to alleviate tensions and social conflicts [*Interview I, 2019; Interview VII, 2019; Interview VIIIb, 2019; Interview X, 2019*]: “It became clear to the authorities that the sole focus on quantity does not satisfy the population, the voters. The latter want more. They want a clean environment; they want good public spaces [...] You can build as much as you want, but *blagoustroystvo* has much more effect, it is quicker and cheaper — and this was acknowledged at the national level” ([*Interview I, 2019*], authors translation).

Over recent years comfort and *blagoustroystvo* have been established as central reference points promising an increase in the population’s well-being. However, these terms distract from the political questions such as sufficient and spatially balanced provision of infrastructure or growing inequalities between and within cities, thus obscuring the political significance of spatial planning and urban development. A case in point is the comfortable urban environment index developed by dom.rf and Strelka KB (<https://индекс.дом.рф>). The main indicators to measure the quality of the urban environment include safety, comfort, ecology, identity, and diversity and the environment’s contemporaneity. However, while new fountains, playgrounds, and paving tiles might present relatively cheap short-term fixes, one wonders if it is not more fundamental issues, such as the provision of workplaces, housing and other basic infrastructure that should be the priority. Such a sustainable long-term development would, however, require serious investment and a redistribution of resources.

Decreasing local autonomy

Due to the dependence of cities on federal and regional subsidies the scope of local autonomy and self-government is decreasing [*Interview I, 2019; Interview III, 2019; Interview VIIIa, 2019; Interview X, 2019*]. The prioritization of national projects not only further concentrates financial resources, but also limits the set of alternative development paths, as municipalities face ever-more detailed recommendations from the center on how to carry out urban planning and design locally. Experts raise

the concern that such recentralization might prevent the possibility of effective spatial development [Interview III, 2019].

Apatity, a small city located in Murmanskaya oblast, is a case in point. Since the collapse of state socialism the city has been confronted with high levels of depopulation and budget austerity, resulting in the downgrading of the cityscape. The priority project on ‘The formation of a comfortable urban environment’ could have become an important and much-needed mechanism to engage with these challenges. The implementation, however, shows that the city has merely focused on minor spatial fixes, such as the *blagoustroystvo* of courtyards, the repair of driveways, lighting, the installation of benches and trash bins. The local administration is well aware that such measures do not lead to a significant improvement of the cityscape: “There is no comprehensiveness in what we are allowed to do. While we are paving driveways in courtyards, we can’t make a proper storm sewerage system. Every year when the snow melts this paving is being washed away” [Interview XI, 2019, authors translation]. Instead of creating a truly more comfortable urban environment, the priority project aggravates the situation by dispensing much-needed funds on decorations and superficial fixes. Even with regard to these minor fixes, the projects hardly show any sign of locally sensitive designs, which would cater to the specific needs and conditions. Instead, the appearance of new architectural forms, lighting, benches and trash bins resembles Moscow best practices, which can be meanwhile found in cities throughout the country. The Apatity case displays the severe restrictions that exist at the local level, namely through hard factors (e.g. strict regulations such as a narrow list of priority projects and the lack of resources) and through soft factors (e.g. the credibility and legitimation of *stolichnye* best practices).

Discussion

The previous sections have shown that contemporary Russian urban planning and design is marked by growing recentralization. During the period analyzed, the centers of innovation in the field shifted, pointing to the processual and open-ended character of center-periphery relations. At the beginning of the new millennium, regional capitals and large and medium-sized Russian cities provided important stimuli and novel solutions. Over the last decade, however, local autonomy and self-government throughout the country significantly decreased. Moscow and the federal powers have gained power and increasingly seek to dictate urban planning and design throughout the country.

The unequal access to, and distribution of material and symbolic resources reinforces peripheralization within Russian urban planning and design. Our analysis revealed different, although interconnected dimensions through which this process unfolds: economic, communicative-discursive, and political. First, while cities in Russia officially exercise local autonomy and bear responsibility for local urban development, the hierarchical fiscal policy constrains their actual decision-making power and significantly increases their dependence on the decisions taken in the center [Kinossian, 2017b, p. 229]. In urban development, this trend is further underpinned by the prioritization of national modernization projects, and the allocation of funds to them.

Second, the analysis revealed a communicative-discursive dimension in the ongoing peripheralization process. Debates are marked by the emergence of a narrative that depicts the center as the carrier and provider of knowledge, experience, and expertise, while denying that the peripheries have sufficient competences and skills to solve urban planning and design challenges on their own. To ‘educate’ the rest of the country, the center provides narrow, detailed, and fixed ready-mades for urban development, which are enforced, *inter alia*, through guidelines and educational initiatives, following the logic: “You have a problem? You cannot solve it on your own, because you don’t know how? Here are the standards how to proceed, now do it!” [Interview VIIIa, 2019] authors translation).

However, while opportunities on the local level are shrinking, there is still room to maneuver. Research has argued that despite Russia’s strongly central-hierarchical system and power vertical, it would be wrong to conclude that the development of Russian cities and regions is completely dictated by the center [Kinossian, 2017b, p. 233]. Besides the imposition of top-down sanctions, local actors and politics do exhibit some autonomy vis-à-vis the higher levels of authority [Gelman, Ryzhenkov, 2011, p. 449, 453f.]. This also holds true for urban planning and design, as an interviewee explains: “Even within this narrow framework, the governors have the possibility to translate these standards in different ways, and to develop alternative approaches — of course, only if such attempts do not contradict the federal powers” [Interview VIIIa, 2019, authors translation]. One can find examples of independent and creative rethinking of urban development, albeit, driven by the private sector [Gunko, Pivovarov, Averkiva, 2019]. Such examples, however, require strong agency of the local policy makers, of private

business, and of civil society; the kind of agency which would oppose, alter or creatively translate the top-down established approaches and use funds to actually improve the local situation.

Finally, the analysis revealed a political dimension, which also helps to explain the seductive power of the center's comfortization strategy. At the moment, we can observe the paradoxical situation in which urbanism is being established as a central political field, while the authorities simultaneously attempt to depoliticize urban planning and design. Contemporary urban development in Russia focuses on diffuse topics such as aesthetics, comfort, and quality of life. Many of these developments have led to an increase in the quality of the urban environment, however, the highly visible objects mostly present insubstantial, singular improvements. They distract from far more profound questions such as the insufficient and unbalanced provision of infrastructure or the growing intra-urban inequalities. It seems that comfort has become a substitute for comprehensive urban planning, depriving the latter of its complexity on the one hand, and of its political character on the other. According to one interviewee, many of the currently introduced measures "create the semblance of concern, but they don't provide solutions for real problems. Indeed, they even distract from serious questions, because as soon as we engage with the real problems, we are confronted with questions that go well beyond the sphere of spatial development" (*Interview III, 2019*) authors translation).

In the light of budget austerity, the comfortization of the country has become a political tool to assure the loyalty and support of the population [*Interview III, 2019*], and to distract from the lack of accountable government in an autocratic political system: "Urban planning is a democratic institution, in which the municipality and the local community are responsible for city development and in which values and strategies develop bottom-up. [...] In Russia, it cannot work at the moment, because we don't have democracy" (*Interview VIIa, 2019*) authors translation).

Conclusion

This paper reconstructed the emergence and development of the comfortable city model in Russia, to shed light on the evolution of Russian urban planning and design since the start of the new millennium. Drawing on the scholarship of policy mobility and center-periphery relations, we identified three phases through which the model unfolded, each of which being characterized by a specific relation to foreign planning practices and by different relations between Moscow and other Russian cities.

In the first phase (emergence, 2000–2010), the professional discourse was shaped by the self-depiction of the Russian professional community as being backward and peripheral and which had to overcome Soviet practices of city making catching up with the 'progressive West'. Accordingly, the understanding of comfort in this period was to a large extent shaped by the rather uncritical transfer of foreign ideas, best practices and experts. Within Russia, the most influential attempts towards comfortable-city making took place outside the Russian capital. Local authorities did not perceive themselves as provincial, but recognized their political, economic, cultural, and territorial potential [*Korobina, 2008, p. 106*] and acted as the main innovation drivers. Local cadres generally enjoyed relative freedom. While federal authorities provided stimuli in urban development (e.g. programs), they did not put forward any authoritative position with regard to urban planning and design models.

The second phase (formation and consolidation, 2010–2014) showcased a more balanced relation towards foreign practices. This went hand in hand with the development of a Russian formula of the comfortable city. The latter was no longer perceived as an imported model, but as a home-grown practice. Within Russia, Moscow — importantly supported by the federal powers — began to reestablish its role as the main trendsetter in the field of urban planning and design.

In the third phase (expansion and diffusion, since 2014) discussions about foreign versus Russian practices lost their importance and debates increasingly centered on the developments and power relations within Russia. In this regard, a narrative is evolving, which assigns knowledge, experience, and professionalism to the center, and a lack of these characteristics to the rest of the country. The center increasingly acts as the accumulator and distributor of financial resources, knowledge, and expertise in urban planning and design and is using several channels to 'educate' the rest of the country. The comfortable city model in general, and *blagoustroystvo* in particular, have developed into mere substitutes for a truly complex understanding of the urban environment, and are instrumentalized for political purposes.

Urban planning and design in Russia is marked by the recentralization of knowledge, expertise, and professional resources, and by the further peripheralization and undermining of local autonomy, expertise, innovation, and local and indigenous knowledge. In many respects, this process echoes the broader political climate in Russia, and the changes therein.

List of Interviewees

- Interview I: Urban planner and architect, Moscow, 01.04.2019
Interview II: Architect and former policy maker, Moscow, 09.04.2019
Interview III: Urban planner, Moscow, 16.04.2019
Interview IV: Architect, Nizhnyj Novgorod, 22.04.2019
Interview V: Architect, expert on urban development and researcher, Moscow, 24.04.2019
Interview VI: Urban planner, Moscow, 25.04.2019
Interview VII: Urban planner, city administration, Moscow, 29.04.2019
Interview VIII: VIIIA expert in urban development; VIIIB, architect, Moscow, 06.06.2019
Interview IX: Architect, Ekaterinburg, 20.06.2019
Interview X: Architect, Ekaterinburg, 21.06.2019
Interview XI: Urban planner, city administration, Apatity, 21.02.2019

References

- Afonichkin A. (2012) Chelovechnye goroda [Humans Cities]. *Proekt Rossiya* [Project Russia], vol. 64, no 2, pp 42. (in Russian)
- Arkshovet Moskvyy (2015) Prezentatsiya "Polozheniya standarta № 305-PP" [Arch Council. Presentation 'Statements of the Standard no 305-RR'] Available at: <https://archsovets.msk.ru/presscenter/polozheniya-standarta-305-pp> (accessed 29.05.2019). (in Russian)
- Badyina A., Golubchikov O. (2005) Gentrification in central Moscow – a market process or a deliberate policy? *Geografiska Annaler*, vol. 87, no 2, pp. 113–129.
- Batunova E., Gunko M. (2018) Urban shrinkage: an unspoken challenge of spatial planning in Russian small and medium-sized cities. *European Planning Studies*, vol. 26, no 8, pp. 1580–1597.
- Bazhenova E.S., Kostina E.G. (2002) Low-rise housing – myth and reality. *Project Russia*, vol. 25, pp. 53–56.
- Belov A. (2015) New standards. *Project Russia*, vol. 7, no 3, p. 57.
- Bokova A. (2009) Shaping the urban fabric: the future of residential unit. *Project Russia*, vol. 5, no 2, pp. 68–79.
- Bokov A. (2010) The new pragmatism and the old city. *Project Russia*, vol. 57, no 3, pp. 108–109.
- Brade I. (2002) Der Wandel der russischen Städte in den 1990er Jahren. Einführungen zum Thema. *Die Städte Russlands im Wandel. Raumstrukturelle Veränderungen am Ende des 20. Jahrhunderts*/Brade I. (Hrsg.) Leipzig: Institut für Länderkunde, pp. 12–19.
- Brade I., Rudolph R. (2004) Moscow, the global city? The position of the Russian capital within the European system of metropolitan areas. *Area*, vol. 36, no 1, pp. 69–80.
- Büdenbender M., Zupan D. (2017) The evolution of neoliberal urbanism in Moscow, 1992–2015. *Antipode*, vol. 49, no 2, pp. 294–313.
- Chirkunov O. (2010) Interview with Oleg Chirkunov: "In a city there should be life". *Project Russia*, vol. 56, no 2, pp. 60–62.
- Copus A.K. (2001) From core-periphery to polycentric development: concepts of spatial and aspatial peripherality. *European Planning Studies*, vol. 9, no 4, pp. 539–552.
- Fischer-Tahir A., Naumann M. (eds.) (2013) Peripheralization. The making of spatial dependencies and social injustice. Wiesbaden: Springer VS.
- French R. (1995) Plans, Pragmatism and People. The Legacy of Soviet Planning for Today's Cities. London: UCL Press.
- Frolic B.M. (1976) The New Moscow City Plan. The city in Russian history/Hamm M.F. (ed.). Lexington: The University Press of Kentucky, pp. 277–288.
- Gazeta.ru (2019) Ne zhit' nayselkakh: kak Putin poruchil preobrazit' rossiyskie goroda [Not life on the outskirts: How Putin instructed to transform Russian cities]. *Gazeta.ru*. Available at: <https://www.gazeta.ru/business/2019/02/18/12192823.shtml> (accessed 16.09.2019). (in Russian)
- Gelman V. (2010) The dynamics of subnational authoritarianism. *Russian Politics & Law*, vol. 48, no 2, pp. 7–26. (in Russian)
- Gelman V., Ryzhenkov S. (2011). Local regimes, sub-national governance and the 'Power Vertical' in contemporary Russia. *Europe-Asia Studies*, vol. 63, no 3, pp. 449–465.
- Gelman V. (2018) Bringing actors back in: political choices and sources of post-Soviet regime dynamics. *Post-Soviet Affairs*, vol. 34, no 5, pp. 282–296.
- Goldhoorn B. (2007) V Moskve net kontseptsii gorodskogo prostranstva [There is no an urban space concept in Moscow]. *Proekt Rossiya* [Project Russia], vol. 43, no 1, pp. 14–16. (in Russian)

- Golubchikov O. (2010) World-city-entrepreneurialism: globalist imaginaries, neoliberal geographies, and the production of new St Petersburg. *Environment and Planning A*, vol. 42, no 3, pp. 626–643.
- Golubchikov O., Badyina A., Makhrova A. (2014) The hybrid spatialities of transition: capitalism, legacy and uneven urban economic restructuring. *Urban Studies*, vol. 51, no 4, pp. 617–633.
- Gordeev S. (2010) Interview with Sergey Gordeev: The problems of Russian cities are not unique. *Project Russia*, vol. 56, no 2, pp. 63–68.
- Gunko M., Medvedev A. (2018) Dull place or green idyll: local identity and migration intentions of small city youth. *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*, vol. 109, no 5, pp. 661–676.
- Gunko M., Batunova E. (2019a) Strategiya fontanov i detskikh ploshchadok. Chast 1 [Strategy of fountains and playgrounds. Part 1]. *Republica*. Available at: <https://republic.ru/posts/93305> (accessed 29.05.2019). (in Russian)
- Gunko M., Batunova E. (2019b) Strategiya fontanov i detskikh ploshchadok. Chast 2 [Strategy of fountains and playgrounds. Part 2]. *Republica*. Available at: <https://republic.ru/posts/93329> (accessed 29.05.2019). (in Russian)
- Gunko M., Pivovarov G., Averkieva K. (2019) Revitalizatsiya v malykh gorodakh Evropeyskoy Rossii (na primere Borovichey, Vyksy i Rostova) [Revitalization in small towns of European Russia (an example of Borovichey, Vyksa, and Rostov)]. *Izvestiya RAN. Seriya goeograficheskaya* [Bulletin of Russian Academy of Sciences. Geography Series], no 5. pp. 18–31. (in Russian)
- Gunko M., Eremenko Iu., Batunova E. (2020) Strategii planirovaniya v usloviyakh gorodskogo szhatiya v Rossii: issledovanie malykh i srednikh gorodov [Strategies of planning in a context of shrinking in Russia: Survey on small and medium towns]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], vol. 29, no 3, pp. 121–141. (in Russian)
- Kalyukin A., Borén T., Byerley A. (2015) The second generation of post-socialist change: Gorky Park and public space in Moscow. *Urban Geography*, vol. 36, no 5, pp. 674–695.
- Kangas A. (2013) Governmentalities of big Moscow: particularising neoliberal statecraft. *Geopolitics*, vol. 18, no 2, pp. 299–314.
- KCAP. (2012) Transforming the City. Perm Strategic Masterplan. Available at: <http://www.Permgenplan.ru/content/view/21/38/> (accessed 25.01.2012).
- Kinossian N. (2017a) State-led metropolisation in Russia. *Urban Research & Practice*, vol. 10, no 4, pp. 466–476.
- Kinossian N. (2017b) Re-colonising the Arctic: the preparation of spatial planning policy in Murmansk Oblast, Russia. *Environment and Planning C: Politics and Space*, vol. 35, no 2, pp. 221–238.
- Korobina I. (2008) City development in Russia: What do we expect from the authorities? *Project Russia*, vol. 49, no 3, pp. 106–109.
- Kvartal (2018) Pravila, kotorye izmenyat zhizn' k luchshemu [Quarter. Rules, which will change life to better]. *Kvartal. Kak privlечь den'gi v gorod* [Quarter. How to raise money to the city], pp. 5–28. Available at: <https://media.strelka-kb.com/#!/tab/84488506-3> (accessed 29.05.2019). (in Russian)
- Kühn M. (2015) Peripheralization: theoretical concepts explaining socio-spatial inequalities. *European Planning Studies*, vol. 23, no 2, pp. 367–378.
- Medvedkov Y., Medvedkov O. (2007) Upscale housing in post-Soviet Moscow and its environs. *The post-socialist city*/Stanilov K. (ed.). Dordrecht: Springer, pp. 245–265.
- Molodikova I., Makhrova A. (2007) Urbanization patterns in Russia in the post-Soviet era. *The post-socialist city*/Stanilov K. (ed.). Dordrecht: Springer, pp. 53–70.
- Muratov A. (2010a) Housing. *Project Russia*, vol. 55, no 1. pp. 65–67.
- Muratov A. (2010b) Perm. *Project Russia*, vol. 56, no 2, pp. 57–59.
- Muratov A. (2011) Grands projets. *Project Russia*, vol. 60, no 2, pp. 73–75.
- Muratov A. (2012) Heritage. *Project Russia*, vol. 65, no 3, pp. 81–83.
- Nagy E., Timár J. (2017) The (re-)production of peripherality in Central and Eastern Europe. *European Spatial Research and Policy*, vol. 24, no 2, pp. 5–16.
- Nilina N. (2013) Strategicheskii master-plan goroda Permi kak zerkalo gradostroitel'noy deyatelnosti v Rossii [Strategic masterplan of the city of Perm as a mirror of urban planning reality in Russia]. Available at: <http://www.archi.ru/russia/48274/strategicheskii-master-plan-goroda-Permi-kak-zerkalo-gradostroitelnoi-deyatelnosti-v-rossii> (accessed 08.09.2012). (in Russian)
- Pashintseva T. (2007) Pervye opyty natsional'nogo proekta [First experiences of national project]. *Project Russia*, vol. 45, no 3, pp. 198–201. (in Russian)
- Peck J., Theodore N. (2010) Mobilizing policy: models, methods and mutations. *Geoforum*, vol. 41, pp. 169–174.
- Peck J., Theodore N. (2015) Fast policy: Experimental statecraft at the thresholds of neoliberalism. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Petrova E. (2018) Novye arkhitektory: kto budet razvivat' goroda Rossii [New architects: Who will develop Russian cities]. Available at: https://m.gazeta.ru/social/2018/10/17/12025333.shtml?fbclid=IwAR2SvZiNStqAS-2wmxq-92DZ1C_XKMHFvgzF5hYmZl2qjqQhVgXu6D_-iVw (accessed 23.10.2018). (in Russian)

- Pfoser A. (2018) Narratives of peripheralisation: place, agency and generational cohorts in post-industrial Estonia. *European Urban and Regional Studies*, vol. 25, no 4, pp. 391–404.
- PoS-CoPP – Research Group Production of Space in the Context of Polarisation and Peripheralisation. Understanding new geographies of Central and Eastern Europe (2015). *Understanding new geographies of Central and Eastern Europe: socio-spatial polarization and peripheralization in a rapidly changing region*/Lang T., Henn S., Kornelia E., Sgibnev W. (eds.). Basingstoke: Palgrave, pp. 1–24.
- Pravitel'stvo Moskvy (2014) Programma razvitiya Moskvy "MOSKVA – GOROD, UDOBNIY DLYA ZHIZNI" [The government of Moscow. Development program of Moscow 'Moscow is a livable city']. Available at: <http://s.mos.ru/common/upload/M2025.pdf> (accessed 25.08.2015). (in Russian)
- Pravitel'stvo Rossiyskoy Federacii (2019) Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossiyskoy Federacii na period do 2025 goda [The government of the Russian Federation. Strategy of the spatial development of the Russian Federation on term till 2025]. Available at: <http://static.government.ru/media/files/UVAUqUtT08o60RktoOX-L22jAe7irNxc.pdf> (accessed 25.03.2020). (in Russian)
- Prioritetnyy proekt "Formirovaniye komfortnoy gorodskoy sredy" (2017) [Priority project 'Forming a comfortable urban environment']. Available at: <http://www.minstroyrf.ru/trades/gorodskaya-sreda/strategicheskoe-napravlenie-razvitiya-zhkh-i-gorodskaya-sreda/> (accessed 25.03.2020). (in Russian)
- PR – Project Russia. (1995) Round Table: Architecture in a post-totalitarian society. *Project Russia*, vol. 1, no 1, pp. 6–12.
- PR – Proekt Rossiya. (2006) Chelovek s osmyslennym litsom. Kruglyy stol o meste arkhitekora v sovremennoy Rossii [Project Russia. A man with a sensible face. Round table about the place of the architect in contemporary Russia]. *Proekt Rossiya* [Project Russia], vol. 40. no 2. pp. 149–152. (in Russian)
- PR – Project Russia. (2008) New cities: pro et contra. A questionnaire by PR. *Project Russia*, vol. 48, no 2, pp. 90–101.
- Revzin G. (1997) Negation as a positive program. *Project Russia*, vol. 5, pp. 73–75.
- Revzin G. (1999) Interview with Yury Gnedovskiy. *Project Russia*, vol. 13, pp. 17–20.
- Revzin G. (2000) City inside out. Urban renewal in Nizhni Novgorod. *Project Russia*, vol. 17, pp. 41–48.
- Rose N. (1999) Power of freedom. Reframing political thought. Cambridge: University Press.
- Sharafutdinova G. (2010) Subnational governance in Russia: how Putin changed the contract with his agents and problems it created for Medvedev. *Publius*, vol. 40, no 4, pp. 672–696.
- Sharafutdinova G. (2013) Gestalt switch in Russian Federalism: the decline in regional power under Putin. *Comparative Politics*, vol. 45, no 3, pp. 357–376.
- Shchukin A. (2014) Urban block as anti-mikrorajon. *Project Russia*, vol. 73, no 3, pp. 136–139.
- Stanilov K. (2007) Taking stock of post-socialist urban development: a recapitulation. *The post-socialist city*/Stanilov K. (ed.). Dordrecht: Springer, pp. 3–17.
- Strelka KB. (2016) Svodnyy standart blagoustroystva ulits Moskvy [Consolidated standard of public services and amenities of streets in Moscow]. Available at: https://www.mos.ru/upload/newsfeed/newsfeed/160927_book_standart_small_final.pdf (accessed 25.03.2020). (in Russian)
- Suvorova N., Mudryy S. (2017) Issledovanie: kak ustroen biznes 'Strelki' [The survey: How the 'Strelka' business is organized]. Available at: <https://incrossia.ru/fly/issledovanie-kak-ustroen-biznes-strelki/> (accessed 29.05.2019). (in Russian)
- Tatunashvili N. (2011) Alternative street block. *Project Russia*, vol. 60, no 2, pp. 158–159.
- Temenos C., McCann E. (2013) Geographies of policy mobilities. *Geography Compass*, vol. 7, no 5, pp. 344–357.
- Trubina E. (2015) Configuring center-periphery relations: relational legacy in the over-centralized state. *Journal of Architecture and Urbanism*, vol. 39, no 1, pp. 28–36.
- Vendina O.I. (1997) Transformation processes in Moscow and intra-urban stratification of population. *GeoJournal*, vol. 42, no 4, pp. 349–363.
- Zalkind L., Toropushina, E. (2009) Zhilishchnaya politika Rossii: Severnoe izmerenie [Housing policy in Russia: Northern dimension]. Apatity: Kola Scientific Center of RAS. (in Russian)
- Zubarevich N.V., Safronov S.G. (2013) Neravenstvo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov i gorodov Rossii 2000-kh godov: rost ili snizheniye? [Inequality of socio-economic development of regions and cities of Russia in the 2000s: growth or decrease?]. *Obshchestvennyye Nauki i Sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], no 6, pp. 15–26. (in Russian)
- Zupan D. (2015) Local debates on 'global' planning concepts: the 'compact European city' model in postsocialist Russia – the case of Perm'. *Europa Regional*, vol. 22, no 1–2, pp. 39–52.
- Zupan D., Büdenbender M. (2019) Moscow urban development. Neoliberal urbanism and green infrastructures. *Postsocialist urban infrastructures*/Tuvikene T., Sgibnev W., Neugebauer C. (eds.). London, New York: Routledge, pp. 125–141.

Д. ЗУПАН, М.С. ГУНЬКО

«КОМФОРТНЫЙ ГОРОД»: ИССЛЕДОВАНИЕ ГОРОДСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ И ПРОЕКТИРОВАНИЯ В РОССИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МОБИЛЬНОСТИ ПОЛИТИКИ

Зупан Даниэла, PhD, младшая профессорка программы «Европейские города и городское наследие» Веймарского Университета Баухауса; Germany, 599423, Weimar, 5 Belvederer Allee; научная сотрудница постдокторантуры, НИУ ВШЭ; Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20, тел.: +49 3643 58 26 51

E-mail: daniela.zupan@uni-weimar.de

Гунько Мария Сергеевна, кандидат географических наук, научный сотрудник Института географии Российской академии наук; Российская Федерация, 119017, г. Москва, Старомонетный переулок, 29, тел.: +7 495 959 00 22

E-mail: msgunko@igras.ru

В данной статье рассматривается эволюция городского планирования и проектирования в России через циркуляцию планировочных идей на примере возникновения и развития концепции «комфортного города». Статья опирается на теоретические разработки в области мобильности политики и центр-периферийных взаимоотношений. На основе проведенного анализа можно выделить три этапа: первые обсуждения в профессиональном сообществе в начале 2000-х годов; консолидация концепции в середине 2010-х; превращение в *де-факто* лейтмотив городского планирования и развития в 2010-х. В статье отмечается смена центров инноваций в области городского планирования и проектирования. Так, если в начале 2000-х стимулы исходили от региональных столиц, а также других крупных и средних городов России, то на современном этапе происходит попытка переноса лучших практик из Москвы на все города страны. Это реализуется в том числе через федеральные программы и национальные проекты, образовательные инициативы и приглашение столичных экспертов. Возникающее в результате перераспределение центр-периферийных взаимоотношений характеризуется, с одной стороны, рецентрализацией знаний, экспертизы и профессиональных ресурсов, а с другой – дальнейшей периферизацией нестоличного пространства с ослаблением локальной автономии и креативного потенциала.

Ключевые слова: городское планирование и проектирование; комфортный город; комфортная городская среда; мобильность политики; периферизация; Россия

Цитирование: Zupan D., Gunko M. (2019) The Comfortable City Model: Researching Russian Urban Planning and Design Through Policy Mobilities//Городские исследования и практики. Т. 4. № 3. С. 7–22.

DOI: <https://doi.org/10.17323/usp43201907-22>

Источники

Афоничкин А. (2012) Человечные города//Проект Россия. Т. 64. № 2. С. 42.

Архсовет Москвы (2015) Презентация «Положения стандарта № 305-ПП». Режим доступа: <https://archsovnet.msk.ru/presscenter/polozheniya-standarta-305-pp> (дата обращения: 29.05.2019).

Голдхоорн Б. (2007) В Москве нет концепции городского пространства//Проект Россия. Т. 43. № 1. С. 14–16.

Гунько М., Батунова Е. (2019а) Стратегия фонтанов и детских площадок. Часть 1. Режим доступа: <https://republic.ru/posts/93305> (дата обращения: 29.05.2019).

Гунько М., Батунова Е. (2019б) Стратегия фонтанов и детских площадок. Часть 2. Режим доступа: <https://republic.ru/posts/93329> (дата обращения: 29.05.2019).

Гунько М., Пивовар Г., Аверкиева К. (2019) Ревитализация в малых городах Европейской России (на примере Боровичей, Выксы и Ростова)//Известия РАН. Серия географическая. № 5. С. 18–31.

- Гулько М., Еременко Ю., Батунова Е. (2020) Стратегии планирования в условиях городского сжатия в России: исследование малых и средних городов//Мир России: Социология, этнология. Т. 29. № 3. С. 121–141.
- Залкинд Л., Торопушина Е. (2009) Жилищная политика России. Северное измерение. Апатиты: Кольского научного центра РАН.
- Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. (2013) Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х годов: рост или снижение?//Общественные науки и современность. № 6. С. 15–26.
- Квартал (2018) Правила, которые изменяют жизнь к лучшему//Квартал. Как привлечь деньги в город. С. 5–28. Режим доступа: <https://media.strelka-kb.com/#/tab/84488506-3> (дата обращения: 29.05.2019).
- Не жить на выселках: как Путин поручил преобразить российские города (2019)//Газета.ru. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/business/2019/02/18/12192823.shtml> (дата обращения: 16.09.2019).
- Нилина Н. (2013) Стратегический мастер-план города Перми как зеркало градостроительной деятельности в России. Режим доступа: <http://www.archi.ru/russia/48274/strategicheskii-master-plan-goroda-Permi-kak-zerkalo-gradostroitelnoi-deyatelnosti-v-rossii> (дата обращения: 08.09.2012).
- Пашинцева Т. (2007) Первые опыты национального проекта//Проект Россия. Т. 45 № 3. С. 198–201.
- Петрова Е. (2018) Новые архитекторы: кто будет развивать города России//Газета.ru. Режим доступа: https://m.gazeta.ru/social/2018/10/17/12025333.shtml?fbclid=IwAR2SvZiNStqAS2wmxq-92DZ1C_XKMHFvgzF5hYmZl2qjqQhVgXU6D_-iVw (дата обращения: 23.10.2018).
- Правительство Москвы (2014) Программа развития Москвы «Москва – город, удобный для жизни». Режим доступа: <http://s.mos.ru/common/upload/M2025.pdf> (дата обращения: 25.08.2015).
- Правительство Российской Федерации (2019) Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUt-T08o60RktoOXl22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 25.03.2020).
- Приоритетный проект «Формирование комфортной городской среды» (2017). Режим доступа: <http://www.minstroyrf.ru/trades/gorodskaya-sreda/strategicheskoe-napravlenie-razvitiya-zhkkh-i-gorodskaya-sreda/> (дата обращения: 25.03.2020).
- ПР – Проект Россия (2006) Человек с осмысленным лицом. Круглый стол о месте архитектора в современной России//Проект Россия. Т. 40. № 2. С. 149–152.
- Стрелка КБ (2016) Сводный стандарт благоустройства улиц Москвы. Режим доступа: https://www.mos.ru/upload/newsfeed/newsfeed/160927_book_standard_small_final.pdf (дата обращения: 25.03.2020).
- Суворова Н., Мудрый С. (2017) Исследование: как устроен бизнес «Стрелки». Режим доступа: <https://incruussia.ru/fly/issledovanie-kak-ustroyen-biznes-strelki/> (дата обращения: 29.05.2019).
- Badyina A., Golubchikov O. (2005) Gentrification in Central Moscow – A Market Process or a Deliberate Policy?//Geografiska annaler. Vol. 87. Vol. 2. P. 113–129.
- Batunova E., Gunko M. (2018) Urban Shrinkage: An Unspoken Challenge of Spatial Planning in Russian Small and Medium-Sized Cities//European Planning Studies. Vol. 26. No. 8. P. 1580–1597.
- Bazhenova E.S., Kostina E.G. (2002) Low-Rise Housing – Myth and Reality//Project Russia. Vol. 25. P. 53–56.
- Belov A. (2002) New Standards//Project Russia. Vol. 77. No. 3. P. 57.
- Bokova A. (2009) Shaping the Urban Fabric: The Future of Residential Unit//Project Russia. Vol. 52. No. 2. P. 68–79.
- Bokov A. (2010) The New Pragmatism and the Old City//Project Russia. Vol. 57. No. 3. P. 108–109.
- Brade I. (2002) Der Wandel der Russischen Städte in Den 1990er Jahren. Einführungen zum thema//Die Städte Russlands im Wandel. Raumstrukturelle Veränderungen am Ende des 20. Jahrhunderts/Brade I. (Hrsg.). Leipzig: Institut für Länderkunde. P. 12–19.
- Brade I., Rudolph R. (2004) Moscow, the Global City? The Position of the Russian Capital within the European System of Metropolitan Areas//Area. Vol. 36. No. 1. P. 69–80.
- Büdenbender M., Zupan D. (2017) The Evolution of Neoliberal Urbanism in Moscow, 1992–2015//Antipode. Vol. 49. No. 2. P. 294–313.
- Chirkunov O. (2010) Interview With Oleg Chirkunov: “In a City there Should be Life”//Project Russia. Vol. 56. No. 2. P. 60–62.
- Copus A.K. (2001) From Core-Periphery to Polycentric Development: Concepts of Spatial and Aspatial Peripherality//European Planning Studies. Vol. 9. No. 4. P. 539–552.
- Fischer-Tahir A., Naumann M. (eds.) (2013) Peripheralization. The Making of Spatial Dependencies and Social injustice. Wiesbaden: Springer VS.
- French R. (1995) Plans, Pragmatism and People. The Legacy of Soviet Planning for today’s Cities. London: UCL Press.
- Gelman V. (2010) The Dynamics of Subnational Authoritarianism//Russian Politics & Law. Vol. 48. No. 2. P. 7–26.
- Gelman V., Ryzhenkov S. (2011) Local Regimes, Sub-National Governance and the ‘Power Vertical’ in Contemporary Russia//Europe-Asia Studies. Vol. 63. No. 3. P. 449–465.
- Gelman V. (2018) Bringing Actors back in: Political Choices and Sources of Post-Soviet Regime Dynamics//Post-Soviet Affairs. Vol. 34. No. 5. P. 282–296.
- Golubchikov O. (2010) World-City-Entrepreneurialism: Globalist Imaginaries, Neoliberal Geographies, and the Production of New St Petersburg//Environment and Planning A. Vol. 42. No. 3. P. 626–643.

- Golubchikov O., Badyina A., Makhrova A. (2014) The Hybrid Spatialities of Transition: Capitalism, Legacy and Uneven Urban Economic Restructuring//Urban Studies. Vol. 51. No. 4. P. 617–633.
- Gordeev S. (2010) Interview with Sergey Gordeev: The Problems of Russian Cities are not Unique//Project Russia. Vol. 56. No. 2. P. 63–68.
- Gunko M., Medvedev A. (2018) Dull Place or Green Idyll: Local Identity and Migration Intentions of Small City Youth//Tijdschrift Voor Economische En Sociale Geografie. Vol. 109. No. 5. P. 661–676.
- Kalyukin A., Borén T., Eyerley A. (2015) The Second Generation of Post-Socialist Change: Gorky Park and Public Space in Moscow//Urban Geography. Vol. 36. No. 5. P. 674–695.
- Kangas A. (2013) Governmentalities of Big Moscow: Particularising Neoliberal Statecraft//Geopolitics. Vol. 18. No. 2. P. 299–314.
- КСАР (2012) Transforming the City. Perm Strategic Masterplan. Режим доступа: https://www.ksar.eu/en/projects/v/perm_strategic_masterplan/ (дата обращения: 17.02.2020)
- Kinossian N. (2017a) State-Led Metropolisation in Russia//Urban Research & Practice. Vol. 10. No. 4. P. 466–476.
- Kinossian N. (2017b) Re-Colonising the Arctic: The Preparation of Spatial Planning Policy in Murmansk Oblast, Russia//Environment and Planning C: Politics and Space. Vol. 35. No. 2. P. 221–238.
- Korobina I. (2008) City Development in Russia: What Do We Expect from the Authorities?//Project Russia. Vol. 49. No. 3. P. 106–109.
- Kühn M. (2015) Peripheralization: theoretical Concepts Explaining Socio-Spatial inequalities//European Planning Studies. Vol. 23. No. 2. P. 367–378.
- Medvedkov Y., Medvedkov O. (2007) Upscale Housing in Post-Soviet Moscow and Its Environs//The Post-Socialist City/K. Stanilov (ed.). Dordrecht: Springer. P. 245–265.
- Molodikova I., Makhrova A. (2007) Urbanization Patterns in Russia in the Post-Soviet Era//The Post-Socialist City/K. Stanilov (ed.). Dordrecht: Springer. P. 53–70.
- Muratov A. (2010a) Housing//Project Russia. Vol. 55. No. 1. P. 65–67.
- Muratov A. (2010b) Perm //Project Russia. Vol. 56. No. 2. P. 57–59.
- Muratov A. (2011) Grands Projets//Project Russia. Vol. 60. No. 2. P. 73–75.
- Muratov A. (2012) Heritage//Project Russia. Vol. 65. No. 3. P. 81–83.
- Nagy E., Timár J. (2017) The (Re-)Production of Peripherality in Central and Eastern Europe//European Spatial Research and Policy. Vol. 24. No. 2. P. 5–16.
- Peck J., Theodore N. (2010) Mobilizing Policy: Models, Methods and Mutations//Geoforum. Vol. 41. P. 169–174.
- Peck J., Theodore N. (2015) Fast Policy: Experimental Statecraft At the Thresholds of Neoliberalism. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Pfoser A. (2018) Narratives of Peripheralisation: Place, Agency and Generational Cohorts in Post-industrial Estonia//European Urban and Regional Studies. Vol. 25. No. 4. P. 391–404.
- Poscopp – Research Group Production of Space in the Context of Polarisation and Peripheralisation (2015) Understanding New Geographies of Central and Eastern Europe//Understanding New Geographies of Central and Eastern Europe: Socio-Spatial Polarization and Peripheralization in a Rapidly Changing Region/T. Lang, S. Henn, E. Kornelia, W. Sgibnev (eds.). Basingstoke: Palgrave. P. 1–24.
- PR – Project Russia (1995) Round Table: Architecture in a Post-totalitarian Society//Project Russia. Vol. 1. No. 1. P. 6–12.
- PR – Project Russia (2008) New Cities: pro et contra. a Questionnaire by PR//Project Russia. Vol. 48. No. 2. P. 90–101.
- Revzin G. (1997) Negation as a Positive Program//Project Russia. Vol. 5. P. 73–75.
- Revzin G. (1999) Interview with Yury Gnedovskiy//Project Russia. Vol. 13. P. 17–20.
- Revzin G. (2000) City inside Out. Urban Renewal in Nizhni Novgorod//Project Russia. Vol. 17. P. 41–48.
- Rose N. (1999) Power of Freedom. Reframing Political Thought. Cambridge: University Press.
- Sharafutdinova G. (2010) Subnational Governance in Russia: How Putin Changed the Contract with his Agents and Problems it Created for Medvedev//Publicus. Vol. 40. No. 4. P. 672–696.
- Sharafutdinova G. (2013) Gestalt Switch in Russian Federalism: The Decline in Regional Power under Putin//Comparative Politics. Vol. 45. No. 3. P. 357–376.
- Shchukin A. (2014) Urban Block as Anti-mikrorajon//Project Russia. Vol. 73. No. 3. P. 136–139.
- Stanilov K. (2007) Taking Stock of Post-Socialist Urban Development: a Recapitulation//The Post-Socialist City/K. Stanilov (ed.). Dordrecht: Springer. P. 3–17.
- Tatunashvili N. (2011) Alternative Street Block//Project Russia. Vol. 60. No. 2. P. 158–159.
- Temenos C., Mccann E. (2013) Geographies of Policy Mobilities//Geography Compass. Vol. 7. No. 5. P. 344–357.
- Trubina E. (2015) Configuring Center-Periphery Relations: Relational Legacy in the Over-Centralized State//Journal of Architecture and Urbanism. Vol. 39. No. 1. P. 28–36.
- Vendina O.I. (1997) Transformation Processes in Moscow and Intra-Urban Stratification of Population//Geographical Journal. Vol. 42. No. 4. P. 349–363.
- Zupan D. (2015) Local Debates on 'Global' Planning Concepts: the 'Compact European City' Model in Post-socialist Russia – the Case of Perm//Europa Regional. Vol. 22. No. 1–2. P. 39–52.
- Zupan D., Büdenbender M. (2019) Moscow Urban Development. Neoliberal Urbanism and Green infrastructures//Postsocialist Urban infrastructures/T. Tuvikene, W. Sgibnev Neugebauer C. (eds.). London: Routledge. P. 125–141.

SVEN DANIEL WOLFE

URBAN DEVELOPMENT THROUGH THE 2018 FIFA MEN'S FOOTBALL WORLD CUP: MUTATED MOBILE POLICIES IN THE PERIPHERIES

Dr. Sven Daniel Wolfe, PhD, Junior Lecturer, Institute of Geography and Sustainability, University of Lausanne; Lausanne, CH-1015, Switzerland.

E-mail: svendaniel.wolfe@unil.ch

Abstract

Planners, politicians, boosters and other elites often use mega-events like the 2018 FIFA Men's World Cup as a strategy for urban development. This was also the case with the World Cup, hosted in eleven Russian cities and designed to modernize Russia's peripheral host cities. While the idea of developing cities through mega-events is common, the Russian experience displays much that is new.

This paper examines urban development in the World Cup as an example of mobile policy, exploring how this mega-event was imported from abroad and how this policy mutated as it was implemented on the ground in Russia. The specificities of the Russian experience were due in large part to the ways in which the World Cup organizing committee was created and operated as an extension of the central government in Moscow. What appeared at first to be a way for Russian peripheral host cities to differentiate themselves through urban development in a form of inter-urban competition, turned out to be a reestablishment of the central state in regional spatial planning. In this way, even as certain material conditions in the host cities were improved, the World Cup represented not an expression of regional democracy, nor even a strategy for inter-urban differentiation, but rather one more instance of development dictated from the center and from afar.

Key words: policy mobilities; urban development; mega-events; World Cup; Russia

Citation: Wolfe S.D. (2019) Urban Development Through the 2018 FIFA Men's Football World Cup: Mutated Mobile Policies in the Peripheries. *Urban Studies and Practices*, vol. 4, no 3, pp. 23–41. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp43201923-41>

Introduction: Developing World Cup host cities

One year before the 2018 FIFA Men's World Cup in Russia, Volgograd regional governor Andrey Bocharov gave an interview in front of the new stadium under construction. Standing next to deputy prime minister Vitaly Mutko, who had flown in from Moscow for an inspection, governor Bocharov explained the value of preparing the city for the World Cup:

The World Cup will bring a lot. There are many works that will remain as a legacy for the Volgograd Region, for the hero city Volgograd, for residents, and for visitors. We are absolutely confident that the World Cup will give extra opportunities for development [...]. Volgograd residents know that large-scale work is occurring on public utilities. [...] These are facilities that are not immediately visible, but they will give an entirely different quality of life. And the most important thing is that all this will become a foundation for our development [...]. And everything will serve the people [*Volgograd24, 2017*].

In this statement, governor Bocharov gave voice to one of the dominant rationales behind hosting the World Cup, linking the football tournament to a wide-ranging plan for urban and regional development. Primarily targeted at improving the material conditions and socio-economic profiles of Russia's peripheral cities, the planners of Russia 2018 continued the global trend of using mega-events for reasons other

than sport [Horne, 2017], particularly in terms of urban development [Smith, 2012]. Seen from this perspective, the Russian World Cup was the latest expression of a mobile policy that has travelled the globe, touching down and transforming urban planning strategies in host cities worldwide [Lauermann, 2014].

One of the problems with these development strategies, however, is that mobile “off-the-shelf” policies seldom work as advertised when they are implemented in new contexts. In other words, as effects on the ground often diverge from what planners imagined, mobile policies are understood to be prone to mutation [Temenos, McCann, 2013]. This has led to a growing body of literature where scholars worldwide have attempted to trace not just the paths of mobile policies, but also the ways in which they mutate in different contexts [McCann, 2011; Peck, Theodore, 2015; Ward, 2011]. Following this, the World Cup can be explored along two dimensions: first as a form of mobile urbanism tied particularly to mega-events, and second in terms of the mutations that occurred between planners’ stated intentions and actual results on the ground in the host cities.

At first, the rationales expressed by World Cup planners seemed to fit both the remit of mega-event-driven urban development mobile policy and the infrastructural needs of the peripheral host cities. Unlike Moscow and St. Petersburg (and to a lesser degree Sochi and Kazan, both of which had previously hosted mega-events), the majority of the host cities for the World Cup required substantial infrastructural investment not only to meet requirements established by FIFA (the owners of the World Cup) but also, and more importantly, to provide adequate quality of life for residents. Before being selected as hosts, these cities suffered from poor and insufficient municipal services, such as inadequate water and power, and unacceptable transit infrastructure such as broken roads and aging, under-capacity airports and train stations. From this perspective, hosting was intended to improve material conditions in the host cities over the long term through the mechanisms of satisfying FIFA requirements for the World Cup. This is what governor Bocharov was referring to, above, when he spoke of the value of hosting. He explained Volgograd’s preparations not in terms of a football tournament but rather as a project to develop municipal infrastructure in order to improve the quality of life for residents over the long term. To be sure, nearly 8 million visitors during the World Cup arrived in the host cities in newly constructed or renovated airports and train stations and traveled to the games on freshly expanded and repaved roads.

More broadly, these infrastructural improvements were tied to the idea of increasing each city-region’s investment potential, as noted by President Vladimir Putin in a meeting of the 2018 World Cup organizing committee:

We are talking not only about stadiums, but about creating modern infrastructure that will, for many coming years, work to improve the socioeconomic development of the territories. This will in large part determine the attractiveness for investment, and simply improve the lives of the people [Sverdlovsk Gubernatorial website, 2015].

In the context of the World Cup as an urban development program, organizers intended these infrastructure improvements to increase investment in the host cities and their regions. In this way, hosting the mega-event was a strategy for differentiation within a framework of urban entrepreneurialism and inter-urban competition [Hall, 2006; Lauermann, Davidson, 2013]. As I argue in this paper, policy mutations occurred during the importation and implementation of these plans, which led to outcomes that diverged from what was promised. I demonstrate that these mutations occurred not only due to the nature of mobile policy, but also because of the specificities of how the Russian World Cup was organized and deployed. Despite much of the rhetoric from organizers, the 2018 World Cup was less a bottom-up strategy for inter-urban differentiation — as could be expected from listening to the rhetoric from organizers — than it was a reentry of the central state into Russian spatial planning [Golubchikov, 2017]. This represented a form of paternalistic extraverted urbanism [Hall, Hubbard, 1998; Lauermann, 2018] crafted and managed at the federal level and distributed to the peripheries, and accompanied by the mutations that typically occur with mobilized policy.

The material presented here comes from a multi-year, multi-site research project on the 2018 World Cup, centered primarily on the host cities of Ekaterinburg and Volgograd but also including work in other host cities as well. It is based on expert interviews and conversations with 2018 World Cup organizing committee members, FIFA employees, sports business executives, municipal authorities, and urban experts, as well as a study of planning documents, event contracts, government decrees,

and media reports. To take stock of the ways in which policy was implemented on the ground, I conducted extensive site visits and informal interviews with residents in a number of host cities and from a variety of different backgrounds, including urban activists, academics, small business owners, journalists, students, and market sellers.

Policy mobilities and mega-event urban development

There are a variety of reasons why nations aspire to host mega-events — defined here as “ambulatory occasions of a fixed duration that (a) attract a large number of visitors, (b) have large mediated reach, (c) come with large costs, and (d) have large impacts on the built environment and the population” [Müller, 2015a, p. 3]. Commonly these rationales include an economic argument, as mega-events are said to bring significant financial benefits [Malfas, Theodoraki, Houlihan, 2004; Preuss, 2004]. Mega-events are also said to increase employment and tourism and serve as a means for hosts to broadcast or reframe particular conceptions of the nation to a global audience — an especially alluring proposition for emerging economies outside of the Global North [Black, Westhuizen, 2004; Cornelissen, 2010; Grix, 2014; Hiller, 2000]. Underlying all this is a conception of hosting mega-events as a strategy for urban development [Chalkley, Essex, 1999; Coaffee, 2010].

The paradigm of this strategy originated during the Barcelona 1992 Summer Olympics and has since spread around the globe as the so-called “Barcelona Model” of mega-event-driven urban development and renewal [Degen, García, 2012; Essex, Chalkley, 1998; Marshall, 2000; Qu, Spaans, 2009; Zimbalist, 2016]. Within the context of the 1992 Summer Olympics, and inspired by the requirements of the mega-event, host city authorities enacted the Barcelona Urban Renewal Plan. This initiative successfully refashioned the city’s semi-derelict industrial waterfront into miles of world-class beaches, shops, bars, and restaurants, and demonstrated to a worldwide audience of policymakers that mega-event hosting could be leveraged to accomplish ambitious urban transformation projects [González, 2011].

As it became mobilized into globally-applicable policy, this model spread beyond the confines of the Summer Olympics to attract host cities for other mega-events, including the Winter Olympics, the FIFA Men’s Football World Cup, and a variety of other less prestigious but nevertheless significant mega-events all around the world [Black, 2008; 2014; Koch, Valiyev, 2015]. It should be noted, however, that in the intervening years, the Barcelona Model has become hyperbole, commonly presented as a miracle cure for a city’s development ills. The boosters of this mobile policy commonly neglect to communicate that because of the ambitious urban development plan, the Barcelona Olympics cost between 200% and 400% more than originally promised [Brunet, 1995; Flyvbjerg, Stewart, Budzier, 2016], to say nothing of the fact that not every potential host city has the latent capacity to draw tourists like the famous Catalanian capital. In this light, the current study should be understood not as a comparison with Barcelona itself, but rather as an example of how the model of mega-event-driven urban development, originating in Barcelona, has been mobilized to Russia and articulated on the ground in Russian host cities.

Still, despite its drawbacks and the often-exaggerated presentation, the fact remains that the Barcelona Model has come to serve as one of the most recognizable legitimation strategies for investing in hosting mega-events. Decades after its origin, the continued propagation of the Barcelona Model across the globe, and into a variety of different national contexts, lends itself to analysis through the policy mobilities literature. This body of scholarship endeavors to map the geographies of fast, travelling policy as it is imported from elsewhere and applied, often experimentally, in new contexts around the globe. Scholars have explored the transformations engendered by diverse neoliberalisms [Peck, Theodore, 2015], investigated the ways in which mobile policies constitute the urban [McCann, Ward, 2011], and — most importantly for this study — traced the paths of mega-events as they reshape the socio-material fabric of host cities across the globe [Cook, Ward, 2011; Lauer mann, 2014; Oliver, Lauer mann, 2017; Salazar et al., 2017; Temenos, McCann, 2013]. Crucially, these scholars highlight the mutable nature of mobile policy, emphasizing how the relational and heterogenous spaces of policy invention, circulation, translation, and implementation inevitably affect the policy itself as well as its outcomes. This is key for understanding how a Barcelona-style mega-event-driven urban development plan might produce outcomes that diverge from what planners promised or expected. In other words, it is not enough to note that the Barcelona Model has been mobilized into diverse environments across the globe, but also to note how that implementation has mutated from the expected or promised results when articulated in a specific locale.

Even aside from the Barcelona Model, there has been a tendency among planners, politicians, and other mega-event boosters to overstate the benefits of hosting mega-events, as promises of an economic bonanza often are exaggerated or distributed only to a narrow segment of the population [Abelson, 2011; Matheson, Baade, 2004], while employment opportunities commonly turn out to be short term and low pay [Horne, Manzenreiter, 2006; Malfas, Theodoraki, Houlihan, 2004]. Generally, the literature shows that mega-event-related urban development plans are rife with deleterious consequences, including uneven development, gentrification, and litanies of unfulfilled promises [Andranovich, Burbank, Heying, 2001; Gaffney, 2010; Pillay, Bass, 2008; Watt, 2013]. It is here, at these moments of adverse or unanticipated outcomes, that a focus on policy mobilities and mutations comes into play. The mutational perspective through a policy mobilities lens allows for a more nuanced reading of mega-event-led development and a richer analysis of how various policy promises go awry.

In certain cases, it is possible to home in on the reasons why mutations might occur. In terms of mega-event policy, one of the fundamental challenges with hosting relates to the ways in which the needs of the mega-event may conflict with the needs of the city. Often, under the pressure of inflexible event-related deadlines, mega-event priorities outweigh other concerns and, in processes of infrastructural, financial, and legal seizure [Müller, 2017], the mega-event plan becomes the city's plan. Among other effects, this can result in social exclusion and other marginalizations, various forms of gentrification, seizures, or evictions, uneven development, and costly, unnecessary, and overcapacity infrastructures — a far cry from the supposed tourist paradise suggested by the dreams of the Barcelona Model.

Within these studies, there is a notable trend to focus on cases within the Global North, or if they stray outside of this territory, then the tendency is to remain limited within a North-South dialectic. In contrast, this paper contributes to a strand in the Anglo-American academy that endeavors to theorize the urban from the Global East [Edensor, Jayne, 2012; Müller, 2018]. This lack of research in, of, and from the Easts is found in the literature on both mobilities and mega-events, though with the spread of mega-event hosts beyond traditional territories, scholarship has begun to appear in this gap, however partially. For instance, Salazar et al. [2017] edited a volume situated at the intersection of mega-events and mobilities, within which Girginov [2017] examines mega-event transformations and mobilizations in a comparison of the 2012 Olympics in London and the 2014 Olympics in Sochi. This study valorizes the East and places it in broader conversation with the world, but does not address policy mobilities specifically, instead employing a broader conceptualization of mobilities framed within an exploration of how hosts attempt to leverage mega-events to accomplish political or economic goals. Similarly, Lauermaun [2017] provides a critical and much-needed analysis of the mechanisms and economic geographies of policy transfer as materialized in mega-event preparations, but he does not discuss the Easts. Müller [2015b] focuses on mega-events and policy mobilities in regard to the failures of the sustainability agenda in the 2014 Sochi Olympics but does not highlight the urban. Finally, Oancă [2015] works at the intersection of mega-events, mobile policies, and the urban, in her analysis of the attempts to lobby for the European Capital of Culture in Perm, Russia, though she highlights policy actors more than urban materiality.

The present study is situated among these works and aspires to complement them, offering an analysis of the articulation of the 2018 Men's Football World Cup in Russia, from the perspective of policy mobilities, and grounded in the urban. It begins from an understanding of the World Cup as an urban and regional development plan for Russia's periphery that was inspired by the Barcelona Model and enacted primarily by Moscow authorities, intended as a means for spatial modernization and differentiation within the context of inter-urban competition, despite its reliance on centralized authorities. Finally, the paper unpacks some moments of mutation within the articulation of this particular World Cup, contingent on local, regional, and national factors, while identifying infrastructural outcomes that diverged from what was promised or intended, and exploring some reasons underlying those mutations.

Why host the 2018 World Cup?

The rationales for hosting a mega-event can be discerned through a combined examination of the bid books that were used to win hosting rights, the discourses produced by organizers, and the plans actually enacted by authorities. This triangulation provides a foundation of (mostly) public information that can shed light on the goals underlying the mega-event. This perspective emphasizes the stated goals of hosting, rather than providing an investigation of underlying political or business motivations. This is not intended to steer discussion away from investigations of other, less public motivations, nor to diminish the importance of protest and civic action against the corruption and

inequalities that almost always accompany mega-events (see for instance [Dart, Wagg, 2016; Lenskyj, 2012; 2016; Transparency International, 2016]). Rather, in this paper, I work with the official rationales for hosting — as stated by organizers and decisionmakers — because I am concerned here with the overlaps between mega-events and urban development strategies. I do not intend with this perspective to suggest that other hosting rationales did not exist; instead, I employ this perspective with the understanding that the official rationales exist among many potential others.

The Russia 2018 World Cup bid book, submitted to FIFA in 2010, is a logical place to begin searching for the explanatory rationales that launched Russia's aspirations to host the World Cup. The bid book was exhaustive: split into three volumes and totaling over a thousand pages, it covered everything from Russia's history and political makeup, long-term development plans for each host city, detailed layouts for each stadium, and more. Within this wealth of material, organizers also explained why they wanted to host. Focusing only on domestic aspects, the key idea was to use "football as a mechanism for societal, cultural and economic development" [Russia 2018 World Cup Bid Committee, 2010, vol. 2, p. 108], a clear reference to the idea of leveraging the mega-event to accomplish goals not necessarily associated only with sport [Girginov, 2017]. This was later broken into three goals: to boost the quality of national football, to impart new skills to Russian citizens, and to modernize, expand, and improve the quality of urban infrastructure. This final goal was targeted specifically at peripheral host cities and was intended to make good on FIFA's stated goal of using football for development.

Russian political-economic developments have long been analyzed through the lens of the core-periphery model (among many others, see [Chase-Dunn, Hall, 2019; Helf, 1996; Nefedova, 2008]). This analysis has functioned at multiple scales, viewing the nation itself as peripheral or semi-peripheral within a broader world system [Wallerstein, 1979; 1984], as well as internally within Russia, at regional levels [Honneland, Blakkisrud, 2018; Liven, 2008]. Political-economic power is commonly understood to reside primarily within Moscow, as a function of the hierarchical command structure suffused with informal relationships that is sometimes known as the power vertical or *sistema* [Ledyayev, 2008; Ledeneva, 2013]. This view elides the economic power generated by Russian regional cities, the nuanced political games played by actors at various levels, and the hegemonic role that regional capitals themselves play within their regions. A city like Volgograd can be seen as central when viewed in relation to the context of the Volgogradskaya region, but also peripheral when in relation with Moscow, to say nothing of foreign cities. These multiple perspectives on core-peripheral relations have implications on the way that the World Cup was planned and articulated throughout Russia.

Overall, the World Cup was legitimized by organizers with the rhetoric of making Russian cities and citizens more competitive on global scales. Put another way, one of the aims of the World Cup was to take peripheral host cities like Volgograd or Ekaterinburg, and place them in conversation with global cities, minimizing their relative peripherality by positioning them as host cities of a globally prestigious mega-event. Further, this positioning was assumed to bring socioeconomic benefits and result in an improved quality of life. I do not intend to analyze the value proposition of these plans, nor to criticize the trickle-down ideologies invoked by organizers. Rather, I am interested in how organizers linked hosting to socioeconomic benefits through the improvement of material infrastructures, under the assumption that these improved infrastructures would lead to increased investment, expanded tourism, and reduced peripherality. In other words, I am curious to examine how neoliberal state rescaling was articulated through the idea of leveraging the mega-event to promote host cities above the national state. And finally, in line with a policy mobilities approach, I am curious to explore how these plans were (or were not) actually enacted on the ground.

The narratives of neoliberal rescaling and implicit trickle-down benefits to the population are standard fare for mega-event organizers around the globe; the enduring popularity of the Barcelona Model is testament to the potency of mega-event hosting as a strategy in inter-urban competition. What was noteworthy in Russia 2018 was neither the infrastructure plans nor the rhetoric — both of which are routine worldwide — but rather the ways in which this mega-event was conceived and managed from the central government and dispensed to the regions. What makes this unique is that this centralized policy was wrapped in the familiar discourses of urban rescaling, as though the city were following the traditional neoliberal mega-event playbook, except that in actuality central authorities in Moscow were firmly in control.

Some government involvement is common in the organization of most mega-events — these are projects of national importance, after all — but Russia 2018 stands out for the degree to which this mega-event was controlled from the highest levels of the central state. By way of contrast: going back to the founding of the Barcelona Model, the Barcelona 1992 Olympic Organizing Committee (COOB '92) was composed of a consortium from the Barcelona City Council, the Spanish Olympic Committee,

the Catalanian Generalitat, and the Spanish government, among others. Figures from the municipality and the national Olympic Committee dominated at all levels of the COOB, with the mayor of Barcelona serving as president of every board, and the Olympic Committee president serving as vice-president [*Barcelona 1992 Olympic Organizing Committee, 1993, p. 19, Vol. 2*]. Only thereafter did figures from the Catalanian and Spanish governments make appearances. Even in the COOB General Assembly — the supreme decision-making organ of the Games — members of the municipality and the Olympic Committee outnumbered Catalanian and Spanish government figures two to one. This structure shaped how Barcelona 1992 played out, as the various assemblies and boards voted to determine how developments should take place. Since municipal figures held comfortable — but not overwhelming — majorities, local interests were less at risk of losing out to regional or national plans. Though not without its problems or deleterious outcomes, managing Barcelona 1992 was an exercise in locally-grounded decision-making and coalition building, involving members of government at all levels (though skewed in favor of the local instead of the regional or federal), as well as individuals from the private sector. Barcelona was far from unique in this composition: typically, organizing committees are composed of similar mixes of various levels of government alongside non-governmental figures, and certain mega-events have taken place without much government participation at all. For instance, the organizing committee for the 2006 FIFA Men's Football World Cup in Germany was mostly composed of former football players, sports officials, and businessmen, with only a handful of political figures involved in any capacity [*Frankfurter Allgemeine, 2015; RP Online, 2005*]. This emphasis on private actors has become the norm in the articulation of neoliberal mega-events [*Raco, 2013*].

In contrast to these examples, Russia 2018 was a remarkably centralized affair, oriented around and managed from the federal capital. Despite the fact that the World Cup took place in eleven cities across European Russia (see *Fig. 1*), and as such could be expected to reflect a diversity of local and regional concerns, the planning and delivery of this mega-event displayed a high level of consistency across the host cities. This uniformity was visible in multiple domains, from the rhetoric repeated by authorities at all scales, to the language employed in regional planning decrees, to the sites of infrastructural intervention, and the ways in which these projects were managed. This was a testament to the power of Moscow authorities in governing the World Cup, but it is also noteworthy because of the contradictions inherent in deploying a centralized event accompanied and legitimized by the rhetoric of bottom-up entrepreneurial urban governance.

© Wikimedia Commons CC BY-SA 3.0

Fig. 1. Map showing all 11 host regions and cities for the 2018 FIFA Men's Football World Cup in Russia. This study focused primarily on Volgograd and Ekaterinburg, but also conducted work in Sochi, Kazan, and St. Petersburg

Source: original author Morwen, modified by author.

Organizing the 2018 World Cup

The involvement of the centralized state was a key factor of the Russian World Cup project from the start, even before hosting rights had been granted. Creating and managing the bid was an organization known as the Russia 2018 World Cup bid committee, comprised of figures in the Russian federal state apparatus. At the center of bid committee were Chairman Vitaly Mutko and Chief Executive Officer Alexey Sorokin [Borbély, 2017]. Together, Mutko and Sorokin hatched the plan to host the World Cup in Russia and assembled the bid. Both men were in the top tiers, working at Russian Football Union (RFU), the governing body of Russian football and the Russian representative in FIFA. Mutko was president while Sorokin served as CEO and General Secretary.

Both Mutko and Sorokin came from state structures. While RFU president, Mutko also served as St. Petersburg's representative to the Federation Council, before being promoted to Sports Minister for the Russian Federation. He performed both roles until president Medvedev decreed that sports federations must be run by professionals instead of government officials [RIA Novosti, 2009a; 2009b]. Alexey Sorokin, meanwhile, had worked as a diplomat in the Ministry of Foreign Affairs and then served in the Moscow city government before joining Mutko at the RFU [Kominsky et al., 2018]. President Medvedev's attempts to separate state and sport did not seem to apply to the World Cup bid, as Mutko leveraged his position in federal structures to garner official support from the highest levels of the government [Borbély, 2017].

In 2009, then-prime minister Vladimir Putin issued federal decree 1469, placing the full weight of the federal government behind the World Cup bid. He appointed First Deputy Prime Minister Igor Shuvalov to the bid committee, ensuring that all three top men in the bid committee hailed from the state apparatus [Gazeta.ru, 2009; Russian Federal Government, 2009]. Subsequently, the ability to marshal full support from the highest levels of government was a key selling point in the Russian bid book and went a long way toward convincing reluctant FIFA decisionmakers that a Russian World Cup would occur without incident and, crucially, be lucrative for all parties involved.

As all World Cup bids, the Russian bid was a contract between the organizers and FIFA. This legally binding document promised the full cooperation and collaboration of fifteen federal ministries and the unqualified support of every host city administration and municipal council. This degree of unanimous support speaks to the centralized power at the heart of this project. Nor did this degree of centralization disappear once the bid had been won, as the Russia 2018 World Cup bid committee dissolved and reformed into the Russia 2018 Local Organizing Committee (LOC). The key players from the bid committee remained in positions of authority, but the new LOC was expanded to include officials from all levels of government, including regional governors. Unlike most other mega-events, however, the composition of the Russian LOC was overwhelmingly federal and centralized in its makeup, and Russia's (semi)authoritarian governance structure [Gel'man, 2015; 2008] ensured that regional authorities took direction from their federal superiors in key decisions. In this light, the authorities in Russian host cities can be better understood as executors of a federal plan rather than as autonomous actors working in the interests of their localities.

The Russian LOC was divided into four levels: the Supervisory Board (responsible for strategic development), the Managing Board (translating the decisions of the Supervisory Board into policy), the national level LOC (coordinating and communicating up and down the hierarchy), and the regional LOCs (implementing developments in each of the host cities). At the top of this hierarchy, in charge of the Supervisory Board, sat President Putin. Under him, the rest of this board was staffed by representatives from numerous federal ministries, including the Minister for Justice, the Minister for Regional Development, the Minister for Transport, the Minister of Foreign Affairs, and the director of the Federal Security Service, any of whom should give the reader an appreciation of the federal importance placed on the World Cup project. Aside from these, the Supervisory Board also included select regional governors, members of the RFU, and some representatives from state-owned and non-state-owned businesses. Continuing down the hierarchy, the other levels within the organizing committee were similarly staffed with men from federal ministries. It is telling that the FIFA-LOC board, created so that the World Cup owners could monitor developments, was inserted in the middle of the hierarchy, below the second level Managing Board, indicating that FIFA had little practical authority. Instead, the structure of the Russian LOC established the Russian president and the federal government under him as the ultimate authority in all matters pertaining to the World Cup.

In this light, it would be erroneous to see the Russian LOC as working *with* the Russian government, as is typically the case in other mega-events. Rather, it would be more accurate to say that the

Russian LOC was itself a branch of the central government, though a temporary and project-based one. Subsequently, the 2018 World Cup can be seen as a state project, created at the federal level and dispersed down through various bureaucratic hierarchies through decree, covered in the trappings of a sports event but in actuality much broader than a mere tournament. This is the sense in which Russia's recent mega-events can be understood as a strategic re-entry of the federal state into regional spatial planning [Golubchikov, 2017; Golubchikov, Badyina, 2016]. Again, what is remarkable about these processes in Russia is how they were legitimized with the neoliberal rhetoric of inter-urban competition framed in a city-centric focus, despite their centralized character.

This hybridity rarely features in mega-events hosted in other countries, which suggests a variegated interpretation of mega-events, contingent on the sociopolitical and economic specificities of a given host city or country. Thus, for example, the London Olympics were about rekindling national pride in a former imperial power, delivered through neoliberal public-private partnerships [Mackay, 2012; Raco, 2014], while the 2010 FIFA World Cup in South Africa was a hybrid of neocolonial and postcolonial discourses, intended to introduce the nation to global flows of capital but also enriching a coterie of well-connected private elites [Chari, 2014; Cottle, 2011; Cornelissen, 2004]. Conversely, the Chinese experience in Beijing was intended as a reframing of the nation on the global stage and a wide-ranging urban development scheme, though without the neoliberal discourses commonly seen in mega-events [Brownell, 2008; Cook, Miles, 2017; Zhang, Zhao, 2009]. The mega-events most similar to the Russian experience with the World Cup are, perhaps unsurprisingly, found in the so-called near abroad — Azerbaijan, Kazakhstan, Turkmenistan, to name a few — all of which feature various flavors of the same neoliberal discourses that in reality represented a retrenchment of the central state [Gogishvili, 2018; Koch, Valiyev, 2015; Militz, 2016]. In this way, we could say that that these are all varieties of *authoritarian mega-events*. This interpretation dovetails with the notion that that neoliberal urbanism is related to political cultures, resulting in a multiplicity of variegated neoliberalisms across the globe [Brenner, Theodore, 2002; Lauerermann, Davidson, 2013].

Development promises and outcomes in Ekaterinburg

Throughout the preparatory period, neoliberal rhetoric legitimizing the World Cup was repeated at all levels of government, from the president down to municipal administrators. Nor was this rhetoric confined to one host city over another; rather, it was reproduced nationwide in a variety of contexts rather, it was reproduced nationwide in a variety of contexts. A typical example can be seen in the mega-event-driven urban development plan enacted in the host city of Ekaterinburg. During the early years of the preparations, Ekaterinburg was, after decades of waiting, promised an expansion of their metro system.

Since opening in 1991, Ekaterinburg had only a single metro line, although every train optimistically displayed a map with a three-line network, with the word “prospective” marked over the two non-existent lines — clearly displayed the city's ambitions and hopes. The metro serviced almost 10% of Ekaterinburg's population daily [NSK Metro, 2015], and administrators regularly promised expansions of both stations and lines. Within the World Cup development program, organizers initially promised to open the long-awaited second line, with two stations near the football stadium. This was an attempt to marry the needs of the World Cup with the needs of the city [Moskvina, 2013].

In this way, the metro project was linked explicitly to the World Cup, all of which fit into the broader national plans of Russia 2018 to improve and expand the country's transport infrastructure, aiming simultaneously to fulfill the short-term requirements of moving football fans from all over the city into the stadium zone, while still satisfying the city's long-term needs. This seemed a clear example of local authorities working with federal decisionmakers in the context of mega-event hosting in order to bring a stalled but municipally beneficial project to life.

In the end, however, federal decisionmakers refused to fund the metro expansion, in favor of projects that were considered critical to the mega-event, like the stadium and the airport [E1.ru, 2013]. Due to this lack of crucial federal support, the new metro lines did not come to pass — despite the fact that they would have fulfilled the goals originally promised both to residents and in the World Cup bid. In terms of satisfying FIFA requirements for fan mobility, it was deemed more cost-efficient to add dedicated buses to the city's transport system, though this was only a temporary measure aimed at the event and left no lasting benefits for residents. Without federal transfers to undertake metro work, the Ekaterinburg municipality shelved their expansion plans once more. The public has now endured multiple decades of failed promises to expand the metro system. Long used to disappointment, some residents used humor

as a tactic to explain this latest failure: “We used to have five-year plans, but now we have thirty-year plans. Tell me that’s not progress!” (March 2018, Ekaterinburg). Echoing the glowing reports from Soviet centralized economic planning, this joke contextualized current developments within a broader framing of bureaucratic inefficiencies that reached back to the USSR. In so doing, this Ekaterinburg resident placed the failure of the metro expansion in a long line of broken promises from the authorities.

A public transport expert that worked with the Ekaterinburg municipality explained the problems inherent in tying urban development to mega-events:

The bureaucrats have this idea that they can renovate and develop the city by holding these events [...], the problem is that the promises sound good on paper, but they don’t come true. We have been waiting for the new metro line for over twenty years, but it is too expensive and, anyway, the city prioritizes drivers (July 2016, Ekaterinburg).

This expert blamed the metro failure on the extreme expenses involved in underground construction — a restriction that exists in every country — and underscored the importance of federal support. Following this, it is logical to attach a costly municipal transport development to a federally supported national project. Theoretically, having promised to host the World Cup, federal authorities would be forced to attend to neglected needs in peripheral cities. A municipal administrator in Ekaterinburg explained: “The World Cup is absolutely worth it. [...] It is great accelerator of necessary things” (November 2015, Ekaterinburg). In this example, however, the attempt failed: the World Cup failed to bring necessary pressure to federal authorities, who — no doubt under pressure from the post-Crimea international sanctions as well as the economic hangover after the busted budgets of Sochi 2014 — preferred to fund a cheaper, temporary bus-oriented solution for the World Cup.

Development between the host cities

A further example of the conflict between development priorities can be found not in the host cities but between them. When evaluating bids for the 2018 World Cup, one of FIFA’s concerns was the distance between Russian host cities and the lack of quality connections. This was flagged as a danger in the Russian bid and would lead to a dangerous overreliance on the country’s air transport system [*FIFA, 2010*]. To address these concerns, Russian organizers promised to expand the existing train network and to accelerate plans for rolling out high-speed rail networks between major cities. In this scheme, the *Sapsan* high speed connections between St. Petersburg, Moscow, and Nizhny Novgorod (all of which were World Cup host cities) would be augmented by new connections to Kazan and Rostov and, in some plans, extended even as far as Sochi and Ekaterinburg. This would cut travel times significantly across much of European Russia, allaying some of FIFA’s concerns about overreliance on airplane transit, as well as providing long-term benefits for the nation through improved rail connectivity. Organizing Committee CEO Alexey Sorokin explained:

The modernized transport infrastructure that will be ready for the tournament will also increase the population’s mobility. It will become a solid foundation for a long-lasting legacy for many Russian generations [*Transport Ministry of the Russian Federation 2016, p. 2*].

Here again appear the discourses connecting mega-event preparations to the country’s long-term improvement through urban development. Predictably, Russian regional administrators were enthusiastic about the possibility of high-speed linkages to Moscow, thereby diminishing the distances between the peripheries and the center. With improved connections to the center, after all, peripheral cities could hope for increased flows of attention, information, tourists, and capital.

As previously, however, the time pressures associated with inflexible World Cup deadlines ensured that infrastructure critical for the event took precedence over other projects. It proved easier to bolster the nation’s existing air transport system than to build several thousand kilometers of new high-speed rail. This left each host city with a modern, attractive airport capable of handling the peak traffic required in a first-order international mega-event, but it did not leave the nation with the promised new high-speed rail network. An administrator in Rostov shared his disappointment: “We had hoped to complete the [*Sapsan*] project quickly, but all we can do is wait patiently. [...] The federal priority is the high-speed link between Moscow and Kazan, and that one is delayed too” (Sep-

tember 2016, Rostov). As in Ekaterinburg, this regional administrator underscored the necessity of federal support, without which the regions are unable to complete costly, large scale projects. In the end, the demands of the mega-event outweighed the needs of the cities.

Conclusion: Double mutations and forgotten spaces in the 2018 World Cup in Russia

The core issue in these developments appeared to be gaining federal attention, as peripheral authorities needed to convince central decisionmakers of the value of various regional projects. From this perspective, becoming a World Cup host city can be seen as a strategy to raise a peripheral city's profile in the eyes of central authorities who, crucially, hold the purse strings. Correspondingly, central authorities framed the Russian World Cup as a plan to modernize the peripheries, engaging a strategy of urban development from above. There were three problems with this strategy, however, which help explain the many divergences between World Cup development rhetoric and outcomes on the ground in Russia's peripheral host cities.

The first two problems with Russia 2018's mega-event-driven urban development strategy can be discerned by employing a policy mobilities lens, while the third can be illuminated by unpacking the notion of peripherality. First, in line with other mega-events around the globe, Russia imported the Barcelona Model mobile policy during the 2018 World Cup in order to enact its urban development aspirations. These aspirations were stymied by the processes Müller [2017] describes as seizure: mega-event priorities dominated the agenda at all scales from national to municipal, crowding out other needs under the pressure of saving face on the international stage. Tying development strategies to a mega-event means taking the risk that event priorities will overwhelm other needs. This can be understood as a mutation of mobilized policy and represents a common problem when attaching a development agenda to hosting a mega-event. In the Russian case, however, this mutation went a step further because of the centralized nature of government functioning which, combined with neoliberal legitimations, is explained here as a variegated expression of authoritarian mega-events.

Despite the neoliberal rhetoric of entrepreneurial urbanism through area-specific development strategies (as found, for example, in [Hall, 2006; Lauer mann, 2014]), the World Cup was largely planned, managed, and funded from the center. This centralized authority meant that federal officials had the final authority over developments, and federal — that is, mega-event — priorities were supported instead of municipal needs. This offers a different explanation why many plans of local and regional importance did not come to pass, including Ekaterinburg's promised metro expansion and the high-speed rail linkages to Sochi, Rostov, Kazan, and Ekaterinburg. Ultimately, since actors in the federal center controlled the funding, peripheral authorities were dictated to in a form of paternalistic development that diminished local needs in favor of national goals. This dynamic augments the more familiar mutations visible in the processes of mega-event seizure, so that the articulation of the 2018 World Cup actually represented a double mutation: both from abroad into Russia, and also from the center to the peripheral host cities.

Finally, viewing the majority of Russian host cities as peripheral belies their economic and contributions to the national economy. Most of the host cities have populations of over one million, indicating their relative strength in the national political economic makeup. Particularly in the context of the World Cup, the fact that key decisions flowed from central authorities in Moscow reveals that these host cities were indeed peripheral, since they were excluded from the decision-making authority and unable to dictate developments in the interests of their residents. Yet the peripheral exclusions go further when considering the relationship between the host cities — as regional capitals — and other cities in their regions. From this perspective, it becomes clear that the smaller regional cities were doubly peripheral, excluded by both Moscow and their regional capitals from mega-event-related development.

Thus, the 2018 World Cup can be understood as a regional and urban development program, imported into Russia as a mobile policy and wrapped in neoliberal rhetoric, though controlled by the central state. The centralized nature of these developments shaped the articulation of the mega-event towards fulfilling federal priorities and away from locally-oriented developments that may have benefited host city populations, if they differed from the plans that were exerted from the center, while ignoring peripheral non-host cities almost entirely. In this way, the World Cup demonstrates not just the mutations that can be expected in a mega-event-driven urban development scheme, nor the mutations that might be found in a center-periphery relationship, but rather a convoluted combination of the two, rife with multiple mutations and overlapping exclusions.

From the perspective of many peripheral host cities residents, the World Cup represented a cruel bait-and-switch, as demonstrated by the failed metro expansion in Ekaterinburg and the curtailed high-speed rail connections to the capital. Hosting the event was explained as an opportunity to enact a series of long-awaited material improvements, but many of the promised improvements were shelved in the context of high costs and inflexible World Cup deadlines that necessitated attention to critical mega-event infrastructures. Regardless of this, in many instances the mutated outcomes that diverged from the promises of earlier years were subsumed by the pleasure and spectacle of the event itself, in a common process of getting lost in the emotive power of the so-called feel-good factor [Hiller, Wanner, 2015]. In this way, residents often forget – at least temporarily – the disruptions, inconveniences, and broken promises that too often plague mega-event development. In the words of one Ekaterinburg resident in August 2018: “The transport situation is simply terrible, and I don’t think it will get better. [...] Of course, they promised very many things at the beginning, but – as the saying goes – it turned out like always. [...] But all the same, at least it was an excellent party!”

References

- Abelson P. (2011) Evaluating Major Events and Avoiding the Mercantilist Fallacy. *Economic Papers: A Journal of Applied Economics and Policy*, vol. 30, no 1, pp. 48–59.
- Andranovich G., Burbank M.J., Heying C.H. (2001) Olympic Cities: Lessons Learned from Mega-Event Politics. *Journal of Urban Affairs*, vol. 23, no 2, pp. 113–131.
- Barcelona 1992 Olympic Organizing Committee (1993) Official Report of the Games of the XXV Olympiad, Barcelona 1992. Barcelona.
- Black D. (2008) Dreaming Big: The Pursuit of ‘Second Order’ Games as a Strategic Response to Globalization. *Sport in Society*, vol. 11, no 4, pp. 467–480.
- Black D. (2014) Megas for Strivers: The Politics of Second-Order Events. *Leveraging Legacies from Sports Mega-Events: Concepts and Cases*/J. Grix (ed.). Basingstoke, Hampshire, New York: Palgrave Pivot, pp. 13–23.
- Black D., Van Der Westhuizen J. (2004) The Allure of Global Games for ‘semi-Peripheral’ Polities and Spaces: A Research Agenda. *Third World Quarterly*, vol. 25, no 7, pp. 1195–1214.
- Borbély C. (2017) Report on Issues Related to the Russian Bid Team. *Zurich, Switzerland: FIFA Ethics Committee*. Available at: http://resources.fifa.com/mm/document/affederation/footballgovernance/02/89/88/06/rus_report_neutral.pdf (accessed 17.02.2020).
- Brenner N., Theodore N. (2002) Cities and the Geographies of ‘Actually Existing Neoliberalism’. *Antipode*, vol. 34, no 3, pp. 349–379.
- Brownell S. (2008) Beijing’s Games: What the Olympics Mean to China. Lanham: Rowman & Littlefield.
- Brunet F. (1995) An Economic Analysis of the Barcelona’92 Olympic Games: Resources, Financing and Impact. *The Keys to Success: The Social, Sporting, Economic and Communications Impact of Barcelona ’92*/M. de Moragas, M. Botella (eds.). Barcelona: Centre d’Estudis Olímpics i de l’Esport, pp. 203–37.
- Chalkley B., Essex S. (1999) Urban Development through Hosting International Events: A History of the Olympic Games. *Planning Perspectives*, vol. 14, no 4, pp. 369–394.
- Chari T. (2014) Unmaking the Dark Continent: South Africa, Africa and the Image Make-Over Narrative in the South African Press. *African Football, Identity Politics and Global Media Narratives: The Legacy of the FIFA 2010 World Cup*/T. Chari, N.A. Mhiripiri (eds.). Global Culture and Sport Series. London: Palgrave Macmillan UK, pp. 161–179.
- Chase-Dunn C., Hall T. (eds.) (2019) Core/Periphery Relations in Precapitalist Worlds. Abingdon, Oxon; New York: Routledge.
- Coaffee J. (2010) Urban Regeneration and Renewal. *Olympic Cities: City Agendas, Planning, and the World’s Games*/J.R. Gold, M.M. Gold (eds.). 2nd edition. London: Routledge, pp. 180–193.
- Cook I., Miles S. (2017) Beijing 2008. *Olympic Cities: City Agendas, Planning, and the World’s Games, 1896–2020*/J.R. Gold, M.M. Gold (eds.). 3rd edition. London; New York: Routledge, pp. 359–376.
- Cook I.R., Ward K. (2011) Trans-Urban Networks of Learning, Mega Events and Policy Tourism The Case of Manchester’s Commonwealth and Olympic Games Projects. *Urban Studies*, vol. 48, no 12, pp. 2519–2535.
- Cornelissen S. (2004) ‘It’s Africa’s Turn!’ The Narratives and Legitimations Surrounding the Moroccan and South African Bids for the 2006 and 2010 FIFA Finals. *Third World Quarterly*, vol. 25, no 7, pp. 1293–1309.
- Cornelissen S. (2010) The Geopolitics of Global Aspiration: Sport Mega-Events and Emerging Powers. *The International Journal of the History of Sport*, vol. 27, no 16–18, pp. 3008–3025.

- Cottle E. (ed.) (2011) *South Africa's World Cup: A Legacy for Whom?* Scottsville, South Africa: University of KwaZulu-Natal Press.
- Dart J., Wagg S. (2016) *Sport, Protest and Globalisation: Stopping Play*. London: Springer.
- Degen M., García M. (2012) The Transformation of the 'Barcelona Model': An Analysis of Culture, Urban Regeneration and Governance. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 36, no 5, pp. 1022–1038.
- E1.ru (2013) Vtoruyu Vetku Metro k ChM2018 Postroit Ne Uspeyut 21.05.2013 [No Time to Build a Second Metro Line before World Cup 2018]. *E1.ru*. Available at: http://www.e1.ru/news/spool/news_id-388158.html (accessed 17.02.2020). (in Russian)
- Edensor T., Jayne M. (eds.) (2012) *Urban Theory Beyond the West: A World of Cities*. 1 edition. Abingdon, Oxon; New York: Routledge.
- Essex S., Chalkley B. (1998) Olympic Games: Catalyst of Urban Change. *Leisure Studies*, vol. 17, no 3, pp. 187–206.
- FIFA (2010) 2018 FIFA World Cup Bid Evaluation Report: Russia. Available at: http://resources.fifa.com/mm/document/tournament/competition/02/59/22/68/regulationsfwc2018russia_short_e_v210415_neutral.pdf (accessed 17.02.2020).
- Flyvbjerg B., Stewart A., Budzier A. (2016) The Oxford Olympics Study 2016: Cost and Cost Overrun at the Games. SSRN Scholarly Paper ID 2804554. Rochester, NY: Social Science Research Network. Available at: <http://papers.ssrn.com/abstract=2804554> (accessed 17.02.2020).
- Frankfurter Allgemeine (2015) Fußball-WM: Das war das Organisationskomitee 2006. *Frankfurter Allgemeine*. October 16, 2015. Available at: <https://www.faz.net/1.3860118> (accessed 17.02.2020).
- Gaffney C. (2010) Mega-Events and Socio-Spatial Dynamics in Rio de Janeiro, 1919–2016. *Journal of Latin American Geography*, vol. 9, no 1, pp. 7–29.
- Gazeta.ru (2009) Shuvalov Vozglavil Orgkomitet Zayavki RF Na Provedenie ChM Po Futbolu. 16.12.2007. [Shuvalov Headed the Russian Federation's Bidding Committee for the Football World Cup]. *Gazeta.Ru*. Available at: https://www.gazeta.ru/news/sport/2009/12/16/n_1436401.shtml (accessed 17.02.2020). (in Russian)
- Gel'man V. (2008) Party Politics in Russia: From Competition to Hierarchy. *Europe-Asia Studies*, vol. 60, no 6, pp. 913–930.
- Gel'man V. (2015) *Authoritarian Russia: Analyzing Post-Soviet Regime Changes*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Girginov V. (2017) Leveraging the Olympic Games: Universal and Local Imaginaries and Mobilities. *Mega-Event Mobilities: A Critical Analysis*/N.B. Salazar, C. Timmerman, J. Wets, L.G. Gato, S. Van den Broucke (eds.). London: Routledge, pp. 145–164.
- Gogishvili D. (2018) Baku Formula 1 City Circuit: Exploring the Temporary Spaces of Exception. *Cities*, no 74 (April), pp. 169–178.
- Golubchikov O. (2017) From a Sports Mega-Event to a Regional Mega-Project: The Sochi Winter Olympics and the Return of Geography in State Development Priorities. *International Journal of Sport Policy and Politics*, vol. 9, no 2, pp. 237–255.
- Golubchikov O., Badyina A. (2016) Makroregionalnye tendentsii razvitiya gorodov byvshego SSSR [Macro-regional trends in the development of cities in the former USSR]. *Regionalnye Issledovaniya* [Region Studies], vol. 52, no 2, pp. 31–43. (in Russian)
- González S. (2011) Bilbao and Barcelona 'in Motion': How Urban Regeneration 'Models' Travel and Mutate in the Global Flows of Policy Tourism. *Urban Studies*, vol. 48, no 7, pp. 1397–1418.
- Grix J. (ed.) (2014) *Leveraging Legacies from Sports Mega-Events: Concepts and Cases*. Basingstoke, Hampshire; New York: Palgrave Pivot.
- Hall C.M. (2006) Urban Entrepreneurship, Corporate Interests and Sports Mega-Events: The Thin Policies of Competitiveness within the Hard Outcomes of Neoliberalism. *The Sociological Review*, vol. 54 (December), pp. 59–70.
- Hall T., Hubbard P. (1998) *The Entrepreneurial City: Geographies of Politics, Regime, and Representation*. Chichester: Wiley.
- Hiller H. (2000) Mega-Events, Urban Boosterism and Growth Strategies: An Analysis of the Objectives and Legitimations of the Cape Town 2004 Olympic Bid. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 24, no 2, pp. 449–458.
- Hiller H., Wanner R. (2015) The Psycho-Social Impact of the Olympics as Urban Festival: A Leisure Perspective. *Leisure Studies*, vol. 34, no 6, pp. 672–688.
- Honneland G., Blakkisrud H. (eds.) (2018) *Centre-Periphery Relations in Russia*. Abingdon, Oxon; New York: Routledge.
- Horne J. (2017) The Contemporary Politics of Sports Mega-Events. *Routledge Handbook of Sport and Politics*/A. Bairner, J. Kelly, J. Woo Lee (eds.). Abingdon, Oxon; New York: Routledge, pp. 238–250.
- Horne J., Manzenreiter W. (2006) An Introduction to the Sociology of Sports Mega-Events. *The Sociological Review*, vol. 54 (December), pp. 1–24.
- Koch N., Valiyev A. (2015) Urban Boosterism in Closed Contexts: Spectacular Urbanization and Second-Tier Mega-Events in Three Caspian Capitals. *Eurasian Geography and Economics*, vol.56, no 5, pp. 575–598.

- Kominsky A., Markov E., Panomarev A., Tikhonov P., Tovkaylo M., Chachko A. (2018) Russia 2018: The 2018 FIFA World Cup in Russia. E-Book. Available at: <http://ebook.welcome2018.com/authors> (accessed 17.02.2020).
- Lauerermann J. (2014) Competition through Interurban Policy Making: Bidding to Host Megaevents as Entrepreneurial Networking. *Environment and Planning A*, vol. 46, no 11, pp. 2638–2653.
- Lauerermann J. (2017) Made in Transit: Mega-Events and Policy Mobilities. *Mega-Event Mobilities: A Critical Analysis*/N.B. Salazar, C. Timmerman, J. Wets, L.G. Gato, S. Van den Broucke (eds.). London: Routledge, pp. 90–108.
- Lauerermann J. (2018) Municipal Statecraft: Revisiting the Geographies of the Entrepreneurial City. *Progress in Human Geography*, vol. 42, no 2, pp. 205–224.
- Lauerermann J., Davidson M. (2013) Negotiating Particularity in Neoliberalism Studies: Tracing Development Strategies Across Neoliberal Urban Governance Projects. *Antipode*, vol. 45, no 5, pp. 1277–1297.
- Ledeneva A.V. (2013) Can Russia Modernise?: Sistema, Power Networks and Informal Governance. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- Ledyayev V. (2008) Domination, Power and Authority in Russia: Basic Characteristics and Forms. *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, vol. 24, no 1, pp. 17–36.
- Lenskyj H.J. (2012) The Case against the Olympic Games: The Buck Stops with the IOC. *The Palgrave Handbook of Olympic Studies*/H.J. Lenskyj, S. Wagg (eds.). London: Palgrave Macmillan, pp. 570–579.
- Lenskyj H.J. (2016) Sochi 2014 Olympics: Accomodation and Resistance. *Sport, Protest and Globalisation: Stopping Play*/J. Dart, S. Wagg (eds.). London: Springer, pp. 311–334.
- Liven D. (2008) Rossiya kak imperiya i periferiya [Russia as empire and periphery]. *Rossiya v Globalny Politike* [Russian in Global Politics], vol. 6, no 6, pp. 36–46. (in Russian)
- Mackay C. (2012) 'Back the Bid': The London Olympic Bid Committee and the Sun Newspaper. *Journal of Sport and Social Issues*, vol. 36, no 4, pp. 410–421.
- Malfas M., Theodoraki E., Houlihan B. (2004) Impacts of the Olympic Games as Mega-Events. *Municipal Engineer*, vol. 157 (ME3), pp. 209–220.
- Marshall T. (2000) Urban Planning and Governance: Is There a Barcelona Model? *International Planning Studies*, vol. 5, no 3, pp. 299–319.
- Matheson V., Baade R. (2004) Mega-Sporting Events in Developing Nations: Playing the Way to Prosperity. *South African Journal of Economics*, vol. 72, no 5, pp. 1085–1096.
- McCann E. (2011) Urban Policy Mobilities and Global Circuits of Knowledge: Toward a Research Agenda. *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 101, no 1, pp. 107–130.
- McCann E., Ward K. (eds.) (2011) Mobile Urbanism: Cities and Policymaking in the Global Age. Minneapolis; London: U of Minnesota Press.
- Militz E. (2016) Public Events and Nation-Building in Azerbaijan. *Nation-Building and Identity in the Post-Soviet Space: New Tools and Approaches*/R. Isaacs, A. Polese (eds.). Abingdon, Oxon; New York: Routledge, pp. 176–194.
- Moskvina A. (2013) Do 2018 Goda v Ekaterinburge Obeshayut Postroit 4 Stantsii Metro. 6.11.2013. [4 Metro Stations Promised In Ekaterinburg before 2018]. *E1.ru*. Available at: https://www.e1.ru/news/spool/news_id-397652.html (accessed 17.02.2020). (in Russian)
- Müller M. (2015a) What Makes an Event a Mega-Event? *Definitions and Sizes*. *Leisure Studies*, vol. 34, no 6, pp. 1–16.
- Müller M. (2015b) (Im-)Mobile Policies: Why Sustainability Went Wrong in the 2014 Olympics in Sochi. *European Urban and Regional Studies*, vol. 22, no 2, pp. 191–209.
- Müller M. (2017) How Mega-Events Capture Their Hosts: Event Seizure and the World Cup 2018 in Russia. *Urban Geography*, vol. 38, no 8, pp. 1113–1132.
- Müller M. (2018) In Search of the Global East: Thinking between North and South. *Geopolitics*, vol. 25, no 3, pp. 1–22.
- Nefedova T.G. (2008) Rossiiskaya Periferiya Kak Sotialno-Ekonomicheskoy Fenomen [The Russian Periphery as Socio-economic Phenomenon]. *Regionalnye Issledovaniya* [Region Studies], vol. 20, no 5, pp. 14–30. (in Russian)
- NSK Metro (2015) Metropoliteny Rossii Za 6 Mesyatsev 2015 God [Russian Metro Systems for 6 Months in 2015]. *NSK Metro*. Available at: <http://www.nsk-metro.ru/index.php?event=menu&pname=MetroRussia> (accessed 17.02.2020). (in Russian)
- Oancă A. (2015) Europe Is Not Elsewhere: The Mobilization of an Immobile Policy in the Lobbying by Perm (Russia) for the European Capital of Culture Title. *European Urban and Regional Studies*, vol. 22, no 2, pp. 179–190.
- Oliver R., Lauerermann J. (2017) Failed Olympic Bids and the Transformation of Urban Space: Lasting Legacies? New York: Springer.
- Peck J., Theodore N. (2015) Fast Policy: Experimental Statecraft at the Thresholds of Neoliberalism. Minneapolis: University Of Minnesota Press.
- Pillay U., Bass O. (2008) Mega-Events as a Response to Poverty Reduction: The 2010 FIFA World Cup and Its Urban Development Implications. *Urban Forum*, vol. 19, no 3, pp. 329–346.

- Preuss H. (2004) Calculating the Regional Economic Impact of the Olympic Games. *European Sport Management Quarterly*, vol. 4, no 4, pp. 234–253.
- Qu L., Spaans M. (2009) The Mega-Event as a Strategy in Spatial Planning: Starting From the Olympic City of Barcelona. *The New Urban Question – Urbanism beyond Neo-Liberalism*, vol. 10. Amsterdam/Delft.
- Raco M. (2013) Governance as Legacy: Project Management, the Olympic Games and the Creation of a London Model. *International Journal of Urban Sustainable Development*, vol.5, no 2, pp. 172–173.
- Raco M. (2014) Delivering Flagship Projects in an Era of Regulatory Capitalism: State-Led Privatization and the London Olympics 2012. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 38, no 1, pp. 176–197.
- RIA Novosti (2009a) Medvedev: Sportfederatsii dolzhni vozglavit professionalni. 23.10.2009 [Medvedev: Sport Federations must be run by professionals]. *RIA Novosti*. Available at: <https://ria.ru/20091023/190289721.html> (accessed 17.02.2020) (in Russian)
- RIA Novosti (2009b) Mutko ushol v otstavku i stal predsedatelem popechitelskogo soveta RFS. 24.11.2009. [Mutko resigns and becomes representative of board of trustees of the Russian Football Union]. *RIA Novosti*. Available at: <https://ria.ru/20091124/195280734.html> (accessed 17.02.2020). (in Russian)
- RP Online (2005) Überblick: Die Zuständigkeiten im deutschen OK bei der WM 2006. RP ONLINE. 2005. Available at: https://rp-online.de/sport/fussball/wm/dfb/die-zustaendigkeiten-im-organisationskomitee-der-wm-2006_bid-9617489 (accessed 17.02.2020).
- Russia 2018 World Cup Bid Committee (2010) Ready to Inspire: Russia 2018/2022 FIFA World Cup Bid Book. Moscow: House of Football.
- Russian Federal Government (2009) Rasporyazhenie Ot 9 Oktyabrya 2009 g. N-1469-p [Decree N-1469-R from October 9 2009]. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102166368&rdk=0> (accessed 17.02.2020). (in Russian)
- Salazar N., Timmerman C., Wets J., Gato L.G., Van den Broucke S. (eds.) (2017) *Mega-Event Mobilities: A Critical Analysis*. London: Routledge.
- Sverdlovsk Gubernatorial website (2015) Evgeny Kuyvashev: Podgotovka k ChM 2018 Uze Pozvolila Povysit Kachestvo Zhizni Zhitelei Regiona [Evgeny Kuyvashev: Preparing for the World Cup Has Already Benefited Residents]. *Sverdlovsk Gubernatorial website*. Available at: http://gubernator96.ru/news/show/id/3826/news_category/62 (accessed 17.02.2020). (in Russian)
- Smith A. (2012) *Events and Urban Regeneration : The Strategic Use of Events to Revitalise Cities*. Abingdon, Oxon; New York: Routledge.
- Temenos C., McCann E. (2012) The Local Politics of Policy Mobility: Learning, Persuasion, and the Production of a Municipal Sustainability Fix. *Environment and Planning A*, vol. 44, no 6, pp. 1389–1406.
- Temenos C., McCann E. (2013) Geographies of Policy Mobilities. *Geography Compass*, vol. 7, no 5, pp. 344–357.
- Transparency International. (2016) *Transparency International Global Corruption Report: Sport*. Abingdon, Oxon; New York: Routledge.
- Transport Ministry of the Russian Federation. (2016) *Transport Plans for the 2018 World Cup in Russia*. Moscow: Transport Directorate of the 2018 Football World Cup in Russia.
- Volgograd24 (2017) Vitaly Mutko Pobyval Na Stroyploshadke Stadionna 'Volgograd Arena'. 25.07.2017. [Vitaly Mutko Visited Volgograd Arena Construction Site]. *Volgograd24*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=mr-bXP7S14xU> (accessed 17.02.2020). (in Russian)
- Wallerstein I. (1979) *The Capitalist World-Economy*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- Wallerstein I. (1984) *The Politics of the World-Economy: The States, the Movements and the Civilizations*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- Ward K. (2011) Policies in Motion and in Place: The Case of Business Improvement Districts. *Mobile Urbanism: Cities and Policymaking in the Global Age*/E. McCann, Ward K. (eds.). Minneapolis; London: U of Minnesota Press, pp. 71–96.
- Watt P. (2013) 'It's Not for Us'. *City*, vol.17, no 1, pp. 99–118.
- Zhang L., Zhao S.X. (2009) City Branding and the Olympic Effect: A Case Study of Beijing. *Cities*, vol. 26, no 5, pp. 245–54.
- Zimbalist A. (2016) *Circus Maximus: The Economic Gamble Behind Hosting the Olympics and the World Cup*. Washington, D.C: Brookings Institution Press.

С.Д. ВОЛЬФЕ

ГОРОДСКОЕ РАЗВИТИЕ В РАМКАХ МУЖСКОГО ЧЕМПИОНАТА МИРА ПО ФУТБОЛУ 2018 ГОДА: ВИДОИЗМЕНЕННАЯ МОБИЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НА ПЕРИФЕРИИ

Вольфе Свен Дэниель, PhD, преподаватель Института географии и устойчивого развития Университета Лозанны; Швейцария, CH-1015, Лозанна.

E-mail: svendanielwolfe@unil.ch

Планировщики, политики и другие элиты часто используют мегасобытия, такие как чемпионат мира по футболу, как стратегию городского развития. Так произошло и с чемпионатом мира по футболу 2018 года, который проводился в одиннадцати городах России и предполагал модернизацию принимающих периферийных городов. Несмотря на то что идея развития городов с помощью мегасобытий широко распространена, российский опыт продемонстрировал много нового.

Данная работа рассматривает развитие городов в рамках чемпионата мира по футболу в России как пример гибкой политики, показывает, каким образом это мегасобытие было импортировано из-за рубежа и как видоизменилась политика во время подготовки к мероприятию в принимающих российских городах. Специфика российского опыта во многом заключается в том, что оргкомитет чемпионата мира по футболу был создан и функционировал как дополнение к центральному правительству Москвы. Таким образом, то, что поначалу представлялось как способ дифференцирования принимающих городов путем их соревнования друг с другом в городском развитии, на самом деле оказалось установлением еще большей централизации в региональное пространственное планирование. Следовательно, даже при улучшении определенных материальных условий в принимающих городах чемпионат мира по футболу представлял собой не выражение региональной демократии и даже не стратегию межгородской дифференциации, а, скорее, еще один пример развития, продиктованный из центра, издалека.

Ключевые слова: мобильная политика; городское развитие; мегасобытия; чемпионат мира; Россия

Цитирование: Wolfe S.D. (2019) Urban Development Through the 2018 FIFA Men's Football World Cup: Mutated Mobile Policies in the Peripheries // Городские исследования и практики. Т. 4. № 3. С. 23–41. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp43201923-41>

Источники

- Виталий Мутко побывал на стройплощадке стадиона «Волгоград Арена» (2017) 25.07.2017 // Волгоград 24. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=mrbXP7S14xU> (дата обращения: 17.02.2020).
- Вторую ветку метро к ЧМ-2018 построить не успеют (2013) 21.05.2013 // E1.ru. Режим доступа: http://www.e1.ru/news/spool/news_id-388158.html (дата обращения: 17.02.2020).
- Голубчиков О.Ю., Бадина А.В. (2016) Макрорегиональные тенденции развития городов бывшего СССР // Региональные исследования. № 2 (52). С.31–43.
- Евгений Куйвашев: подготовка к ЧМ-2018 уже позволила повысить качество жизни жителей региона (2015) // Сайт Губернатора Свердловской области. Режим доступа: http://gubernator96.ru/news/show/id/3826/news_category/62 (дата обращения: 17.02.2020).
- Ливен Д. (2008) Россия как империя и периферия // Россия в глобальной политике. Т. 6. № 6. С. 36–46.
- Медведев: Спортфедерации должны возглавить профессионалы (2009) 23.10.2009 // РИА Новости. Режим доступа: <https://ria.ru/20091023/190289721.html> (дата обращения: 17.02.2020).

- Метрополитен России за 6 месяцев в 2015 году (2015)//Новосибирский метрополитен. Режим доступа: <http://www.nsk-metro.ru/index.php?event=menu&rname=MetroRussia> (дата обращения: 17.02.2020).
- Москвина А. (2013) До 2018 года в Екатеринбурге обещают построить 4 станции метро. 6.11.2013//E1.ru. Режим доступа: https://www.e1.ru/news/spool/news_id-397652.html (дата обращения: 17.02.2020).
- Мутко ушел в отставку и стал председателем попечительского совета РФС (2009) 24.11.2009//РИА Новости. <https://ria.ru/20091124/195280734.html> (дата обращения: 17.02.2020).
- Нефедова Т.Г. (2018) Российская периферия как социально-экономический феномен//Региональные исследования. № 5 (20). С. 14–30.
- Правительство РФ (2009) Распоряжение Правительства РФ от 9 октября 2009 г. N 1469-р. Режим доступа: <https://rulaws.ru/government/Rasporyazhenie-Pravitelstva-RF-ot-09.10.2009-N-1469-r/> (дата обращения: 17.02.2020).
- Шувалов возглавил оргкомитет заявки РФ на проведение ЧМ по футболу (2009) 16.12.2009//Газета.ru. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/news/sport/2009/12/16/n_1436401.shtml (дата обращения: 17.02.2020).
- Abelson P. (2011) Evaluating Major Events and Avoiding the Mercantilist Fallacy//Economic Papers: A Journal of Applied Economics and Policy. Vol. 30. No. 1. P. 48–59.
- Andranovich G., Burbank M.J., Heying C.H. (2001) Olympic Cities: Lessons Learned from Mega-Event Politics//Journal of Urban Affairs. Vol. 23 No. 2. P. 113–131.
- Barcelona 1992 Olympic Organizing Committee (1993) Official Report of the Games of the XXV Olympiad, Barcelona 1992. Barcelona.
- Black D. (2008) Dreaming Big: The Pursuit of 'Second Order' Games as a Strategic Response to Globalization//Sport in Society. Vol. 11. No. 4. P. 467–480.
- Black D. (2014) Megas for Strivers: The Politics of Second-Order Events//Leveraging Legacies from Sports Mega-Events: Concepts and Cases/J. Grix (ed.). Basingstoke, Hampshire, New York: Palgrave Pivot. P. 13–23.
- Black D., Van Der Westhuizen J. (2004) The Allure of Global Games for 'semi-Peripheral' Polities and Spaces: A Research Agenda//Third World Quarterly. Vol. 25. No. 7. P. 1195–1214.
- Borbély C. (2017) Report on Issues Related to the Russian Bid Team. Zurich, Switzerland: FIFA Ethics Committee. Режим доступа: http://resources.fifa.com/mm/document/affederation/footballgovernance/02/89/88/06/rus_report_neutral.pdf (дата обращения: 17.02.2020).
- Brenner N., Theodore N. (2002) Cities and the Geographies of 'Actually Existing Neoliberalism'//Antipode. Vol. 34. No. 3. P. 349–379.
- Brownell S. (2008) Beijing's Games: What the Olympics Mean to China. Lanham: Rowman & Littlefield.
- Brunet F. (1995) An Economic Analysis of the Barcelona'92 Olympic Games: Resources, Financing and Impact//The Keys to Success: The Social, Sporting, Economic and Communications Impact of Barcelona '92/M. de Moragas, M. Botella (eds.). Barcelona: Centre d'Estudis Olímpics i de l'Esport. P. 203–237.
- Chalkley B., Essex S. (1999) Urban Development through Hosting International Events: A History of the Olympic Games//Planning Perspectives. Vol. 14. No. 4. P. 369–394.
- Chari T. (2014) Unmaking the Dark Continent: South Africa, Africa and the Image Make-Over Narrative in the South African Press//African Football, Identity Politics and Global Media Narratives: The Legacy of the FIFA 2010 World Cup/T. Chari, N.A. Mhiripiri (eds.). Global Culture and Sport Series. London: Palgrave Macmillan UK. P. 161–179.
- Chase-Dunn C., Hall T. (eds.) (2019) Core/Periphery Relations in Precapitalist Worlds. Abingdon, Oxon; New York: Routledge.
- Coaffee J. (2010) Urban Regeneration and Renewal//Olympic Cities: City Agendas, Planning, and the World's Games/J.R. Gold, M.M. Gold (eds.). 2nd edition. London: Routledge. P. 180–193.
- Cook I., Miles S. (2017) Beijing 2008//Olympic Cities: City Agendas, Planning, and the World's Games, 1896–2020/J.R. Gold, M.M. Gold (eds.). 3rd edition. London; New York: Routledge. P. 359–376.
- Cook I.R., Ward K. (2011) Trans-Urban Networks of Learning, Mega Events and Policy Tourism The Case of Manchester's Commonwealth and Olympic Games Projects//Urban Studies. Vol. 48. No. 12. P. 2519–2535.
- Cornelissen S. (2004) 'It's Africa's Turn!' The Narratives and Legitimizations Surrounding the Moroccan and South African Bids for the 2006 and 2010 FIFA Finals//Third World Quarterly. Vol. 25. No. 7. P. 1293–1309.
- Cornelissen S. (2010) The Geopolitics of Global Aspiration: Sport Mega-Events and Emerging Powers//The International Journal of the History of Sport. Vol. 27 No. 16–18. P. 3008–3025.
- Cottle E. (ed.) (2011) South Africa's World Cup: A Legacy for Whom? Scottsville, South Africa: University of KwaZulu-Natal Press.
- Dart J., Wagg S. (2016) Sport, Protest and Globalisation: Stopping Play. London: Springer.
- Degen M., García M. (2012) The Transformation of the 'Barcelona Model': An Analysis of Culture, Urban Regeneration and Governance//International Journal of Urban and Regional Research. Vol. 36. No. 5. P. 1022–1038.

- Edensor T., Jayne M. (eds.) (2012) *Urban Theory Beyond the West: A World of Cities*. 1 edition. Abingdon, Oxon; New York: Routledge.
- Essex S., Chalkley B. (1998) Olympic Games: Catalyst of Urban Change//*Leisure Studies*. Vol. 17. No. 3. P. 187–206.
- FIFA (2010) 2018 FIFA World Cup Bid Evaluation Report: Russia. Режим доступа: http://resources.fifa.com/mm/document/tournament/competition/02/59/22/68/regulationsfwc2018russia_short_e_v210415_neutral.pdf (дата обращения: 17.02.2020).
- Flyvbjerg B., Stewart A., Budzier A. (2016) *The Oxford Olympics Study 2016: Cost and Cost Overrun at the Games*//SSRN Scholarly Paper ID 2804554. Rochester, NY: Social Science Research Network. Режим доступа: <http://papers.ssrn.com/abstract=2804554> (дата обращения: 17.02.2020).
- Frankfurter Allgemeine (2015) Fußball-WM: Das war das Organisationskomitee 2006//Frankfurter Allgemeine. October 16, 2015. Режим доступа: <https://www.faz.net/1.3860118> (дата обращения: 17.02.2020).
- Gaffney C. (2010) Mega-Events and Socio-Spatial Dynamics in Rio de Janeiro, 1919-2016//*Journal of Latin American Geography*. Vol. 9. No. 1. P. 7–29.
- Gel'man V. (2008) Party Politics in Russia: From Competition to Hierarchy//*Europe-Asia Studies*. Vol. 60. No. 6. P. 913–930.
- Gel'man V. (2015) *Authoritarian Russia: Analyzing Post-Soviet Regime Changes*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Girginov V. (2017) Leveraging the Olympic Games: Universal and Local Imaginaries and Mobilities//*Mega-Event Mobilities: A Critical Analysis*/N.B. Salazar, C. Timmerman, J. Wets, L.G. Gato, S. Van den Broucke (eds.). London: Routledge. P. 145–164.
- Gogishvili D. (2018) Baku Formula 1 City Circuit: Exploring the Temporary Spaces of Exception//*Cities*. No. 74 (April). P. 169–178.
- Golubchikov O. (2017) From a Sports Mega-Event to a Regional Mega-Project: The Sochi Winter Olympics and the Return of Geography in State Development Priorities//*International Journal of Sport Policy and Politics* Vol. 9. No. 2. P. 237–255.
- González S. (2011) Bilbao and Barcelona 'in Motion': How Urban Regeneration 'Models' Travel and Mutate in the Global Flows of Policy Tourism//*Urban Studies*. Vol. 48. No. 7. P. 1397–1418.
- Grix J. (ed.) (2014) *Leveraging Legacies from Sports Mega-Events: Concepts and Cases*. Basingstoke, Hampshire; New York: Palgrave Pivot.
- Hall C.M. (2006) Urban Entrepreneurship, Corporate Interests and Sports Mega-Events: The Thin Policies of Competitiveness within the Hard Outcomes of Neoliberalism//*The Sociological Review*. Vol. 54 (December). P. 59–70.
- Hall T., Hubbard P. (1998) *The Entrepreneurial City: Geographies of Politics, Regime, and Representation*. Chichester: Wiley.
- Hiller H. (2000) Mega-Events, Urban Boosterism and Growth Strategies: An Analysis of the Objectives and Legitimations of the Cape Town 2004 Olympic Bid//*International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 24. No. 2. P. 449–458.
- Hiller H., Wanner R. (2015) The Psycho-Social Impact of the Olympics as Urban Festival: A Leisure Perspective//*Leisure Studies*. Vol. 34. No. 6. P. 672–688.
- Honneland G., Blakkisrud H. (eds.) (2018) *Centre-Periphery Relations in Russia*. Abingdon, Oxon; New York: Routledge.
- Horne J. (2017) The Contemporary Politics of Sports Mega-Events//*Routledge Handbook of Sport and Politics*/A. Bairner, J. Kelly, J. Woo Lee (eds.). Abingdon, Oxon; New York: Routledge. P. 238–250.
- Horne J., Manzenreiter W. (2006) An Introduction to the Sociology of Sports Mega-Events//*The Sociological Review*. Vol. 54 (December). P. 1–24.
- Koch N., Valiyev A. (2015) Urban Boosterism in Closed Contexts: Spectacular Urbanization and Second-Tier Mega-Events in Three Caspian Capitals//*Eurasian Geography and Economics*. Vol. 56. No. 5. P. 575–598.
- Kominsky A., Markov E., Panomarev A., Tikhonov P., Tovkaylo M., Chachko A. (2018) *Russia 2018: The 2018 FIFA World Cup in Russia*. E-Book. Режим доступа: <http://ebook.welcome2018.com/authors> (дата обращения: 17.02.2020).
- Lauermann J. (2014) Competition through Interurban Policy Making: Bidding to Host Megaevents as Entrepreneurial Networking//*Environment and Planning A*. Vol. 46. No. 11. P. 2638–2653.
- Lauermann J. (2017) Made in Transit: Mega-Events and Policy Mobilities//*Mega-Event Mobilities: A Critical Analysis*/N.B. Salazar, C. Timmerman, J. Wets, L.G. Gato, S. Van den Broucke (eds.). London: Routledge. P. 90–108.
- Lauermann J. (2018) Municipal Statecraft: Revisiting the Geographies of the Entrepreneurial City//*Progress in Human Geography*. Vol. 42. No. 2. P. 205–224.
- Lauermann J., Davidson M. (2013) Negotiating Particularity in Neoliberalism Studies: Tracing Development Strategies Across Neoliberal Urban Governance Projects//*Antipode*. Vol. 45. No. 5. P. 1277–1297.

- Ledeneva A.V. (2013) *Can Russia Modernize?: Sistema, Power Networks and Informal Governance*. Cambridge ; New York: Cambridge University Press.
- Ledyayev V. (2008) *Domination, Power and Authority in Russia: Basic Characteristics and Forms*//*Journal of Communist Studies and Transition Politics*. Vol. 24. No. 1. P. 17–36.
- Lenskyj H.J. (2012) *The Case against the Olympic Games: The Buck Stops with the IOC*//*The Palgrave Handbook of Olympic Studies*/H.J. Lenskyj, S. Wagg (eds.). London: Palgrave Macmillan. P. 570–579.
- Lenskyj H.J. (2016) *Sochi 2014 Olympics: Accomodation and Resistance*//*Sport, Protest and Globalisation: Stopping Play*/J. Dart, S. Wagg (eds.). London: Springer. P. 311–334.
- Mackay C. (2012) *'Back the Bid': The London Olympic Bid Committee and the Sun Newspaper*//*Journal of Sport and Social Issues*. Vol. 36. No. 4. P. 410–421.
- Malfas M., Theodoraki E., Houlihan B. (2004) *Impacts of the Olympic Games as Mega-Events*//*Municipal Engineer*. Vol. 157 (ME3). P. 209–220.
- Marshall T. (2000) *Urban Planning and Governance: Is There a Barcelona Model?*//*International Planning Studies*. Vol. 5. No. 3. P. 299–319.
- Matheson V., Baade R. (2004) *Mega-Sporting Events in Developing Nations: Playing the Way to Prosperity*//*South African Journal of Economics*. Vol. 72. No. 5. P. 1085–1096.
- McCann E. (2011) *Urban Policy Mobilities and Global Circuits of Knowledge: Toward a Research Agenda*//*Annals of the Association of American Geographers*. Vol. 101. No. 1. P. 107–130.
- McCann E., Ward K. (eds.) (2011) *Mobile Urbanism: Cities and Policymaking in the Global Age*. Minneapolis; London: U of Minnesota Press.
- Militz E. (2016) *Public Events and Nation-Building in Azerbaijan*//*Nation-Building and Identity in the Post-Soviet Space: New Tools and Approaches*/R. Isaacs, A. Polese (eds.). Abingdon, Oxon; New York: Routledge. P. 176–194.
- Müller M. (2015a) *What Makes an Event a Mega-Event? Definitions and Sizes*//*Leisure Studies*. Vol. 34. No. 6. P. 1–16.
- Müller M. (2015b) *(Im-)Mobile Policies: Why Sustainability Went Wrong in the 2014 Olympics in Sochi*//*European Urban and Regional Studies*. Vol. 22. No. 2. P. 191–209.
- Müller M. (2017) *How Mega-Events Capture Their Hosts: Event Seizure and the World Cup 2018 in Russia*//*Urban Geography*. Vol. 38. No. 8. P. 1113–1132.
- Müller M. (2018) *In Search of the Global East: Thinking between North and South*//*Geopolitics*. Vol. 25. No. 3. P. 1–22.
- Oancă A. (2015) *Europe Is Not Elsewhere: The Mobilization of an Immobile Policy in the Lobbying by Perm (Russia) for the European Capital of Culture Title*//*European Urban and Regional Studies*. Vol. 22. No. 2. P. 179–190.
- Oliver R., Laueremann J. (2017) *Failed Olympic Bids and the Transformation of Urban Space: Lasting Legacies?* New York: Springer.
- Peck J., Theodore N. (2015) *Fast Policy: Experimental Statecraft at the Thresholds of Neoliberalism*. Minneapolis: Univ Of Minnesota Press.
- Pillay U., Bass O. (2008) *Mega-Events as a Response to Poverty Reduction: The 2010 FIFA World Cup and Its Urban Development Implications*//*Urban Forum*. Vol. 19. No. 3. P. 329–346.
- Preuss H. (2004) *Calculating the Regional Economic Impact of the Olympic Games*//*European Sport Management Quarterly*. Vol. 4. No. 4. P. 234–253.
- Qu L., Spaans M. (2009) *The Mega-Event as a Strategy in Spatial Planning: Starting From the Olympic City of Barcelona*//*The New Urban Question – Urbanism beyond Neo-Liberalism*. Vol. 10. Amsterdam/Delft.
- Raco M. (2013) *Governance as Legacy: Project Management, the Olympic Games and the Creation of a London Model*//*International Journal of Urban Sustainable Development*. Vol.5. No. 2. P. 172–173.
- Raco M. (2014) *Delivering Flagship Projects in an Era of Regulatory Capitalism: State-Led Privatization and the London Olympics 2012*//*International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 38. No. 1. P. 176–197.
- RP Online (2005) *Überblick: Die Zuständigkeiten im deutschen OK bei der WM 2006*//RP ONLINE. 2005. Режим доступа: https://rp-online.de/sport/fussball/wm/dfb/die-zustaendigkeiten-im-organisationskomitee-der-wm-2006_bid-9617489 (дата обращения: 17.02.2020).
- Russia 2018 World Cup Bid Committee (2010) *Ready to Inspire: Russia 2018/2022 FIFA World Cup Bid Book*. Moscow: House of Football.
- Salazar N., Timmerman C., Wets J., Gato L.G., Van den Broucke S. (eds.) (2017) *Mega-Event Mobilities: A Critical Analysis*. London: Routledge.
- Smith A. (2012) *Events and Urban Regeneration : The Strategic Use of Events to Revitalise Cities*. Abingdon, Oxon; New York: Routledge.
- Temenos C., McCann E. (2012) *The Local Politics of Policy Mobility: Learning, Persuasion, and the Production of a Municipal Sustainability Fix*//*Environment and Planning A*. Vol. 44. No. 6. P. 1389–1406.

- Temenos C., McCann E. (2013) Geographies of Policy Mobilities//Geography Compass. Vol. 7. No. 5. P. 344–357.
- Transparency International. (2016) Transparency International Global Corruption Report: Sport. Abingdon, Oxon; New York: Routledge.
- Transport Ministry of the Russian Federation. (2016) Transport Plans for the 2018 World Cup in Russia. Moscow: Transport Directorate of the 2018 Football World Cup in Russia.
- Wallerstein I. (1979) The Capitalist World-Economy. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- Wallerstein I. (1984) The Politics of the World-Economy: The States, the Movements and the Civilizations. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- Ward K. (2011) Policies in Motion and in Place: The Case of Business Improvement Districts//Mobile Urbanism: Cities and Policymaking in the Global Age/E. McCann, Ward K. (eds.). Minneapolis; London: U of Minnesota Press. P. 71–96.
- Watt P. (2013) 'It's Not for Us'//City. Vol. 17. No. 1. P. 99–118.
- Zhang L., Zhao S.X. (2009) City Branding and the Olympic Effect: A Case Study of Beijing//Cities. Vol. 26. No. 5. P. 245–254.
- Zimbalist A. (2016) Circus Maximus: The Economic Gamble Behind Hosting the Olympics and the World Cup. Washington, D.C: Brookings Institution Press.

С.М. МОСКАЛЕВА

УПРАВЛЕНИЕ ГОРОДСКИМ НАСЛЕДИЕМ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ: МЕЖДУ ЛОКАЛЬНЫМ И ГЛОБАЛЬНЫМ

Москалева Светлана Михайловна, магистр социологии, аспирант Европейского университета в Санкт-Петербурге; Российская Федерация, 191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 6/1 А.

E-mail: smmoskaleva@gmail.com

В статье на примере архитектурного конкурса реконструкции Большой Морской улицы в Санкт-Петербурге рассматривается вопрос о контроле наследия. Конкурс 2016 года представляется как событие, раскрывающее конфликтующие логики, дискурсы и формы рациональности в управлении архитектурным наследием. Рассмотрение их использования субъектами, участвующими в создании проектов Большой Морской, — профессиональными архитектурными студиями, инициативными группами, представителями государственных структур, — и является целью статьи. Работа вносит вклад в дискуссию об управлении на расстоянии в отношениях центра/периферии. Используя метод включенного наблюдения, дискурс-анализ архитектурных концепций, нормативных документов, а также интервью с гражданскими группами, автор раскрывает различные типы рациональности, включенные в процесс планирования. Проекты Большой Морской улицы иллюстрируют столкновение двух планировочных парадигм, различающихся по эпистемическим основаниям (формам рациональности) и дискурсивным практикам. В первой парадигме государство рассматривается как ключевой актор планировочного процесса. Другая выстраивается вокруг рыночной и гражданской логик, соучастия граждан в планировании городских пространств. Представители этой парадигмы формируют новые гражданские идентичности и свою аргументацию в рамках рыночного международного дискурса.

Ключевые слова: наследие; городское управление; гражданское участие; городское планирование; дискурс-анализ; постсоветское пространство

Цитирование: Москалева С.М. (2019) Управление городским наследием в Санкт-Петербурге: между локальным и глобальным // Городские исследования и практики. Т. 4. № 3. С. 42–59. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp43201942-59>

Введение

В книге «Коммунизм на завтрашней улице» историк Стивен Харрис показывает, как появившиеся в СССР проекты будущих городов открыли новое *дискурсивное пространство* для переосмысления проекта строительства коммунизма советскими гражданами [Harris, 2013, p. 192]. В современной России мы также можем наблюдать, как появляются дискурсивные пространства для размышления о будущем российских городов. Эти пространства включают как государственные архитектурные конкурсы, генпланы городов, экономические стратегии, так и гражданские низовые инициативы, предлагающие проекты благоустройства через различные медиаплатформы.

Применяя идеи Мишеля Фуко к анализу архитектуры, исследователи отмечают, что архитектура является компонентом культурного и политического дискурса, воплощенного в закрепленных правилах и практиках, предлагающих те или иные способы действия в пространстве. Архитектура и архитектурный дизайн могут быть проводниками определенных политических дискурсов и представлять интересы тех или иных властных групп (см., напр., [Jones, 2011]).

В данной статье архитектурные предложения о будущем городского пространства будут рассмотрены в качестве дискурсов (как ассамбляжа идей, практик), нормализующих опреде-

ленные представления различных групп об управлении архитектурным наследием. Термин «управление» будет пониматься в смысле гвернаментальности [Foucault, 1991].¹

Архитектурный конкурс на реконструкцию Большой Морской улицы в Санкт-Петербурге в 2016 году будет рассматриваться как событие, раскрывающее конфликтующие дискурсы и формы рациональности управления архитектурным наследием, мобилизуемые различными участниками процесса: профессиональными архитектурными студиями, инициативными группами, представителями государственных структур. Контекст Санкт-Петербурга, центр которого охраняется ЮНЕСКО, позволяет концептуализировать развернувшуюся борьбу между группами как борьбу за контроль над объектом наследия и логиками его управления. Цель статьи — рассмотреть, какие дискурсы, технологии и типы рациональности привлекаются различными субъектами, участвующими в создании проектов Большой Морской, и в чем специфика последних.

Под наследием в статье понимается процесс управления: объект городского пространства становится наследием только тогда, когда подвергается практикам по его сохранению и управлению (как гвернаментальности — *Прим. авт.*) [Smith, 2006]. Управление объектами наследия — это глобальный процесс, который можно проследить в дискурсивных практиках [Smith, 2006], технологиях [Ong, 2006], международных законодательных актах, государственных нормативных документах и практиках местных сообществ [Coombe, Weiss, 2015; Cesari, Herzfeld, 2015]. Понятие «гвернаментальность», разработанное Фуко и его последователями [Rose et al., 2006], позволяет переосмыслить сложные способы управления территориями и людьми, сосредоточившись на анализе микропроцессов. Такое управление включает три компонента: анализ форм рациональностей, которые включаются в процесс управления, технологии и субъекты управления. Роуз также отмечает, что управление субъектами осуществляется через свободу выбора тех способов и логик, которые рассматриваются ими как правильные и рациональные [Rose, 1996].

Проблемы, с которыми сталкиваются исследователи наследия: процессы кооптации различных логик управления, замена одних логик, представляющих интересы властных групп, другими [Coombe, Weiss, 2015]. Кроме того, это проблемы распространенности доминирующих (авторитетных) дискурсов планирования [Smith, 2006], которые задают тренды управления наследием и не принимают во внимание локальные особенности городской политики и местных сообществ.

В статье рассматриваются особенности постсоветского контекста градостроительства, который характеризуется переходом от централизованного к рыночному управлению городом [Friedman, 2005; Golubchikov, 2006]. При этом институты, регулирующие экономику, а также нормативные акты, контролирующие рынок городского планирования, находятся в процессе формирования [Friedman, 2005]. Правила и логики управления переопределяются и реформируются. В контексте дискуссии о центре/периферии учет этого позволяет проследить логику управления, субъектов планирования, выявить «авторитетные» дискурсы и концептуализировать изменения, происходящие в планировочном процессе.

Статья состоит из трех частей. В первой части рассматривается управление наследием и роль различных дискурсов в этом процессе. Во второй реконструируются политические, экономические и социальные условия, в среде которых возникают новые управленческие логики и дискурсы Санкт-Петербурга. В третьей части анализируется кейс Большой Морской улицы, иллюстрирующий дискурсы, используемые различными группами в ходе архитектурного конкурса. Проекты Большой Морской улицы демонстрируют столкновение планировочных парадигм, различающихся по эпистемическим основаниям (формам рациональности) и дискурсивным практикам. Основная идея статьи заключается в том, что на примере архитектурных проектов Большой Морской улицы можно проследить, каким образом новые акторы градостроительного процесса (гражданские и активистские группы) стремятся контролировать управление наследием и активно «мобилизуют» рыночные и международные дискурсы, выстраивая новые идентичности.

¹ Термин «гвернаментальность» не переводится на русский язык без потери смысла (см. [Каплун, 2019]), но для лучшего усвоения материала статьи в дальнейшем будет использоваться слово «управление».

Контроль над управлением городским наследием

Городское планирование зависит от тех, кто обладает достаточным автономным политическим авторитетом и может выбирать проект для последующей реализации. Историк Стивен Бокинг утверждает, что в истории городского управления прослеживается взаимосвязь между городской экспертизой и политикой. Это подтверждается тем, что различные экспертные группы часто подотчетны представителям власти или бизнеса, напоминая о том, что «города появляются не только из чертежей и таблиц планировщиков и инженеров» [Bocking, 2006, p. 54]. Существует борьба между различными группами за то, как представлять городское пространство. Тот, кто получает возможность решать, как оно может выглядеть, получает властный ресурс контроля над управлением. Исследовательница Лораджейн Смит показывает, что контроль над наследием позволяет, во-первых, определять групповую идентичность. Во-вторых, у акторов появляется возможность требовать соблюдения их прав в рамках этой созданной идентичности. В-третьих, он позволяет переосмыслить конструирование культурной памяти и обсуждать культурные изменения [Smith, 2006, p. 295].

Рассматривая примеры борьбы за контроль над объектами архитектурного наследия, Смит выделяет два типа дискурсов в этом процессе: «авторитетные» и «подчиненные» (англ. — subaltern). Авторитетные дискурсы принадлежат группам, обладающим властью проводить экспертизу и решать, что является или не является наследием. К таким группам относят государство, поддерживаемых государством историков, археологов, архитекторов и бизнес-элиты, которые решают, какие пространства города требуют особого внимания. Важную роль в авторитетных дискурсах играет фигура «посетителя», которая предполагает пассивную роль наблюдателя, не вмешивающегося в управление. Исследование Смит подчеркивает европоцентризм авторитетного дискурса, его невнимание к местным особенностям. Вторая группа дискурсов — подчиненные дискурсы (или субалтерны) — это способы участия местных сообществ в управлении и сохранении объектов наследия. Такие сообщества объединяются в рамках политики культурной идентичности и ставят вопрос о том, кто имеет право выбирать, какой объект наследия важен и какая архитектурная концепция будет реализована [Smith, 2006, p. 29].

Подход Смит к выделению авторитетных и подчиненных дискурсов принимает в качестве отправной точки понимание дискурсов «как особого ассамбляжа идей, концепций и категоризаций, которые производятся, воспроизводятся и трансформируются в конкретный набор практик, за счет которых происходят физические и социальные изменения» ([Hajer, 1996, p. 44], цит. по [Smith, 2006, p. 14]). Используя идеи Феркло [Fairclough, 2001, p. 235], Смит показывает, что дискурсы «изначально позиционированы», они порождают различные способы управления «наследием» в соответствии с позициями социальных субъектов [Fairclough, 2001, p. 235]. Эти дискурсы и практики становятся частью конститутивного культурного процесса, который идентифицирует объекты и места, которым придается значение и ценность как «наследию», отражая современные культурные и социальные ценности [Smith, 2006, p. 4]. Идея наследия используется для конструирования, реконструирования и согласования идентичностей, социальных и культурных ценностей и значений: «На одном уровне наследие — это продвижение авторитетной версии истории, поддерживаемой государством, учреждениями культуры и элитами для регулирования культурной и социальной напряженности. На другом уровне наследие также может быть ресурсом, который используется для того, чтобы оспаривать и переопределять <...> идентичности для ряда подчиненных групп» [Smith, 2006, p. 4].

Концепция Смит показывает отличия в позициях дискурсов наследия, но не позволяет прояснить различия, существующие внутри этих позиций. Например, в ее терминологии под авторитетным дискурсом понимаются государственные, рыночные и академические дискурсы. Тем не менее эти дискурсы могут конкурировать друг с другом в зависимости от местного контекста (например, российского, где рыночный и государственный дискурсы не всегда совпадают). Исследование Смит направлено на раскрытие доминирующего западного, европоцентричного дискурса при работе таких организаций, как ЮНЕСКО, с объектами культурного наследия. В российском контексте интерес представляет то, какие дискурсивные практики привлекаются участниками планировочного процесса и каким образом они сталкиваются с ситуацией существующего политического режима и политикой городского управления и благоустройства. Идентификация исторически, институционально и политически обоснованного дискурса позволяет определить то, каким образом трансформируются представления о значе-

нии того или иного объекта наследия и каковы смыслы, которые он несет для создания культурной и социальной идентичности [Smith, 2006].

Статья «Неолиберализм, режимы наследия и культурные права» [Coombe, Weiss, 2015] посвящена рыночному и неолиберальному управлению в архитектурном наследии. Авторы показывают, что исследования наследия должны стремиться к более полному пониманию неолиберализма, управления (как гвернаментальности) и прав человека. В концепции гвернаментальности (governmentality) власть распределяется через правила, способы взаимодействия, дисциплинарные техники и другие практики [Foucault, 1991; 1994]. По мнению Комб и Вайс, неолиберальная гвернаментальность является «конститутивной формой культурной политики, ориентированной на организацию саморегулируемых и самоуправляющихся сообществ» (цит. по [Coombe, Weiss, 2015, p. 48]). В исследованиях наследия термин «неолиберальный» используется в качестве общего прилагательного для государственных, политических и экономических практик и процессов, направленных на консьюмеризацию наследия, превращение его в товар. Эти процессы связаны с экономической глобализацией и расширением международного туризма [Coombe, Weiss, 2015, p. 44]. Теоретики неолиберализма рассматривают управление наследием как область современной регулятивной трансформации [Brenner, Peck, Theodore, 2010], которая является «проектом навязывания рыночных дисциплинарных форм регулирования» в практику редевелопмента территорий [Coombe, Weiss, 2015, p. 44]. При этом антропологические исследования вносят вклад в понимание неолиберализма как неоднородного процесса, в котором передача идей и коммодификация развиваются неравномерно на различных территориях [Brenner, Peck, Theodore, 2010, p. 184; Coombe, Weiss, 2015, p. 44]. Управление наследием, таким образом, передается «новым агентам и коалициям, совместным партнерствам, государственно-частным альянсам, НКО, международным органам власти и транснациональным корпорациям» [Coombe, 2012, p. 378] цит. по [Coombe, Weiss, 2015, p. 45]. Это усложняет поддержание простых дихотомий в управлении, таких как государство и граждане, рынок и потребители, государство и рынок. Комб и Вайс показывают, что управление наследием происходит одновременно через международную политику, национальное законодательство, местные правила и требования рынка [Coombe, Weiss, 2015, p. 45].

Антропологические подходы к неолиберализму по-разному трактуют понятие управления, но соглашаются в том, что оно осуществляется с помощью технологий [Ong, 2007] — локальных программ, статистики, аппаратов, методов, способов исследования и процессов оценки, с помощью которых осуществляется «управление на расстоянии». Эти технологии понимаются как «технологии субъективации» ([Hilgers, 2010, p. 359], цит. по [Coombe, Weiss, 2015]), которые осуществляются через «регулируемую свободу» ([Rose, Miller, 2010, p. 272], цит. по [Coombe, Weiss, 2015]). Не ограничивая, а развивая личную автономию, они являются средствами, с помощью которых такая технология выполняет свою социальную роль. Таким образом, Комб и Вайс подчеркивают значение городских сообществ в проведении неолиберальной политики посредством технологий управления. Одним из таких подходов является, например, партиципация, которая закреплена в международных программах ЮНЕСКО и транслируется в страны, где нет сложившейся политической культуры гражданского участия.

К теме участия социальных движений и городских сообществ в управлении городским наследием обращаются исследователи Кьяра де Цезари и Майкл Херцфельд. Последствия действий местных групп и неправительственных организаций, по мнению антропологов, могут привести к проблемам воспроизводства неолиберальной управляющей стратегии [Cesari, Herzfeld, 2015, p. 172] и быть связаны с государственной политикой. В качестве примера процесса неолиберального управления они приводят проект возрождения городского парка Таксим-Ге-зи в Турции, где борьба за городское наследие привела к конфликту между правительством и активистами [Cesari, Herzfeld, 2015]. Проект, который представители властных структур называли «городским возрождением», предполагал замену парка начала XX века торговым центром. Государство и местные группы пытались навязать свое видение и соотносили «свои локальные интересы с более широкими национальными моделями идентичности» [Cesari, Herzfeld, 2015]. Эти процессы привели к взаимному совместному обучению и кооптации, или, как это определяется в статье, — управлению наследием (англ. — heritagization):

Управление наследием становится взаимной кооперацией или борьбой за контроль над практическими последствиями государственного управления. Оно маскирует цели и прак-

тику городского контроля и накопления капитала, а также превращает исключительно локальные интересы в общее благо [*Cesari, Herzfeld, 2015, p. 177*].

Кроме того, управление наследием позволяет использовать правовые, академические и моральные инструменты в качестве элементов экспертизы, не проводя границ между ними, представляя их как объективные и существующие вне политики [*Cesari, Herzfeld, 2015, p. 172*].

Таким образом, в этой части статьи были выделены основные подходы в исследованиях управления наследием. Последнее включает формы рациональности (рыночные, государственные, гражданские), технологии, с помощью которых эта рациональность управления может распространяться, и создание субъектов управления — самоуправляющихся сообществ, которые рассматривают себя как ответственных за изменения. При этом важной проблемой обозначенной дискуссии является сосуществование друг с другом различных типов дискурсов, а также мимикрия неолиберального дискурса за счет технологий управления, таких как вовлечение жителей и местных сообществ, представление их как акторов, ответственных за городские изменения.

Методология исследования

В исследованиях городского планирования выделяется два подхода к анализу дискурсов [*Jacobs, 2006; Lees, 2004*]. Первый подход — марксистский — подчеркивает важность идеологий, которые позволяют группам, имеющим власть, осуществлять гегемонию. Этот подход включает критический дискурс-анализ Феркло, а также исследования «дискурсивных коалиций» (*Dryzek, 1993; Fisher, Healey, 1995; Newman, 1996; Rydin, 1998*), цит. по [*Jacobs, 2006*]). Второй подход берет свое начало от исследований Фуко и рассматривает власть как сеть отношений. В этом подходе реализация власти осуществляется не только за счет индивидов, но включает институты и практики. Эти отношения конструируют социальные проблемы и «режимы правды» о том, какие проблемы признаются социальными, а также то, какими способами их необходимо решать. Язык в таком дискурс-анализе не только конституирует властные отношения, но и конституируется ими (*Atkinson, 1999; Stenson, Watt, 1999; Sharp, Richardson, 2001*) цит. по [*Jacobs, 2006*]). Джейкобс показывает, что дискурсы в фукодианских исследованиях рассматриваются как сложная сеть конкурирующих идей и ценностей, которые актуализируются в повседневных практиках. Поэтому основной задачей исследователей, по ее мнению, является идентификация конфликтов по поводу значений тех или иных практик, тесно связанных с обладанием властью [*Jacobs, 2006*].

Помимо этого, для понимания различных способов распространения власти исследователи концентрируют свое внимание на исторических изменениях. Например, статья Кристофера Меле (2000) о реструктурировании городских пространств в Нью-Йорке в 1920–1930-х годах показывает взаимосвязь между дискурсами о городе и материальными практиками его развития. Образы, символы и риторика, составлявшие дискурс о рациональном планировании, были неотъемлемой частью позиционирования заинтересованных сторон. Чтобы разъяснить и утвердить необходимость своего видения конфигурации действий и политики реконструкции, стороны опирались на представления о внутреннем городе и концепции социального прогресса [*Mele, 2000, p. 645*].

В данной статье я использую фукодианский подход к анализу дискурсов как ассамбляжу идей, практик, технологий управления и рассматриваю различные масштабы распространения этих дискурсов: как глобальные, рыночные, неолиберальные, международные, так и локальные, национальные, местные. Аналитические материалы включают дневники включенного наблюдения в процесс создания одной из концепций (№ 4 в последующем изложении), серию полупоформализованных интервью (N=10) с представителями гражданских групп, принимающих участие в конкурсе на подготовку архитектурной концепции улицы, анализе материалов СМИ и социальных сетей. Был проведен анализ нормативных документов, а также дискурс-анализ материалов архитектурных концепций для выявления дискурсов, воплощенных в архитектурных объектах. В качестве единиц анализа рассматриваются формы рациональности (правовые, академические, морально-ценностные, рыночные), технологии, а также субъекты управления наследием. Необходимо понять, в каких институциональных, социально-политических условиях они существуют и как конструируют групповые идентичности.

Наблюдения проводились в 2015–2016 годах, у автора был доступ к гражданским группам, разрабатывающим проекты реконструкции улицы, также проводилось включенное наблю-

дение обсуждения проектов нескольких групп (проекты 2, 3 и 4 в последующем изложении). В ходе наблюдения фиксировались дискурсы (правовые, рыночные, морально-ценностные, академические) и способы аргументации при проектировании городских пространств, исторические образы, к которым обращались проекты, а также роль в проекте посетителей улицы (соучастие). Наблюдение позволило понять изнутри, выявить логики и типы рациональности, привлекаемые в качестве легитимации.

Выбранный для анализа случай является уникальным в истории планирования общественных пространств Санкт-Петербурга. Несмотря на то что пешеходные улицы стали появляться с 1997 года в ходе процессов глобализации и туристификации города, пешеходизация Большой Морской отличается тем, что предложение по реконструкции этого городского пространства было инициировано гражданской группой. Последняя, таким образом, выступила в качестве агента, претендующего на контроль над городским пространством. Помимо этого, уникально то, что комитетом по градостроительству и архитектуре был организован открытый архитектурный конкурс, и в его финал вышел проект гражданской группы. Для понимания того, как это стало возможно, ниже будет рассмотрен социально-политический контекст управления городскими территориями в Санкт-Петербурге.

Институционализация участия граждан в городском планировании на примере Санкт-Петербурга

Современная российская городская политика трансформируется. В частности, изменяются механизмы участия граждан в городском планировании. В 2017 году изменяются Градостроительный кодекс и отдельные законодательные акты, а также впервые с 2003 года был изменен порядок публичных слушаний. Если раньше этот формат предполагал личное взаимодействие жителей с представителями власти, то в настоящее время взаимодействие может осуществляться через онлайн-платформы². В Санкт-Петербурге, помимо публичных слушаний городских проектов, существуют и другие формы вовлечения граждан в решение городских проблем: проекты партиципаторного бюджетирования «Твой бюджет», форматы общественных движений, лоббирование городских изменений через депутатов, общественных деятелей, политические партии и НКО, проводящие исследования (через активистские и инициативные группы), государственные платформы для сбора инициатив граждан. Тем не менее все эти формы имеют ограничения для участия граждан. В данной статье отмечается их легальное существование и возможность использования заинтересованными группами.

Чтобы понять условия и контекст, в которых возникает развитие новых форм участия, необходимо проанализировать политическую и экономическую повестку России и Санкт-Петербурга.

Социолог Анна Желнина показывает, каким образом происходила трансформация политики управления Санкт-Петербургом после распада Советского Союза. Если в СССР управление городом фактически контролировалось государством, то в постсоветский период новой фигурой в планировании городских пространств становится инвестор [Zhel'nina, 2013, p. 59]. Это объясняется изменением курса политики и ориентацией на привлечение иностранных инвестиций. Помимо этого, появление публичных пространств является следствием экономической стратегии по «европеизации» города [Zhel'nina, 2013, p. 59], так как пешеходные улицы с магазинами более выгодны для бизнеса, чем автомобильные магистрали. «Стратегический план Санкт-Петербурга» в 1996–1997 годах включал пункт по улучшению качества жизни и созданию выгодных условий для привлечения инвестиций, продвижения города на международном уровне [Zhel'nina, 2013, p. 59]. Ориентация на «европейскость» стала не только экономической стратегией, но и апелляцией к качеству жизни горожанина [Zhel'nina, 2013, p. 60]. Тем не менее «европейскость» оставалась только на уровне дизайна и визуальной репрезентации, но не включала граждан в процесс городского управления [Zhel'nina, 2013, p. 60].

Артур Батчаев и Борис Жихаревич, анализируя стратегии экономического развития, показали, что «в рамках Программы социально-экономического развития Санкт-Петербурга на 2008–2011 годы была проведена работа по изменению системы государственного планирования» [Батчаев, Жихаревич, 2014]. Основными документами в этой системе были «Кон-

² Проект рейтингового голосования по городской среде представили в ООН//Минстрой РФ: <http://www.minstroyrf.ru/press/proekt-reytingovogo-golosovaniya-po-gorodskoy-srede-predstavili-v-oon>.

цепция развития» и «Генеральный план города». Они были приняты на длительный срок, и это, по мнению авторов, привело к тому, что работа по планированию и отчетности стала самоцелью и занимала все основное время чиновников [Бачаев, Жихаревич, 2014, с. 79]. В 2011 году пакет документов государственного планирования меняется. В него входит прогноз социально-экономического развития, программа социально-экономического развития Санкт-Петербурга, основные направления деятельности правительства Санкт-Петербурга, перечень показателей социально-экономического развития, в который включены задачи, показатели выполнения заданий, уровень жизни. Тем не менее, как отмечают авторы анализа, «работа по актуализации Концепции была продолжена, план был отменен, сменилось руководство городского комитета, отвечающего за экономическое развитие. Новый глава предложил кардинально изменить формат Концепции, взяв за основу *западные* (выделено мной. — Прим. авт.) модели, чтобы документ был коротким, ориентированным на небольшое количество приоритетов, ярким по форме. Новая концепция была разработана в течение двух лет <...> и одобрена правительством города в марте 2012 года. Среди приоритетов были: городская среда и транспорт, образование, здравоохранение, культура» [Батчаев, Жихаревич, 2014, с. 80]. Таким образом, вопросы качества городской среды вышли на первый план в документе по экономическому развитию в 2012 году.

С 2011 года городское экономическое управление начинает ориентироваться на «западные» модели, происходит заимствование определенных образцов в области планирования. При этом в политическом дискурсе не конкретизируется понимание «западных» моделей. Помимо этого, ориентация на модели планирования других стран предполагает изменение системы законодательства, так как российская система наследует советскую логику планирования и градостроительные нормативы. Такое заимствование может проходить беспрепятственно только в случае изменения градостроительного законодательства. В случае России это постепенно происходит. В 2018 году вводятся новые законодательные акты: отказ от генеральных планов в крупных городах, упрощение процедур внесения изменений в правила землепользования и застройки и т. д.³ Тем не менее эти нововведения включают местные особенности, способствующие интерпретациям законодательства местными комитетами по архитектуре, мэриями и т. д.

В 2013 году в Санкт-Петербурге был подготовлен документ по совершенствованию государственного планирования и разработан проект «Стратегии-2030», обсуждение которого проводилось с участием научных, образовательных учреждений, отраслевых ассоциаций, предпринимателей и общественных организаций Санкт-Петербурга [Батчаев, Жихаревич, 2014, с. 80].

Таблица 1. Периодизация изменений, оказавших влияние на процессы планирования и управления в Санкт-Петербурге

Год	Изменения в градостроительном законодательстве
2008–2011	Изменение системы государственного планирования. Появились такие документы, как «Концепция развития» и «Генеральный план города»
2011	Изменение набора документов по планированию: прогноз социально-экономического развития, программа социально-экономического развития Санкт-Петербурга, основные направления деятельности Правительства Санкт-Петербурга, перечень показателей социально-экономического развития, включающие задачи, показатели выполнения задач, уровень жизни
2012	Смена главы комитета по экономическому развитию, изменение формата Концепции развития. В приоритете городская среда и транспорт, образование, здравоохранение, культура. Федеральная программа «Создание комфортной городской среды»
2013	Разработка концепции «Стратегия-2030»
2013–2017	Изменения в Градостроительном кодексе и некоторых законодательных актах Российской Федерации, впервые с 2003 года была изменена процедура публичных обсуждений
2015	Россия подписывает документ ООН по устойчивому развитию, цели которого включают сбалансированное развитие городов и населенных пунктов

³ Путин поручил в крупных городах заменить генпланы документами стратегического развития//ТАСС, 19.12.2018: <https://asinfo.ru/news/84106-putin-poruchil-prorabotat-otkaz-ot-genplanov-v-krupnykh-gorodakh>.

По мнению аналитиков Алексея Балашова и Анны Саниной, «План развития Санкт-Петербурга во многом игнорирует мнение лидеров общественности» [Балашов, Санина, 2016, с. 204]. Авторы показывают, что существует кризис доверия к государственным институтам выборов и власти, который порождает появление экспертных групп, выдвигающих предложения по выявлению реальных проблем от имени активных групп граждан. Помимо экономических стратегий, существуют государственные программы, влияющие на деятельность инициативных групп, они встроены в управленческий процесс — за счет этого могут решаться различные местные проблемы. Качество городской среды становится одной из повесток выборов 2012 года, во время и после которых создаются государственные программы «Доступная среда», «Создание комфортной городской среды», «Безопасные и качественные дороги», «Обеспечение качества жилищно-коммунального хозяйства».

Появление различных городских государственных программ и учебных курсов по урбанистике в университетах говорит о том, что тема градостроительства актуальна как для федеральных властей, так и для граждан, которые готовы включаться в обсуждение развития городских территорий. Одновременно тема глобальных и рыночных процессов, связанных с изменением городов, актуальна в мире. Так, в 2015 году Россия подписывает документ ООН об устойчивом развитии, в котором есть пункт о развитии городов⁴. Поэтому урбанистический дискурс является как локальным, так и глобальным. Здесь важно отметить, что центр Санкт-Петербурга находится под охраной ЮНЕСКО, что также включает город в глобальную проблематику определенных правовых ограничений на изменения.

Таким образом, институционализация новых практик управления городами, в том числе управления наследием в них, является многоуровневым процессом. С одной стороны, существует запрос от властей, разрабатывающих федеральные программы по планированию городов, с другой — есть международное влияние и обязательства России перед другими странами. Все вышеописанные процессы показывают как международный, государственный, так и гражданский интерес к управлению городским наследием. В России общая логика системы управления наследует советские градостроительные принципы планирования, в которых государство является ключевым актором планировочного процесса. В такой системе гражданам предлагается место респондентов, которые формально могут принимать участие в планировании, но фактически это участие не может изменить общую логику планировочного процесса. Это позволяет концептуализировать дискурс граждан в такой системе как подчиненный (субалтерный), а дискурс государства — как авторитетный [Smith, 2006].

Проекты Большой Морской улицы: профессиональные и гражданские

Следующая часть статьи будет посвящена описанию фрагмента Большой Морской улицы от Невского проспекта до Главного штаба и вариантов его изменения. Улица пересекает центральный проспект города и ведет к главной городской площади — Дворцовой. Объект исследования — обсуждение функциональной трансформации фрагмента городского пространства. Обсуждение изменения улицы проходило с 2012 по 2017 год и было инициировано группой активистов, а затем поддержано комитетом по градостроительству и архитектуре Санкт-Петербурга. До сентября 2015 года улица представляла собой парковочную зону для автомобилей, которая затем стала открыта только для пешеходов и технического проезда. Летом 2016 года в городе был проведен открытый конкурс архитектурных проектов Большой Морской. В рамках этого конкурса группам было предложено техническое задание. На конкурс⁵ было отправлено десять проектов, однако в финал вошли только пять, три из которых описаны в данной статье. Также рассмотрен проект, который не принимал участие в конкурсе, однако важен для дискуссии о дискурсах в управлении наследием.

Первый проект выполнен двумя архитектурными мастерскими, которые были поддержаны комитетом по градостроительству и архитектуре и Эрмитажем. Команда предложила превратить часть улицы в аванзал Эрмитажа, в музей под открытым небом. Команда воспроизводила авторитетный дискурс о музеефикации этого пространства, который был поддержан комитетом:

⁴ Цели в области устойчивого развития//ООН: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda>.

⁵ Как будет выглядеть Большая Морская//Фонтанка, 12.07.2016: <https://www.fontanka.ru/2016/07/12/124>.

Архитектурное решение пешеходного пространства должно не только органично вписываться в контекст исторического центра, но и служить своего рода аванзалом Государственного Эрмитажа. (Из выступления главного архитектора города.)

То, что этот проект был создан государственным и частным бюро, повлияло на функционал улицы, которая стала аванзалом Эрмитажа. Музеефикация является одной из логик управления городским наследием, а также примером рыночного регулирования городских пространств. Авторы данного проекта уже участвовали в реконструкции Невского проспекта. Чтобы Большая Морская стилистически соотносилась с другими улицами в центре города, архитекторы использовали гранит, в том числе для уличных скамеек. С одной стороны, архитекторы аргументируют свой выбор тем, что дизайн улицы должен соотноситься с архитектурой в центре города⁶. С другой — встает вопрос о том, какой дизайн и для каких социальных групп выбирается архитекторами [Bocking, 2006; Smith, 2006]. Основная критика этого проекта исходит из того, что гранитные скамейки ограничивают возможность пребывания на них определенных социальных групп (в том числе бездомных) в течение долгого времени. В интервью СМИ один из руководителей этого проекта отмечает:

Главная идея — не испортить то, что создано великими нашими предками, и дать возможность в этом пространстве существовать разным поколениям, разным видам деятельности: от игровых ситуаций до проведения, может быть, открытых выставок. Может быть, городской скульптуры⁷.

Проект "АМ-ТРИ" и "Хвоя"

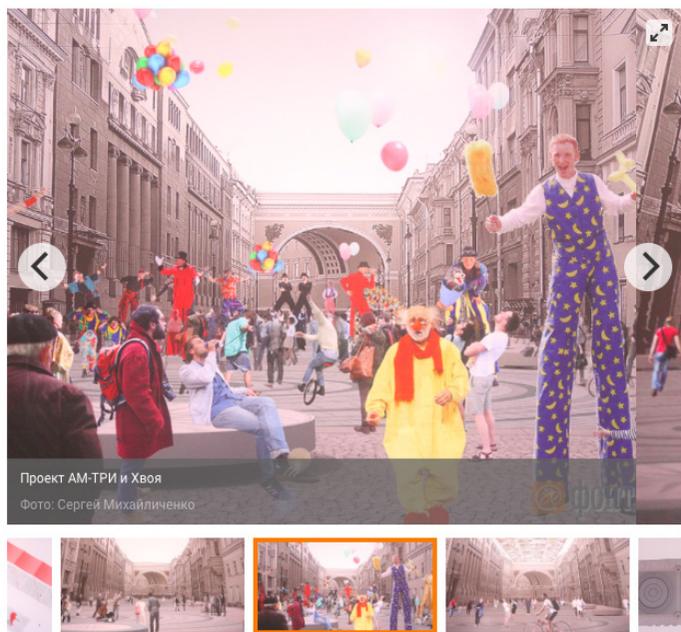

Рис. 1. Проект архитектурного бюро, поддержанного комитетом по градостроительству и Эрмитажем

Источник: <https://www.fontanka.ru/2016/07/12/124>.

Таким образом, проект предполагает логику исторического дискурса: «не испортить то, что уже было создано». Это логика консервации наследия, которая при этом представляет удовлетворяющей интересы различных социальных групп. Помимо этого, проект предлагает определенный образ посетителя улицы: это образ наблюдателя, не участвующего в создании пространства, которое уже наполнено мероприятиями для него. На первом рисунке — это клоуны, выступающие перед удивленной публикой. На втором — купол, возвышающийся над домами.

Второй проект⁸ авторства деятелей петербургской культуры — архитекторов и скульпторов, в том числе бывшего ректора Института живописи им. Репина. Они предложили воссоздать скамейки начала XX века, провели вдоль улицы бронзовую линию, напоминающую о Пулковском меридиане, который через нее проходит. Антураж был дополнен бронзовыми гвардейцами, таким образом подключались различные исторические дискурсы (Пулковский меридиан и Отечественная война 1812–1814 гг.). Кроме того, они обратились к патриотическому дискурсу, представляя конкретное событие и создавая пространство, которое бы стало местом памяти. В этом проекте улица приобретает новый статус, который предназначен для увековечения памяти о войне. Этот

проект также поддерживает логику музеефикации и консервации городского пространства. Посетитель улицы так же, как и в предыдущем проекте, становится наблюдателем, но не участником событий.

6 См. информацию о проекте: https://vk.com/wall-38228859_91583.

7 Преобразование Большой Морской: после реконструкции часть улицы станет парадным ходом на Дворцовую // Санкт-Петербург, 13.11.2017: <https://topspb.tv/news/2017/11/13/preobrazhenie-bolshoj-morskoj-posle-rekonstrukcii-chast-ulicy-stanet-paradnym-vhodom-na-dvorcovuyu>.

8 Как будет выглядеть Большая Морская // Фонтанка, 12.07.2016: <https://www.fontanka.ru/2016/07/12/124>.

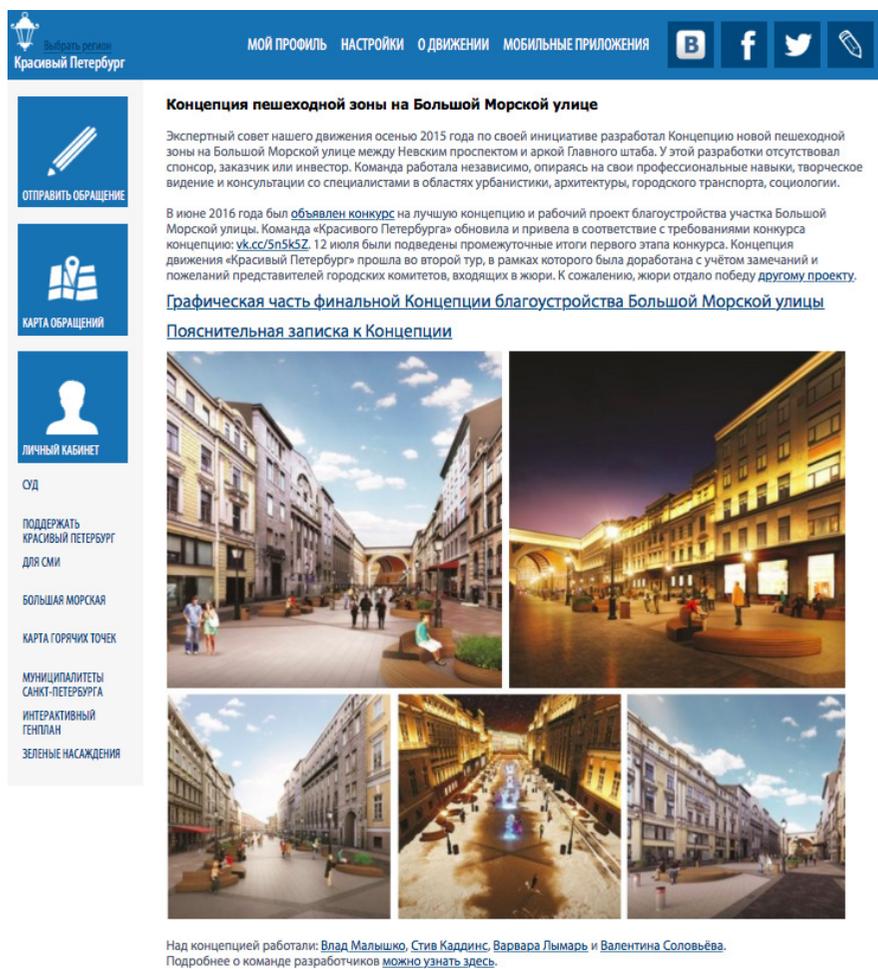

Рис. 2. Проект, созданный гражданской группой 1

Источник: <http://красивыйпетербург.рф/bm>.

Гражданская группа инициировала обсуждение части Большой Морской в 2012 году. Она представила свой проект в нескольких вариантах для разных погодных условий, были предложены варианты озеленения улицы. Новшеством стала возможность для прохожих передвигать деревянные скамейки в соответствии со своими предпочтениями и нуждами. При создании проекта был проведен онлайн-опрос тех, кто был заинтересован предложить какие-либо идеи трансформации улицы. Этот проект был ориентирован на функциональность улицы для пешехода: представлены элементы, позволяющие задержаться и провести здесь какое-то время, хотя прежде улица использовалась как парковочная зона:

Задача проекта — создание функционального общественного пространства, привлекательного для различных групп населения и учитывающего их интересы, имеющего лаконичный архитектурный облик и соблюдающего баланс между использованием современных решений и сохранением исторического контекста улицы. (Из описания проекта улицы)⁹

Концепция была предложена архитекторами, градостроителями и инженерами. Информация о концепции, включающая обоснование выбранных элементов благоустройства и анализ исторического контекста, была открыта для всех горожан, имеющих доступ в интернет (в отличие от предыдущих проектов). Граждане города, не имеющие интернета, не смогли принять

9 Концепция благоустройства территории Большой Морской улицы: http://krasimir.org/files/BM_KP_Concept_Text_2016-2.pdf.

участие в дискуссии, что способствовало воспроизводству неравенства в доступе к информации и возможностям участия в обсуждении проекта. В то же время идея проекта о том, что горожане могут влиять на дизайн улицы, является новой для Санкт-Петербурга и не использовалась профессиональными архитекторами.

В процессе создания этого проекта участники группы представляли вице-губернатору города результаты своих исследований по подсчету пешеходов. В ходе обсуждения создатели проекта апеллировали к авторитетным дискурсам государства: техническому заданию, нормативам и законам.

Вам обязательно нужно посмотреть техническое задание конкурса. Здесь было огромное количество ограничений <...>. В этом месте запретили ставить любую зелень, кроме цветов, низких кустиков в вазонах и прочего сезонного озеленения. Даже наши невысокие можжевельники в кадках из версии 1-го тура сказали убрать. Так что, надеюсь, учтя условия конкурса, вы поменяете свое отношение к нашей концепции. (Из социальных сетей группы)

Таким образом, участники группы предложили новый образ городского пространства и вовлекли жителей в обсуждение проекта через онлайн-опрос. Логика данного проекта скорее техническая: группа сосредоточилась на выполнении требований государственного технического задания. В ходе обоснования проекта архитекторы и планировщики предложили рассмотреть другие общественные пространства в России и за рубежом. Основными возможностями людей на улице становится посещение новых кафе, рекреация, а также спорт — езда на велосипеде.

Таким образом, данная группа воспроизводила дискурс устойчивого развития (велосипедизация и экоматериалы), а также учла важность самоощущения посетителей улицы, которым должно быть комфортно. Это указывает на представление о посетителе как клиенте, желания которого необходимо учитывать в процессе планирования. Группа воспроизвела дискурс соучастия, рекомендуемый международными организациями, в том числе ЮНЕСКО, но привлекла жителей к обсуждению проекта лишь через онлайн-опрос, ограничив возможности тех, кто не пользуется интернетом.

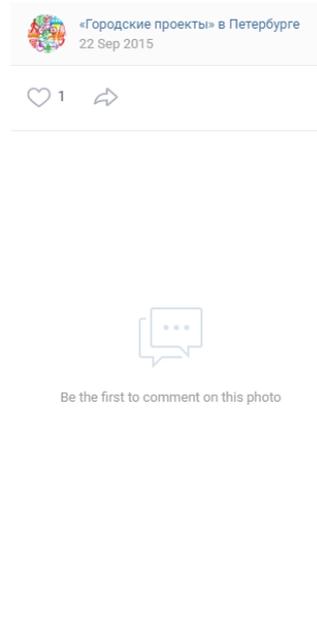

Рис. 3. Проект гражданской группы 2

Источник: https://vk.com/album-64779227_227398095.

Проект следующей гражданской группы не был частью государственного конкурса. Участники группы хотели поддержать участие граждан в обсуждении трансформации Большой Морской. Кроме того, группой был проведен анализ изменяемого участка с использованием мето-

дик¹⁰ Яна Гейла, урбаниста и преподавателя из Копенгагена. Помимо этого, была использована технология партиципации для взаимодействия с местными жителями и туристами — в центре улицы был установлен ее архитектурный макет. Прохожие могли не только увидеть воплощенный в миниатюре проект, но и поделиться своим мнением о нем. Это позволило, помимо всего прочего, выделить конфликтующие представления жителей о городском пространстве.

Акцент в проекте был сделан на создании пространства, в котором горожанин хочет задержаться. Авторы проекта проводили опрос прохожих, брали интервью у представителей местного бизнеса, тем самым вовлекая их в обсуждение процесса редевелопмента. Таким образом, данное сообщество сосредоточилось на вовлечении горожан в обсуждение проекта, в то время как архитектурный проект спровоцировал дискуссию.

Интерес в проектах гражданских групп представляют велодорожки, которые являются выражением политической позиции по поводу доступности города для различных социальных групп. В частности, создатели этих проектов продвигают права велосипедистов и возможность их присутствия в городском пространстве. В Петербурге в то время активно развивалось велосипедное движение, которому впоследствии удалось добиться развития велосипедных маршрутов в городе.

Победителем конкурса стал первый проект, который был отправлен на доработку. Официально представители комитета объявили, что все проекты «искажают исторический облик улицы». Эта позиция была аргументирована тем, что данная территория охраняется ЮНЕСКО и как-либо радикально реконструировать ее недопустимо. В 2017 году была проведена реконструкция на деньги инвесторов компании «Газпром». Заменяли дорожное покрытие, восстановили брусчатку, а также установили фонтан, как это и предполагалось в проекте.

Дискурсы в управлении наследием

Вышеизложенный пример показывает различные дискурсы и рациональности управления наследием и их отличия, определяемые предлагающими их сообществами (табл. 2). Профессиональные архитекторы сосредоточились на исследовании стилей и ориентировались на свой опыт создания городских пространств: профессиональное образование, архитектурные исследования. Они воспроизводили исторические, патриотические дискурсы. Их проекты по дизайну напоминали другие пространства пешеходных улиц центра города и тем самым воспроизводили авторитетный архитектурный дискурс.

Гражданские группы, помимо реконструкции, предлагали еще и определенные техники управления пространством: исследования публик (партиципация, метод подсчета пешеходов Гейла), партиципаторное участие жителей в планировании. Но существовала и градация по включенности жителей в проекты сообществ: онлайн и офлайн. Наряду с этим была значима роль материалов перепланировки: гранитные скамейки в гражданских проектах заменены на деревянные — это было вызвано рационализацией бюджета на реконструкцию городского пространства, ориентацией на пешеходов, что соотносится с рыночной логикой управления.

Таблица 2. Типология дискурсов в архитектурных проектах

Дискурсы	Архитектурное бюро, поддержанное Эрмитажем	Архитектурная студия	Гражданская группа 1	Гражданская группа 2
Правовые дискурсы	Местные регламенты обустройства, местные градостроительные нормативы, Закон об охране архитектурного наследия (№ 820-7)	Местные регламенты обустройства, местные градостроительные нормативы, Закон об охране архитектурного наследия (№ 820-7)	Местные регламенты обустройства, местные градостроительные нормативы, регламенты конкурса, возможность граждан принимать участие в планировании, закон об охране архитектурного наследия (№ 820-7)	Возможность граждан принимать участие в планировании

¹⁰ Jan Gehl//Project for Public Spaces: <https://www.pps.org/article/jgehl>.

Академические	Архитектурный дискурс, исторический дискурс	Архитектурный, исторический дискурс	Инженерные, градостроительные	Междисциплинарные исследования
Морально-ценностные	Эстетический (эстетика Петербурга, петербургский стиль), политический авторитет (участие в реконструкции Невского проспекта), консервация наследия	Исторические, патриотические, эстетические, традиционные, консервация наследия	Клиентоориентированность, дискурс об открытых данных по архитектурным проектам, апелляция к международному опыту	Клиентоориентированность, дискурс об открытых данных по архитектурным проектам, апелляция к международному опыту, гражданский дискурс – участие в обсуждении проблем города
Рыночные дискурсы	Музеефикация	Музеефикация	Туристификация, стоимость проекта (низкая, по сравнению с другими), консьюмеризация объекта наследия	Туристификация, вовлечение местного бизнеса, консьюмеризация объекта наследия
Соучастие	Посетитель улицы как наблюдатель игрового шоу, уже организованного для него	Посетитель улицы как наблюдатель величественной архитектуры и патриот истории страны	Посетитель как клиент и участник процесса планирования, может устанавливать скамейки в комфортное положение, посещать магазины и кафе на улице, ездить на велосипеде. Обладает гражданской позицией, соучастие посредством онлайн-опроса	Посетитель улицы как участник процесса планирования, обладает гражданской позицией, соучастие через вовлечение местного бизнеса и сообщества

Источник: составлено автором.

Таким образом, в условно государственных и гражданских проектах существовала градация, которую можно рассмотреть через призму авторитетных и подчиненных дискурсов [Smith, 2006], связанных с изменением конкретного городского объекта. Финальная реконструкция улицы в 2017 году является примером авторитетного дискурса [Smith, 2006]. Участники имели политические аргументы — поддержка признанного музея и имеющийся опыт реконструкции в центре города. Несмотря на желание гражданских групп контролировать наследие путем участия в конкурсе, они воспроизводили доминирующую логику управления, поскольку именно комитет по градостроительству и архитектуре принимал окончательное решение.

Представляя новое видение улицы, гражданские группы предложили не только определенное будущее, но и образ жизни, связанный с проведением времени в публичном пространстве и участием в его планировании, то есть новую идентичность. Несмотря на то что гражданский проект не стал победителем конкурса, группа была легитимирована властью для участия в нем. Это создало пространство взаимной кооптации [Cesari, Herzfeld, 2015] и возможностей для переопределения авторитетного дискурса. Однако гражданские дискурсы вписывались в две доминирующие логики: городского архитектурного конкурса, где представители власти выбирали архитектурную концепцию будущего, и рыночную логику управления наследием, расчета выгод от перепланировки пространства и участия местных групп в обсуждении.

Модели управления и идентичности вокруг объектов обустройства городских пространств менялись в зависимости от идей тех проектов и групп, которые их выполняли (велодорожки и рыцари, адаптация места под разные погодные условия и «только летние месяцы», дерево и гранит). Проекты архитекторов выстраивали исторические, профессиональные дискурсы. Посетителям улицы в этих проектах предлагалось пассивное наблюдение за городским пространством. Проекты были направлены либо на сообщество профессионалов, либо на государство и инвесторов. Проекты гражданских групп хотя и стремились к учету интересов горо-

жан (пешеходы, велосипедисты, местный бизнес), в то же время исключали группы, которые не могли участвовать в обсуждении из-за технологических (в случае онлайн-исследования), временных барьеров и барьеров передвижения (в случае со вторым проектом активистов, когда прохожим было предложено оставить свои пожелания прямо на месте).

Типы рациональности, предложенные профессиональными и гражданскими группами, также отличались. Безусловно, новацией, которая не прослеживается на примере архитектурных концепций, но появляется в ходе интервью и обсуждений, является способ исследования и связанная с ним рациональность управления городских пространств профессиональными и гражданскими группами:

Мы поднимали вопрос о том, что давайте в техническом задании включим хотя бы раздел концепции, экономические обоснования, социологические опросы — все было саботировано, победили люди, у которых техническое задание начиналось со спецификации бордюрных камней. И когда я им задал вопрос: а вы считали вообще в зоне доступность, сколько там живет людей и кто им будет пользоваться — это вообще ввело их в ступор. (Из материалов наблюдений при обсуждении проектов реконструкции БМ)

Так социальные и экономические исследования проекта становятся важными элементами обоснования в архитектурных проектах гражданских групп. Это предполагает новые способы управления и новых участников процесса контроля над наследием (экономистов и социологов). Профессиональные студии воспроизводили градостроительную логику, поддерживаемую государством.

Таким образом, в этой части статьи было показано, как авторитетные и подчиненные дискурсы в проектах реконструкции городских пространств кооптируются и организуют новые пространства для построения идентичностей. Интерес представляет то, что гражданские группы хотя и стремятся выработать собственный дискурс, используют тем не менее идеи рыночного и международного дискурсов управления городским наследием, включающие цели устойчивого развития и консьюмеризации объектов наследия и не всегда согласующиеся с локальными условиями городского управления в Санкт-Петербурге. Так, авторитетным дискурсом в российском контексте является государственный дискурс. Подчиненные дискурсы о субъектности граждан, способах их участия не находят места в проекте-победителе. Ограничением анализа является то, что в статье исследуются только репрезентации проектов (на первом и втором этапах архитектурного конкурса), в то время как на этапе реализации участники могли изменить свои представления.

Выводы

В данном исследовании через призму концепции управления (как гвернаментальности) наследием были рассмотрены дискурсы, которые выстраиваются различными участниками планировочного процесса в Санкт-Петербурге. Был показан процесс институционализации планировочных практик под влиянием как глобальных акторов (ООН, ЮНЕСКО), так и отечественного законодательства, местных политических акторов, которые могут по-своему интерпретировать глобальные дискурсы планирования. Последние переносятся в постсоветский институциональный контекст с определенными правовыми логиками управления городом. В работе было рассмотрено, каким образом планирование может служить интересам различных политических групп, по-разному выстраивающих государственные, рыночные, академические, профессиональные политические дискурсы.

На примере архитектурных концепций реконструкции Большой Морской улицы были рассмотрены конкурирующие государственные и рыночные дискурсы. Дискурсы гражданских групп были рассмотрены через понятие *подчиненных (subaltern) дискурсов*, которые не имеют власти, но могут влиять на конструирование новых форм идентичностей. Гражданские группы в большей степени используют дискурсы вовлечения граждан в участие и контролирование городских пространств, а также поддерживают идею о субъектности граждан в правовом процессе. При этом такие дискурсы вписываются в рыночную неолиберальную логику, рассматривающую городские пространства как пространства потребления, и формируют ответственных граждан, готовых воспроизводить рыночную логику. Концепции профессиональных архитек-

торов и планировщиков обращались к патриотическим, историческим авторитетным дискурсам, поддерживая интересы властных и профессиональных элит. Между этими дискурсами существует взаимная кооптация. Участие гражданской группы в государственном конкурсе легитимировало позицию группы, а также сам конкурс, на котором комитет по градостроительству и архитектуре выбирал лучший проект. На примере представленных гражданских и государственных архитектурных проектов было показано, как происходит кооптация дискурсов, но одновременно возникают новые дискурсивные пространства для переопределения идентичности городских пространств, вовлечение новых акторов посредством партиципации.

Проекты реконструкции Большой Морской улицы иллюстрируют столкновение двух планировочных парадигм, различающихся по эпистемическим основаниям (формам рациональности) и дискурсивным практикам. Одна базируется на государственной (советской) логике планирования, в которой государство является ключевым актором планировочного процесса. Посредством законов, регулирующих актов, генеральных планов, экономических стратегий оно контролирует процесс планирования и принимает решения. Представители этой парадигмы (в данном случае признанные архитекторы и градостроители) выстраивают свой авторитет на основе исторических, традиционных дискурсов и профессионализма. Вторая парадигма выстраивается вокруг гражданской логики и возможности граждан принимать участие в планировании городских пространств. Представители второй логики привлекают международные дискурсы о гражданском участии, партиципации, а также выстраивают новые гражданские идентичности вокруг элементов благоустройства (велосипедные дорожки, деревья, деревянные скамейки). Легитимация концепции второй группы выстраивается за счет участия местных сообществ в контроле над объектами наследия, что соотносится с рыночной, неолиберальной логикой, рассматривающей их как субъекты управления.

Источники

- Балашов А.И., Санина А.Г. (2016) Стратегические ориентиры развития Санкт-Петербурга: противоречия декларируемых ценностей и практик городского управления//Журнал исследований социальной политики. Т. 14. № 2. С. 197–212.
- Батчаев А.Р., Жихаревич Б.С. (2014) Санкт-Петербург в постсоветский период: экономические стратегии и развитие//Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 4 (34). С. 68–83.
- Каплун В. (2019) Перестать мыслить «власть» через «государство»: *gouvernementalité*, *governmentality studies* и что стало с аналитикой власти Мишеля Фуко в русских переводах//Логос. Т. 29. № 2. С. 179–220.
- Atkinson R. (1999) Discourses of Partnership and Empowerment in Contemporary British Urban Regeneration//Urban Studies. Vol. 36. No. 1. P. 59–72.
- Bocking S. (2006). Constructing Urban Expertise: Professional and Political Authority in Toronto, 1940–1970//Journal of Urban History. Vol. 33. No. 1. P. 51–76.
- Brenner N., Peck J., Theodore N. (2010) Variegated Neoliberalization: Geographies, Modalities, Pathways//Global Networks. Vol. 10. No. 2. P. 182–222.
- De Cesari C., Herzfeld M. (2015) Urban Heritage and Social Movements//Global Heritage: A Reader/L. Meskell (ed.). Wiley-Blackwell. P. 171–195.
- Coombe R., Weiss L. (2015) Neoliberalism, Heritage Regimes and Human Rights//Global Heritage: A Reader/L. Meskell (ed.). Wiley-Blackwell. P. 43–69.
- Dryzek J. (1993) Policy Analysis and Planning: From Science to Argument//The Argumentative Turn in Policy Analysis and Planning/F. Fischer, J. Forester (eds.). London: UCL Press. P. 213–232.
- Fairclough N. (2001) The Discourse of New Labour: Critical Discourse Analysis//Discourse as Data: A Guide for Analysis/M. Wetherell, S. Taylor, S.J. Yates (eds.). London: Sage. P. 229–266.
- Foucault M. Space, Knowledge and Power//The Foucault Reader/P. Rabinow (ed.). London: Penguin Books, 1984. P. 239–56.
- Foucault M. (1991) Governmentality//The Foucault Effect: Studies in Governmentality/G. Burchell, C. Gordon, P. Miller (eds.). The University of Chicago Press, Chicago. P. 87–104.
- Foucault M. (1994) Ethics: Subjectivity and Truth. The Essential Works of Michel Foucault, 1954–1984, Vol. 1/P. Rabinow (ed.). The New Press, New York.
- Harris S.E. (2013) Communism on Tomorrow Street: Mass Housing and Everyday Life after Stalin. Woodrow Wilson Center Press.

- Hajer M. (1996) Discourse Coalitions and the Institutionalisation of Practice: The Case of Acid Rain in Britain//The Argumentative Turn in Policy Analysis and Planning/F. Fischer, J. Forester (eds.). Durham, NC: Duke University Press.
- Jacobs K. (2006). Discourse Analysis and its Utility for Urban Policy Research//*Urban Policy and Research*. Vol. 24. No. 1. P. 39–52.
- Jones P. (2011) The Sociology of Architecture: Constructing Identities. Liverpool University Press.
- Kuutma K. (2012) Between Arbitration and Engineering: Concepts and Contingencies in the Shaping of Heritage Regimes//Heritage Regimes and the State/R. Bendix et al. (eds.). Gottingen: Universitätsverlag Gottingen. P.21–36.
- Lees L. (2004) Urban Geography: Discourse Analysis and Urban Research, Progress in Human Geography. Vol. 28. No. 1. P. 101–107.
- Li T.M. (2007) The Will to Improve: Governmentality, Development, and the Practice of Politics. Durham, NC: Duke University Press.
- Mele C. (2000). The Materiality of Urban Discourse: Rational Planning in the Restructuring of the Early Twentieth-Century Ghetto//*Urban Affairs Review*. Vol. 35. No. 5. P. 628–648.
- Newman I. (1996) Discourse and The Public Sector//*Local Government Policy Making*. Vol. 23. P. 52–59.
- Ong A. (2007) Neoliberalism as a Mobile Technology//*Transactions of the Institute of British Geographers*. Vol. 32. No. 1. P. 3–8.
- Rose N., Miller P. (2010) Political Power Beyond the State: Problematics of Government//*The British Journal of Sociology*. Vol. 61. No. 1. P. 271–303.
- Rydin Y. (1998) The Enabling Local State and Urban Development: Resources, Rhetoric and Planning in East London//*Urban Studies*. Vol. 35. No. 2. P.175–191.
- Sharp E., Richardson T. (2001) Reflections on Foucauldian Discourse Analysis in Planning and Environmental Policy Research//*Journal of Environmental Policy and Planning*. Vol. 3. No. 3. P. 193–209.
- Stenson K., Watt P. (1999) Governmentality and 'the Death of the Social?': a Discourse Analysis of Local Government Texts in South-East England//*Urban Studies*. Vol. 36. No. 1. P. 189–201.
- Smith L. (2006). *Uses of Heritage*. London; New York: Routledge.
- Smith F. (1999) Discourses of Citizenship in Transition: Scale, Politics and Urban Renewal//*Urban Studies*. Vol. 36. No. 1. P. 167–187.
- Zhel'nina A. (2013) Learning to Use "Public Space": Urban Space in Post-Soviet St. Petersburg//*The Open Urban Studies Journal*. Vol. 6. No. 1. P. 57–64.

SVETLANA MOSKALEVA

URBAN HERITAGE AND GOVERNMENTALITY IN ST. PETERSBURG: BETWEEN LOCAL AND GLOBAL

Svetlana Moskaleva, Master of Arts in Sociology, PhD student European University at St. Petersburg; 6/1A Gagarinskaya Street, St. Petersburg, 191187, Russian Federation.

E-mail: smmoskaleva@gmail.com

Abstract

Using the example of an architectural competition for the reconstruction of Bolshaya Morskaya Street in St. Petersburg, this article focuses on the issue of the control of heritage. The 2016 architectural competition is examined to reveal the conflicting logic, discourse, and forms of rationalities in heritage management, mobilized by different participants of the planning process: professional architectural studios, civic groups, and government authorities. The article reveals what kind of discourses, technologies, and rationalities are used by those involved in creating the street's architectural projects. The work contributes to the discussion of how control is disseminated between the center and the periphery. Using participant observation, discourse analysis of architectural concepts, analysis of normative documents, and interviews with civic groups the article reveals two types of rationality inscribed in the planning process in St. Petersburg. The projects of Bolshaya Morskaya Street show the coexistence of two planning paradigms which differ in epistemic (forms of rationality) and discursive practices. One is based on State logic, when the State is considered as a key factor in the planning process. The second paradigm is built around market and civic logics, and citizen participation in urban planning. Representatives of the second paradigm attract market and international discourses, and build new civic identities.

Key words: heritage; urban governance; civic participation; urban planning; discourse analysis; post-Soviet space

Citation: Moskaleva S. (2019) Urban Heritage and Governmentality in St. Petersburg: Between Local and Global. *Urban Studies and Practices*, vol. 4, no 3, pp. 42–59 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.17323/usp43201942-59>

References

- Balashov A.G., Sanina A.G. (2016) Strategicheskie orientiry razvitiya Sankt-Peterburga: protivorechiya deklariruemih cennostey i practic gorodskogo upravleniya [Strategic guidelines for the development of St. Petersburg: contradictions of declared values and practices of urban governance]. *Journal issledovaniy socialnoy politiki* [Journal of Social Policy Studies], vol. 14, no 2, pp. 197–212. (In Russian)
- Batchaev A., Jiharevich B. (2014) Sankt-Peterburg v postsovetkiy period: ekonomicheskie strategy i razvitiye [St. Petersburg in the post-Soviet period: economic strategies and development]. *Economicheskie i socialnie peremeny: facty, tendencii, prognoz.* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], vol. 34, no 4, pp. 68–83. (In Russian)
- Kaplun V. (2019) Perestat' myslit' 'vlast' cherez 'gosudarstvo': gouvnermentalité, governmentality studies i chto stalo s analitikooy vlasti Michele Foucault v russkih perevodah [Stop thinking "power" through "government": gouvnermentalité, governmentality studies and what happened to Michel Foucault's power analytics in Russian translations]. *Logos*, vol. 29, no 2, pp. 179–220. (in Russian)
- Atkinson R. (1999) Discourses of partnership and empowerment in contemporary British urban regeneration. *Urban Studies*, vol. 36, no 1, pp. 59–72.
- Bocking S. (2006) Constructing urban expertise: Professional and political authority in Toronto, 1940-1970. *Journal of Urban History*, vol. 33, no 1, pp. 51–76.
- Brenner N., Peck J., Theodore N. (2010) Variegated neoliberalization: Geographies, modalities, pathways. *Global Networks*, vol. 10, no 2, pp. 182–222.

- de Cesari C., Herzfeld M. (2015) Urban Heritage and Social Movements. *Global Heritage: A Reader*/L. Meskell (ed.), pp. 171–195. pp. 171–195.
- Coombe R., Weiss L. (2015) Neoliberalism, Heritage Regimes and Human Rights. *Global Heritage: A Reader*/L. Meskell (ed.). Wiley Blackwell. pp. 43–69.
- Dryzek J. (1993) Policy analysis and planning: from science to argument. *The Argumentative Turn in Policy Analysis and Planning*/F. Fischer, J. Forester (eds.). London: UCL Press, pp. 213–232.
- Fairclough N. (2001) The discourse of New Labour: Critical Discourse Analysis. *Discourse as Data: A Guide for Analysis*/M. Wetherell, S. Taylor, S.J. Yates (eds.). London: Sage, pp. 229–266.
- Foucault M. (1984) Space, Knowledge, and Power. *The Foucault Reader*/P. Rabinow (ed.). London: Penguin Books, pp. 239–56.
- Foucault M. (1991) Governmentality. *The Foucault Effect: Studies in Governmentality*/G. Burchell, C. Gordon, P. Miller (eds.). Chicago: The University of Chicago Press, pp. 87–104.
- Foucault M. (1994) Ethics: Subjectivity and truth. *The Essential Works of Michel Foucault, 1954–1984, Vol. 1.*/P. Rabinow (ed.). New York: The New Press.
- Harris S.E. (2013) Communism on tomorrow street: mass housing and everyday life after Stalin. Woodrow Wilson Center Press.
- Hajer M. (1996) Discourse coalitions and the institutionalisation of practice: The case of acid rain in Britain. *The Argumentative Turn in Policy Analysis and Planning*/F. Fischer, J. Forester (eds.). Durham, NC: Duke University Press
- Jacobs K. (2006) Discourse analysis and its utility for urban policy research. *Urban Policy and Research*, vol. 24, no 1, pp. 39–52.
- Jones P. (2011) *The sociology of architecture: constructing identities*. Liverpool University Press.
- Kuutma K. (2012) Between Arbitration and Engineering: Concepts and Contingencies in the Shaping of Heritage Regimes. *Heritage Regimes and the State*/R. Bendix et al. (eds.). Gottingen: Universitätsverlag Gottingen, pp. 21–36.
- Lees L. (2004) Urban geography: discourse analysis and urban research. *Progress in Human Geography*, vol. 28, no 1, pp. 101–107.
- Li T.M. (2007) *The Will to Improve: Governmentality, Development, and the Practice of Politics*. Durham, NC: Duke University Press.
- Mele C. (2000). The materiality of urban discourse: rational planning in the restructuring of the early twentieth-century ghetto. *Urban Affairs Review*, vol. 35, no 5, pp. 628–648.
- Newman I. (1996) Discourse and the public sector. *Local Government Policy Making*, vol. 23, pp. 52–59.
- Ong A. (2007) Neoliberalism as a mobile technology. *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 32, no 1, pp. 3–8.
- Rose N., Miller P. (2010) Political power beyond the state: Problematics of government. *The British Journal of Sociology*, vol. 61, no 1, pp. 271–303.
- Rydin Y. (1998) The enabling local state and urban development: resources, rhetoric and planning in East London. *Urban Studies*, vol. 35, no 2, pp. 175–191.
- Sharp E., Richardson T. (2001) Reflections on Foucauldian discourse analysis in planning and environmental policy research. *Journal of Environmental Policy and Planning*, vol. 3, no 3, pp. 193–209.
- Stenson K., Watt P. (1999) Governmentality and 'the death of the social?': a discourse analysis of local government texts in south-east England. *Urban Studies*, vol. 36, no 1, pp. 189–201.
- Smith L. (2006). *Uses of heritage*. London; New York: Routledge.
- Smith F. (1999) Discourses of citizenship in transition: scale, politics and urban renewal. *Urban Studies*, vol. 36, no 1, pp. 167–187.
- Zheltnina A. (2013) Learning to use 'public space': urban space in post-Soviet St. Petersburg. *The Open Urban Studies Journal*, vol. 6, no 1, pp. 57–64.

А. ЛЯШЕВА

ЖИЛИЩНЫЙ БУМ В ПОСТКРИЗИСНОМ КИЕВЕ: РОСТ БЕЗ ФИНАНСОВ

Алена Ляшева, PhD, старший преподаватель кафедры социологии Украинского католического университета (Львов), исследователь в постдокторантуре Центра исследования Восточной Европы Университета Бремена, редактор журнала социальной критики «Спільне»; Украина, 79000, Львов, ул. Иллариона Свенцицкого, д. 17, офис 307.

E-mail: liasheva.a@ucu.edu.ua

Во многих городах по всему миру финансиализация жилья привела к социальным и пространственным изменениям. Сценарий этого процесса был в общих чертах схож: массивное вливание финансового капитала в недвижимость провоцировало строительный бум, что среди прочих причин привело к глобальному финансовому кризису 2008 года. После кризиса система финансирования строительства была во многих странах восстановлена. Этого удалось добиться даже периферийным городам Европы — часто за счет государственных программ финансирования ипотеки, примером чего являются Венгрия и Россия. Но в Украине кардинально иная ситуация: жилищный рынок не получил ни государственной поддержки, ни внешних вливаний капитала, но тем не менее продолжает функционировать. Последние пять лет в больших городах наблюдается активное строительство, и лишь недавно стали проявляться признаки нового падения, когда две крупные строительные компании Киева «заморозили» свои проекты. Чтобы разобраться с этим противоречием, мы попытаемся ответить на следующий исследовательский вопрос: каким образом в украинских городах продолжался жилищный рост в 2015–2019 годах, несмотря на отсутствие существенных инвестиций в кредитование недвижимости? Предлагаемое объяснение состоит в том, что жилищный рост вызван высокой разницей в уровне собственности и доходов украинцев, увеличившейся ввиду периферизации украинской экономики за последние пять лет, а также возникновением нового механизма накопления, в большей мере замкнутого внутри страны. Эта гипотеза будет подтверждена следующим образом. Во-первых, мы систематизируем существующие исследования финансиализации жилья, акцентируя внимание на разнице между центром и периферией. Во-вторых, проанализируем режим финансирования жилищной сферы, характерный для вышеуказанного кейса, на основе количественных данных, демонстрирующих разрыв международной цепочки финансиализации жилья, а также на основе качественных данных, объясняющих социальные и политические механизмы этого процесса. В-третьих, будут описаны социальные риски сложившейся ситуации и показана связь между периферийной позицией Украины в глобальной экономике и установившимся в последние годы механизмом жилищного финансирования.

Ключевые слова: жилье; финансиализация; Киев; периферийный капитализм; постсоветские города

Цитирование: Ляшева А. (2019) Жилищный в бум в посткризисном Киеве: рост без финансов // Городские исследования и практики. Т. 4. № 3. С. 60–70. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp43201960-70>

Вступление

Финансиализация жилья стала глобальным трендом в последние десятилетия. Особенное внимание в академической среде этот процесс получил после 2008 года, когда последствия его было сложно не заметить даже тем, кто не был напрямую вовлечен в сферу недвижимости, — ведь именно «жилищный пузырь» стал ассоциироваться с глобальным финансовым кризисом [Kamin, DeMarco, 2012; Martin, 2011]. Концептуализация механизмов финансиализации жилья в первую очередь была проведена на эмпирическом материале западных городов и стран [Aalbers, 2008], и лишь затем исследователи проанализировали отличия между странами ядра и периферии. Этот анализ воплотился в концепте (полу-)периферийной либо зависимой финансиализации [Bohle, 2018]. Такое разграничение финансиализации жилья подчеркивает, что в странах периферийного капитализма глобальные процессы воплощаются иначе (иногда радикально иначе), чем в странах ядра, но процессы и там и там являются

частями целого. В этой статье мы сделаем попытку раскрыть данный механизм, описав ситуацию в Киеве и в Украине после 2014 года. Мы попробуем показать, как ряд факторов привел к тому, что за последние пять лет, начиная с критического снижения курса гривны в марте 2014 года, сфера недвижимости развивалась, несмотря на отсутствие доступной ипотеки, что отличает Украину от соседних (полу-)периферийных стран. Хотя это сравнение будет построено на отличиях, оно верифицирует утверждение о зависимой природе финансовых потоков между разными регионами мира.

В первом разделе мы проанализируем предмет финансиализации жилья, опираясь на работы географов и социологов, изучавших как страны центра, так и периферии. Во втором — представим исследовательские вопросы и кратко изложим методологию нашего исследования. В третьем — рассмотрим механизмы финансиализации жилья и их связь с периферизацией украинской экономики.

Финансиализация между центром и периферией

Понятие финансиализации получило довольно широкое распространение в среде критических географов, социологов и экономистов. Разные исследования рассматривают различные аспекты финансиализации, но является консенсусом то, что этот процесс подразумевает рост влияния финансовых акторов и механизмов в общественных сферах, ранее с финансовой сферой не связанных или связанных слабо [Epstein, 2005]. Одним из самых распространенных является определение Криппнер: «Модель накопления, при которой получение прибыли все чаще происходит через финансовые каналы, а не через торговлю и товарное производство» [Krippner, 2004]. Из этого определения можно выделить следующие важные характеристики процесса финансиализации: во-первых, накопление капитала рассматривается как ключевая причина развития процесса финансиализации. Во-вторых, финансиализация возникает как альтернатива «классическим», продуктивным механизмам получения прибыли — производству товара и торговле. В-третьих, понятие финансиализации описывает рост тренда, а не стабильную ситуацию, поэтому исследование финансиализации должно быть чувствительно к временным рамкам.

Какое отношение имеет финансиализация к жилью? Наиболее полный ответ на этот вопрос представлен в книге под редакцией Альберса — «Финансиализация жилья. Политэкономический подход». Авторы рассматривают изменения в функционировании рынков недвижимости, вызванные ростом вклада ипотечного кредитования. Красной линией проходит идея о том, что жилье становится не домом и даже не товаром, а звеном в процессе перетекания капитала от домохозяйств к банкам через ипотечные займы. Этот процесс возможен благодаря экспансии ипотечных рынков. Одним из ключевых механизмов этой экспансии в западных экономиках стало расширение вторичного рынка ипотек посредством секьюритизации, то есть выпуска ценных бумаг, подкрепленных портфелями ипотечных кредитов. Такой финансовый механизм обеспечивал ликвидность рынка недвижимости и делал возможным жилищный бум. Жилья становилось все больше, но одновременно росли и цены на жилье, ведь ипотека была доступной и повышала эффективный спрос. В 2008 году такая схема достигла предела, так как вернуть займы стало невозможно. Однако со временем она возобновила свое функционирование во многих западных странах, но уже зачастую с участием государственно-го капитала [Aalbers, 2016].

Каким образом финансиализация жилья воспроизводит и углубляет зависимость центра и периферии? Для начала дадим актуальное для этой статьи определение данной зависимости. Хотя классики центр-периферийного подхода определяли центр и периферию, очерчивая конкретные регионы глобальной системы [Wallerstein, 2004], мы ориентируемся на парадигму, рассматривающую глобальные зависимости как проявление неравномерного географического развития. Подчеркивая наличие зависимостей не только между глобальными регионами (глобальный север/глобальный юг), но и между регионами в одной стране, районами в одном городе и т. д. [Smith, 2008]. Такой подход подчеркивает гибкость и многоуровневость зависимости, при этом не отрицая основного его признака: извлечения стоимости акторами, находящимися в одном пространстве, из другого пространства [Arrighi, 1994], будь это страна, область или район. Для конкретизации такого подхода представляется уместным рассматривать линии зависимости через призму глобальных сетей, окутывающих современный мир [Urry,

2007]. Тогда центр-периферийная зависимость оказывается комплексом социальных сетей, связывающих страны, области, города и районы отношениями извлечения стоимости, воспроизводя социально-пространственные неравенства. Роль финансиализации в этом процессе была рассмотрена Соколом [Sokol, 2017]. Он вводит понятие «финансовые цепочки», которое подразумевает и «каналы перемещения стоимости (между людьми и местами)», и «социальные отношения, формирующие социально-экономические отношения и сопутствующие им экономические географии» [Sokol, 2017]. Именно такие цепочки формируются в процессе финансиализации жилья и приводят к разным механизмам и последствиям финансиализации в центре и на периферии.

Чем же эти процессы отличаются в центре и на периферии? Для ответа на этот вопрос стоит спуститься на уровень акторов и механизмов, а также подробнее рассмотреть последствия, анализируя сходства между разными странами.

Самым явным показателем периферийной финансиализации жилья является роль иностранного капитала в той или иной стране. В Венгрии филиалы западноевропейских банков начали появляться уже в 1990-х годах, это явилось основным каналом финансиализации с начала 2000-х, когда ипотечные кредиты стали предлагаться под низкий процент в иностранной валюте [Pósfai, 2018] и их доступность выросла. В России основным источником финансирования ипотеки и других кредитов были доходы от торговли нефтью [Büdenbender, Lagna, 2019]. На Украине же действовали оба механизма. С одной стороны, банки, являющиеся частью финансово-промышленных групп, направляли доходы на рынок ипотеки, с другой — они же брали займы у западных банков и кредитовали украинские домохозяйства, повышая процентную ставку. Позже, в последние годы перед кризисом, на бушующий украинский рынок пришли напрямую и западные банки. Таким образом, «входы» иностранного капитала на ипотечные рынки Восточной Европы могли быть разными, в зависимости не только от странового контекста, но и от временного этапа, но логика глобального накопления капитала присутствовала везде.

Помимо этого, общим для периферийных стран было сотрудничество международных и местных элит. Начиная с 1990-х годов как в России, так и в Венгрии принимались законы, сделавшие возможным приток иностранного капитала [Pósfai, Nagy, 2017; Büdenbender, Lagna, 2019]. В Украине аналогичные меры были приняты намного позже — в середине 2000-х, когда иностранные финансовые потоки уже стали данностью. Не имея возможности конкурировать с западными финансовыми акторами, местные элиты использовали интерес иностранного капитала к Восточной Европе как возможность получить и экономические, и политические выгоды. Последние формировались ввиду того, что доступность потребительских кредитов представлялась как прогресс экономики, а значит, и верное управление страной.

Другой особенностью периферийной финансиализации жилья является нетипичность механизмов данного процесса. Являясь ключевым механизмом получения ликвидности в западных экономиках в периферийных контекстах, секьюритизация часто отыгрывала и другую роль. Поскольку в Украине отсутствовали легальные возможности для секьюритизации, ликвидность обеспечивалась посредством относительной изолированности украинского финансового рынка. Украинская макроэкономическая среда с высокой инфляцией и фактической привязкой курса гривны к доллару США, установленной Национальным банком Украины (НБУ), обещала высокие риски, но и высокую норму прибыли. Это давало возможность брать кредиты на западных рынках под низкую ставку, а затем кредитовать в Украине под более высокую, которая все равно была ниже, чем до бума 2000–2008 годов. Эти спекуляции повышали ликвидность рынка жилья, делая секьюритизацию неактуальным и бюрократически сложным процессом.

После кризиса еще одной особенностью периферийной финансиализации стала роль государства. Во многих странах именно государственные институты после кризиса взяли на себя доминирующую роль в сфере финансов и недвижимости, что позволило административному аппарату усилить вертикаль власти. Именно это произошло в России и Венгрии [Pósfai, Gál, Nagy, 2017; Büdenbender, Lagna, 2019]. В Украине же после кризиса 2008 года государственным акторам удалось лишь частично справиться с его последствиями, получив кредитование от МВФ. В период с 2008 по 2010 год был получен самый большой в истории Украины заем от МВФ — 14,4 млрд евро, что сделало страну одним из самых крупных его должников [Кравчук, 2015; Milesi-Ferretti, Tille, 2011]. Но после кризиса 2015 года государственное вмешательство в сферу недвижимости практически прекратилось. При этом в больших городах в период с 2015 по 2019 год шло бурное строительство жилья.

Подводя итоги, отметим, что страны Восточной Европы получили отличный от западного опыт финансовализации жилья, поскольку местный финансовый рынок как в плане капитала, так и в плане институциональности ипотечной системы не мог конкурировать с международными банками. В то же время местные политические элиты могли регулировать и извлекать выгоду, паразитируя на потоках капиталов между центром и периферией.

Важно заметить, что воспроизвести бум жилищного и ипотечного рынка в регионе невозможно в других сферах. Недвижимость хотя и является важной сферой для конструирования глобальных финансовых зависимостей, не способна отображать экспортно-импортные связи или миграционные потоки. Также не стоит экстраполировать особенности Восточной Европы, которая выступает главным кейсом этой статьи, на другие периферии.

Очертив связи между периферийностью и финансовализацией жилья, мы попытаемся показать, каким образом кейс Киева последних лет, отличаясь от общей тенденции, может улучшить понимание этих цепочек. Но сначала рассмотрим методологию.

Методология исследования

Эта статья развивает наработки кандидатской диссертации (PhD) автора, посвященной теме финансирования, производства и распределения жилья в постсоветском Киеве, в которой анализируется становление и трансформация рынка жилья на постсоветском пространстве на примере самого большого города Украины. Главный исследовательский вопрос этой статьи звучит следующим образом: *каким образом в украинских городах продолжался жилищный рост в 2015–2019 годах, несмотря на отсутствие значимых финансовых потоков в кредитовании недвижимости?* Имеет смысл разложить его на ряд более конкретных вопросов:

1. Каким образом изменилась ситуация на рынке жилья больших украинских городов в 2015–2019 годах?
2. Какие механизмы финансирования преобладали в этот период по сравнению с предыдущими и по сравнению с другими городами Восточной Европы?
3. Какие социальные группы вовлечены в этот процесс и почему?
4. Каким образом эти механизмы связаны с реструктуризацией украинской экономики и местом Украины в глобальных сетях центр-периферийной зависимости?

Ответ на первый вопрос дан посредством анализа статистических данных украинского рынка жилья за последнее десятилетие, собранных из государственных и частных баз статистики. Основными индикаторами тут выступают интенсивность застройки, цены на рынке купли-продажи жилья, объем ипотеки и ипотечного долга населения.

Для ответа на второй и третий вопросы мы проанализировали глубинные интервью с акторами сферы жилья. Среди них чиновники городских органов власти Киева, сотрудники строительных компаний, члены организаций, объединяющих банки, риелторы, архитекторы, журналисты и активисты, покупатели квартир, а также другие люди, чьи интересы и деятельность тем или иным образом касаются жилищной сферы. Основной темой интервью являлся личный опыт респондента, связанный с жилищной сферой во временной перспективе, то есть вопрос был про изменения сферы жилья с 1990-х годов и по сегодняшнее время. Таким образом, была получена вариация опытов «столкновения» с жилищной сферой. Всего между мартом 2017 и сентябрем 2018 года было собрано более 50 интервью. Этот метод был скомбинирован с анализом документов — законодательства и презентаций акторов в СМИ, а также с наблюдением на мероприятиях. И для третьего, теоретического, вопроса было проведено сравнение с другими странами Восточной Европы.

Такой подход, основанный на количественной и качественной методологии, позволил проанализировать не только легальные и формальные, но и неформальные механизмы производства и финансирования жилья, а также понять интерес акторов в этих процессах. А сравнительный подход поместил кейс Киева в глобальный контекст.

Финансируя жилищный рост без ипотеки

После массовых протестов 2014 года, аннексии Крыма и вооруженного конфликта на востоке Украины новая волна экономического кризиса накрыла украинскую экономику. Это сильно отразилось на рынке жилья. В первую очередь драматическим падением цен на квартиры.

По данным портала о недвижимости «Домик», средняя цена квадратного метра в квартирах Киева с марта 2014 по апрель 2015 года упала с 1700 до 1240 долл., что составило 73%. После этого в период 2015–2020 годов средняя цена варьировалась на уровне 2015 года, максимально снижаясь всего на 16% [*Цены на недвижимость...*, 2020]. Очевидно, что такой спад был вызван в первую очередь падением курса гривны. По курсу НБУ с весны 2014 по весну 2015 года гривна обесценилась в три раза и лишь немного восстановилась с тех пор [*Офіційний курс...*, 2020]. Таким образом, падение цен в долларах фактически стало их повышением для потребителей с гривневым доходом. Ниже, при анализе качественных данных, мы подробнее рассмотрим, каким образом эти изменения повлияли на доступность жилья для украинцев.

Кроме рынка купли-продажи кризис затронул и ипотечный рынок. Хотя данные про объем и число сделок довольно фрагментарны, общие тенденции проследить можно. По данным НБУ, после кризиса 2008 года объем ипотечных займов резко снизился — на 66% с 2008 по 2012 год [*Статистика...*, 2020]. Это было вызвано значительным оттоком иностранного капитала с рынка кредитования. Последние восемь лет ипотечный рынок функционирует в основном в гривне, не получая существенных вливаний извне. На слабость, если не безжизненность этой сферы указывает Министерство юстиции Украины. Хотя с 2015 по 2019 год количество договоров ипотеки квартир и жилых домов увеличилось в два раза, число оформленных ипотечных кредитов в 2019 году составило 13 507 [*Звіт про роботу...*, 2020], что, конечно же, совсем немного для страны с четырьмя городами-миллионниками.

Ни иностранные, ни местные банки ввиду высоких рисков невозврата не готовы кредитовать украинскую ипотечную систему под низкие проценты. В 2017 году индикатор NPL (non-performing loans) составлял 58% — это глобальный исторический максимум на данный момент, к началу 2020 года данный индикатор снизился до 48,4%, но это все равно очень высокий уровень [*Звіт про фінансову...*, 2019; *Звіт про фінансову...*, 2019]. Банки не прекращают предоставлять ссуды, но их основной фокус — небольшие кредиты: менее рискованные, чем ипотечные, так называемое микрокредитование. Например, финансируется реновация жилищной недвижимости. В качестве ответа на рост цен на коммунальные услуги государство предлагает собственникам ремонтировать жилье, используя энергосберегающие технологии, и выдает «теплые кредиты» от двух государственных банков. И хотя улучшение качества жилья — очень важная задача, она реализуется посредством весьма рискованного механизма.

Как же такие изменения финансовой сферы повлияли на интенсивность жилищного строительства? Она не только не упала, но и продолжила расти, причем скачок произошел в 2014 году — на 12,5% по сравнению с предыдущим годом. После 2017 года происходит спад, но не интенсивный [*Державна служба...*, 2020]. Это стало возможным благодаря альтернативным способам финансирования на фоне слабой ипотечной системы.

Во-первых, жилье финансируется за счет депозитов из обанкротившихся банков. Когда все больше банков в 2014 году начали испытывать трудности, люди бросились забирать свои сбережения. Способом обезопасить деньги стали инвестиции в недвижимость. Эта тенденция присутствовала и раньше, но усилилась после 2014 года. Во-вторых, застройщики стали предлагать рассрочку на четыре-пять лет, что превращает их самих в финансовые учреждения. В-третьих, банки по-прежнему предлагают ипотеку, но лишь небольшое число потребителей готово платить первые и процентные взносы по ставке 15–25%. В-четвертых, менее состоятельные покупатели жилья используют свои социальные связи — типичной является ситуация одалживания у широкого круга родственников и знакомых. В-пятых, работники сфер, интегрированных в глобальную экономику, например, ИТ, продолжают быть потенциальными покупателями жилья. Часто маркетинг жилищных комплексов ориентирован только на них: возникают так называемые ИТ-кластеры — районы, в которых застройщик в сотрудничестве с ИТ-компаниями предлагает жилье сотрудникам этих компаний. Такой механизм должен обезопасить застройщика, но приводит к кричащей социально-пространственной сегрегации [*Львівський ІТ Кластер*, 2020]. Наконец, жилье бизнес-класса часто покупают иностранцы, которых привлекают низкие цены. Таким образом, подобное приобретение доступно немногим и часто рассматривается как надежная инвестиция в условиях нестабильной экономики. Описанный процесс можно охарактеризовать как активизацию (assetisation) без финансирования [*Ward, Swyngedouw*, 2018].

Можно выделить следующие последствия таких изменений. Доступность жилья ограничивается несколькими социальными группами [*Федорів, Ломоносова*, 2019]. Часть составляют

работники среднего и высшего звена иностранных компаний, среди которых выделяются работники ИТ-сферы. Следующая группа — трудовые мигранты, для которых инвестиция в квадратные метры является относительно надежным способом накопления. Такие финансовые потоки заметно стимулируют строительство в западных областях страны, например в Ивано-Франковске [Ляшева, 2019], в отличие от других регионов. Еще одной группой покупателей является отечественная и иностранная элиты. Такие потребители могут, как правило, позволить себе покупку без рассрочки. Как прозвучало в одном интервью сотрудника ориентирующейся на премиум-сегмент рынка компании-застройщика:

Из 220–250 квартир только четыре покупаются в рассрочку, большинство потребителей сразу платят всю цену, 2–3 млн гривен [70 000–110 000 евро]. Таким образом, вы понимаете, каков уровень клиентов.

Также есть много клиентов из Турции, Израиля, Японии, Азербайджана и других стран. В основном они приобретают жилье через украинских агентов по недвижимости, которые играют, скорее, роль финансовых консультантов. Существует и такая категория клиентов, как «оптовики». Очевидно, что один человек не покупает 5–10 квартир для жилья, это инвестиции, сделанные в расчете на то, что украинский рынок недвижимости выйдет из кризиса и цены вырастут, или «парковка денег», чтобы их не потерять.

Более того, само жилье в последние пять лет трансформируется. Особенно заметным является появление «умного жилья». Если раньше можно было в ипотеку купить 2–3-комнатную квартиру, то теперь, полагаясь на личные сбережения и средства друзей и родственников, тот же покупатель может позволить себе только 13–15 кв. м. Такие квартиры часто нарушают законодательные нормы о жилищном строительстве и становятся еще одним основанием для чиновников требовать взятки. Таким образом, изменения в системе финансирования жилья идут рука об руку с физическим изменением жилищного пространства.

Также нужно обратить внимание на то, что в условиях низкого эффективного спроса на жилье застройщики пытаются снизить себестоимость квадратного метра. Учитывая рост «армии безработных» и низкий контроль условий труда, такое снижение выливается в сверхэксплуатацию строителей. Организатор профсоюза строителей описал ситуацию так:

Большинство рабочих не из Киева, они со всей Украины, из Луганска, из Тернополя. 80% работают по контракту, который не гарантирует каких-либо трудовых прав и освобождает работодателя от [обязанности уплаты] налогов <...>, в соответствии с этим типом контракта в случае травмы работодатель не несет никаких обязанностей <...>. Часто работникам платят за объем работы, которую они выполняют, поэтому у них есть иллюзия свободы и «работа на себя». Они работают по 10–12 часов в день. Это 300 часов [в месяц], в то время как норма, согласно Трудовому кодексу, составляет 160. Также существует коллективная память о том, что строительство может быть остановлено в любое время, поэтому они работают изо всех сил <...>. «Хорошая зарплата» составляет 18 000–20 000 [600–700 евро], но зачастую зарплаты ниже. Это означает, что в час они получают 60–100 [2–3 евро].

Более того, эта работа очень опасна:

Люди умирают ежедневно. В 2016 году в жилищном комплексе «Паркові озера» рабочий был разбит плитой, он умер, и застройщик сказал, что он не работал на них, и просто дал деньги его семье. В жилищном комплексе «Яскравий» в течение четырех лет было восемь серьезных травм и одна смерть <...>. Также я получал смертельные угрозы от безопасности застройщика из-за наших попыток поговорить с рабочими рядом со строительной площадкой.

Как движущие акторы такого тренда, так и их критики не ожидали, что этот процесс будет вечным. Так и происходит последние месяцы: две большие киевские компании-застройщики «заморозили» свои проекты. Сейчас недостаточно информации, чтобы определить, насколько велик этот кризис. Более того, сложно сказать, вызван он замедлением потока инвестиций в недвижимость от вышеописанных групп покупателей или ожидаемой сменой элиты на уров-

не города. Отвечать на эти вопросы можно будет спустя несколько месяцев после выборов мэра, которые должны состояться осенью 2020 года, но, возможно, пройдут раньше из-за давления правительства Владимира Зеленского.

Выводы. Что высветил в контексте центра/периферии украинский кейс?

Активизация (assetisation) без финансиализации и ее последствия для горожан и города. Одним из основных структурных факторов, определяющих нынешнее состояние рынка недвижимости и ипотеки на Украине, является отсутствие притока капитала из-за рубежа. Последние годы ликвидность приносили доходы домохозяйств высшего среднего класса, часто в иностранной валюте. Этот ресурс весьма ограничен, и рынок недвижимости сможет избежать кризиса только в случае улучшения экономических показателей всей страны. В заявлениях новой политической элиты уже звучали обещания стимулировать финансовые потоки, которые бы вдохнули жизнь в ипотечную систему. Сложно оценить реальность этих обещаний, но независимо от того, изменится ли механизм финансирования жилья, последние пять лет показали, что активное строительство жилья не обязательно должно быть связано с глобальными финансовыми потоками. Поскольку жилищная сфера годами развивалась как сфера частных интересов, в которой жилье в первую очередь являлось финансовым активом, ситуация оттока глобального капитала от Украины спровоцировала появление локальных финансовых потоков, которые не хуже глобальных концентрируют финансы домохозяйств в руках строительных компаний и обслуживающего их административного аппарата.

Следствием этого является, во-первых, снижение доступности жилья, во-вторых, усиление ориентации на частную собственность на жилье, которая ограничивает появление доступной аренды или кооперативных форм собственности. В-третьих, происходит трансформация самого жилья. Возникают как смарт-квартиры для тех, кто пытается сохранить сбережения и доходы, пока не грянул новый кризис, так и жилищные комплексы для избранных. Наконец, городское пространство продолжает сегрегироваться с постройкой жилищных комплексов и районов для узкого круга горожан. И поскольку эти процессы продвигаются разными коалициями акторов, которые часто действуют, не договариваясь между собой, эти трансформации имеют очень хаотичный характер и редко комплексно меняют пространство. Чаще же приводят к появлениям анклавов, не вписанных в транспортную и социальную инфраструктуру города. Парадокс такого развития еще и в том, что на фоне старых стигматизированных районов, не обновляемых десятки лет, эти новые анклавы часто воспринимаются горожанами позитивно, ведь новая застройка стимулирует ожидания, что улицы будут освещаться, школа ремонтироваться, а тесную маршрутку заменит новый автобус. Не всегда эти надежды становятся реальностью.

Украинский кейс в глобальных цепочках центра/периферии. Если российский или венгерский кейс посткризисной финансиализации жилья отличается от западных тем, что бразды управления кредитным и жилищным рынком перешли в руки государственных акторов, которые восстановили локальный режим финансиализации, усилив политическую вертикаль, то украинский кейс показывает сценарий того, что происходит, если ни глобальный капитал, ни государство не готовы взять под свой контроль эту сферу. А именно, более мелкие акторы, как частные (застройщики и компании, не связанные с недвижимостью), так и государственные (высшие чиновники городского уровня), заполняют нишу и восстанавливают рынок недвижимости, опираясь не на кредитование жилья, а на сбережения и доходы конкретных групп потребителей. В то же время такой процесс становится возможным следствием периферизации экономики страны — падения реальных доходов населения и ослабления конкуренции со стороны международного капитала. В итоге место глобальных цепочек накопления через ипотечное кредитование иностранным капиталом занимают локальные цепочки накопления стоимости. И хотя масштаб режима накопления разный, логика накопления капитала через рост городов и жилищного строительства остается одинаковой.

Разрыв цепочки накопления между центральным регионом и акторами (в нашем случае австрийскими и итальянскими банками) и периферией (украинскими покупателями жилья) в ситуации глобального кризиса привел к определенной независимости последних, что может стать основой для прогрессивных изменений. Но независимость системы финансирования жилья от внешнего кредитования не гарантирует более широкого доступа к этому благу, если

сфера находится под контролем частных акторов, тесно и неформально связанных с политической элитой. Как показывает пример Киева, скорее всего, правила игры адаптируются под местных игроков, что может привести к обновлению механизма накопления капитала, но никак не к прекращению самого процесса. То есть локальность системы финансирования жилья так же, как и глобальность, приводит к концентрации капитала. Только в этом случае основными бенефициарами являются местные элиты. И накопление капитала этими акторами никак не является более щадящим, чем до кризиса глобальными акторами. Исследовать такую смену парадигмы важно еще и потому, что большинство текстов о финансовализации как экономики в целом, так и жилья критикует именно глобальных акторов — создается впечатление, что замена их местными может улучшить ситуацию для горожан. Но это не так для Киева последних лет, что позволяет предлагать гипотезы относительно других периферий, не утративших связи с центром, но, конечно же, на основании отдельного анализа кейсов.

Такие разрывы цепочек финансовализации являются конечными этапами в процессе извлечения стоимости, для которого и вследствие которого возникают. Истощив периферию, капитал центра разрывает одну цепочку и создает или усиливает другую. В случае Украины такими «новыми» цепочками выступают кредитование международными финансовыми структурами и увеличение потока международной миграции после 2014 года. Но и «новые» цепочки не вечны, ведь у извлечения стоимости есть пределы. Таким образом, дисбалансы глобальной капиталистической системы усиливаются, не только меняя формы эксплуатации периферии центром, но и переподчиняя определенные социально-экономические сферы местным капиталам, которые хотя и функционируют по тому же принципу, что и глобальный, не включены в него полностью.

Подобные точки бифуркаций могут создавать потенциал для качественных изменений как сферы жилья, так и других общественных сфер. Но качественные изменения в плане доступности жилья, а не перетекания контроля от международных банков к застройщикам и чиновникам, возможны лишь при коллективном переосмыслении жилищных практик, финансирования жилья, распределения и использования.

Источники

- Державна служба статистики України (2020). Будівництво. Режим доступа: <http://www.ukrstat.gov.ua/> (дата обращения: 17.02.20).
- Звіт про роботу державних та приватних нотаріусів (2020). Міністерство юстиції України. Режим доступа: <https://minjust.gov.ua/m/zvit-pro-robotu-derjavnih-ta-privatnih-notariusiv> (дата обращения: 17.02.2020).
- Звіт про фінансову стабільність, грудень 2017 (2017). Національний банк України. Режим доступа: <https://bank.gov.ua/ua/news/all/zvit-pro-finansovu-stabilnist-gruden-2017-roku-4981> (дата обращения: 17.02.2020).
- Звіт про фінансову стабільність, грудень 2019 (2019). Національний банк України. Режим доступа: <https://bank.gov.ua/ua/news/all/zvit-pro-finansovu-stabilnist-gruden-2019-roku> (дата обращения: 17.02.2020).
- Кравчук О. (2015) Історія формування боргової залежності України // Commons Journal. Режим доступа: <https://commons.com.ua/formuvannya-zalezhnosti/> (дата обращения: 17.02.2020).
- Львівський ІТ Кластер (2020). IT Village Lviv. Режим доступа: <https://itcluster.lviv.ua/projects/itvillage/> (дата обращения: 17.02.2020).
- Ляшева (2019) Житло та регіональна нерівність. Чому в українських містах і селах некомфортно жити? // Commons Journal. Режим доступа: <https://commons.com.ua/uk/zhitlo-ta-regionalna-nerivnist/> (дата обращения: 17.02.2020).
- Офіційний курс гривні щодо іноземних валют (2020) Національний банк України. Режим доступа: <https://bank.gov.ua/markets/exchangerates> (дата обращения: 17.02.2020).
- Статистика щодо кредитування житла (2020) // Доступ до правди. Режим доступа: https://dostup.pravda.com.ua/request/statistika_shchodo_kredituvanni (дата обращения: 17.02.2020).
- Федорів П., Ломоносова Н. (2019) Державна житлова політика в Україні: сучасний стан та перспективи реформування. 27.11.2019 // Cedos. Режим доступа: <https://www.cedos.org.ua/uk/articles/derzhavna-zhytlova-polityka-v-ukraini-suchasnyi-stan-ta-perspektyvy-reformuvannia> (дата обращения: 17.02.2020).
- Цены на недвижимость в Украине. Киев (2020) // Domik.ua. Режим доступа: <http://domik.ua/nedvizhimost/dinamika-cen.html> (дата обращения: 17.02.20).
- Aalbers M.B. (2016) The Financialization of Housing: A Political Economy Approach. Abingdon: Routledge.

- Arrighi G. (1994) *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times*. London: Verso.
- Bohle D. (2018) *Mortgaging Europe's Periphery*//*Studies in Comparative International Development*. Vol. 53. No. 2. P. 196–217.
- Büdenbender M.A., Lagna A. (2019) *Statecraft strategies and housing financialization at the periphery: Post-socialist trajectories in Russia and Poland*. *Finance and Society*. Vol. 5. No. 2. P. 105–25.
- Büdenbender M.A. (2017) *New spaces of capital: the real estate/financial complex in Russia and Poland*. Dissertation presented in partial fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Science (PhD): Geography. KU Leuven.
- Epstein G. (2005) *Financialization and the World Economy*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Kamin S., DeMarco L. (2011) *How did a domestic housing slump turn into a global financial crisis?* *Journal of International Money and Finance*. Vol. 31. No. 1. P. 10–41.
- Krippner G. (2004) *What is financialization?* University of California, Los Angeles.
- Martin R. (2010) *The local geographies of the financial crisis: from the housing bubble to economic recession and beyond*. *Journal of Economic Geography*. Vol. 11. No. 4. P. 587–618.
- Milesi-Ferretti G., Tille C. (2011) *The great retrenchment: international capital flows during the global financial crisis*. *Economic Policy*. Vol. 26. No. 66. P. 289–346.
- Pósfai Z., Nagy E. (2017) *Crisis and the reproduction of Core-Periphery relations on the Hungarian Market*. *European Spatial Research and Policy*. Vol. 24. No. 2. P. 17–38.
- Pósfai Z. (2018) *Reproducing uneven development on the Hungarian housing market*. Dissertation presented in partial fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Science (PhD): Economic and Social Geography, Marie Curie ITN, University of Szeged.
- Smith N. (2008) *Uneven Development: Nature, Capital and the Production of Space*. Athens: The University of Georgia Press.
- Sokol M. (2017). *Financialisation, financial chains and uneven geographical development: Towards a research agenda*//*Research in International Business and Finance*. Vol. 39. No. 1. P. 678–685.
- Urry J. (2007) *Mobilities*. Cambridge: Polity Press.
- Wallerstein I. (2004) *World-System Analysis: An Introduction*. Durham and London: Duke University Press.
- Ward C., Swyngedouw E. (2018) *Neoliberalisation from the Ground Up: Insurgent Capital, Regional Struggle, and the Assetisation of Land*//*Antipode*. Vol. 50. No. 4. P. 1077–1097.

ALONA LIASHEVA

HOUSING BOOM IN POST-CRISIS KYIV: GROWTH WITHOUT FINANCE

Alona Liasheva, PhD, senior lecturer at Department of Sociology, Ukrainian Catholic University, Lviv, post-doctoral researcher at Forschungsstelle Osteuropa, University of Bremen, co-editor of *Commons: Journal of Social Criticism*; 17, Ilariona Svjentsits'koho str., off. 307, L'viv, 79000, Ukraine,
E-mail: liasheva.a@ucu.edu.ua

Abstract

This article analyses the housing boom which occurred in Kyiv between 2015 and 2019. Despite the overall economic decline, the real estate sector started booming in 2015 in big Ukrainian cities, especially in Kyiv. In order to address this issue, the research question was posed: what were the mechanisms of the housing growth in big Ukrainian cities between 2015 and 2019 in the absence of the direct foreign investment into the mortgage market. The article concludes that the growth was fueled by the extraction from such groups as workers of international companies and Ukrainian migrants working abroad. This process strengthened the positions of the local urban actors but deepened the center-periphery gap between the Ukrainian and global economies.

Keywords: housing; financialization; Kyiv; peripheral capitalism; post-Soviet cities

Citation: Liasheva A. (2019) Housing Boom in Post-Crisis Kyiv: Growth without Finance. *Urban Studies and Practices*, vol. 4, no 3, pp. 60–70 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.17323/usp43201960-70>

References

- Aalbers M.B. (2016) *The Financialization of Housing: A Political Economy Approach*. Abingdon: Routledge.
- Arrighi G. (1994) *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times*. London: Verso.
- Bohle D. (2018) Mortgaging Europe's Periphery. *Studies in Comparative International Development*, no 53(2), pp. 196–217.
- Büdenbender M.A. & Lagna, A. (2019) Statecraft strategies and housing financialization at the periphery: Post-socialist trajectories in Russia and Poland. *Finance and Society*, vol. 5, no 2, pp. 105–25.
- Büdenbender M.A. (2017) *New spaces of capital: the real estate/financial complex in Russia and Poland*. Dissertation presented in partial fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Science (PhD): Geography. KU Leuven.
- Derzhavna Sluzhba Statystyky Ukrainy [State Service of Statistics of Ukraine] (2020) *Budivnytstvo* [Construction]. Available at: <http://ukrstat.gov.ua> (accessed 17.02.2020). (in Ukrainian)
- Zeny na kvartiry v Kieve (2020) [Housing prices in Kyiv] *Domik.ua*. Available at: <http://domik.ua/nedvizhymost/dinamika-cen.html> (accessed 17.02.2020). (in Russian)
- Statystyka shodo Kredytuvania Zytla – Zapyt Do Ministerstva Finansiv Ukrainy (2019) [Statistics on Mortgages – Query to Ministry of Finance of Ukraine]. *Dostup do pravdy*. Available at: https://dostup.pravda.com.ua/request/statistika_shchodo_kredituvanni (accessed 17.02.2020). (in Ukrainian)
- Epstein G. (2005) *Financialization and the World Economy*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Fedoriv P., Lomonosova N. (2019) *Derzhavna zhytlova polityka v Ukraini: suchasniy stan ta perspektyvy reformuvania* [State housing policy: contemporary conditions and perspectives of reforms]. *Cedoss*. Available at: <https://www.cedoss.org.ua/uk/articles/derzhavna-zhytlova-polityka-v-ukraini-suchasnyi-stan-ta-perspektyvy-reformuvannia> (accessed 17.02.2020). (in Ukrainian)
- Kamin S., DeMarco L. (2011) How did a domestic housing slump turn into a global financial crisis? *Journal of International Money and Finance*, vol. 31, no 1, pp. 10–41.
- Kravchuk O. (2015) *Istoria formuvannia borgovoi zalezhnosti* [History of formation of debt dependency of Ukraine]. *Commons Journal*. Available at: <https://commons.com.ua/formuvannya-zalezhnosti/> (accessed 17.02.2020). (in Ukrainian)
- Krippner G. (2004) *What is financialization?* University of California, Los Angeles.

- Liasheva A. (2019) Zhytlo ta regional'na nerivnist' Chomu v ukrainskykh mistakh i selakh nekomfortno zhyty? [Housing and regional inequality. Why are Ukrainian cities and villages not comfortable for life?] *Commons Journal*. Available at: <https://commons.com.ua/uk/zhitlo-ta-regionalna-nerivnist/> (accessed 17.02.2020). (in Ukrainian)
- Lviv IT Cluster (2019) IT Village Lviv. Available at: <https://itcluster.lviv.ua/projects/itvillage/> (accessed 17.02.2020). (in Ukrainian)
- Martin R. (2010) The local geographies of the financial crisis: from the housing bubble to economic recession and beyond. *Journal of Economic Geography*, vol. 11, no 4, pp. 587–618.
- Milesi-Ferretti G., Tille C. (2011) The great retrenchment: international capital flows during the global financial crisis. *Economic Policy*, vol. 26, no 66, pp. 289–346.
- Ofizijnij kurs hryvni shodo inozemnykh valut (2020) [Official rate of hryvnia to foreign currencies]. *Natsionalny Bank Ukrainy* [National Bank of Ukraine] Available at: <https://bank.gov.ua/markets/exchangerates> (accessed 17.02.2020). (in Ukrainian)
- Pósfai Z., Gál Z., Nagy E. (2017) The uneven development of the housing market on the eastern periphery of Europe. *Inequality and Uneven Development in the Post-Crisis World*/S. Fadda, P. Tridico (eds.). London: Routledge.
- Pósfai Z., Nagy E. (2017) Crisis and the reproduction of Core-Periphery relations on the Hungarian Market. *European Spatial Research and Policy*, vol. 24, no 2, pp. 17–38.
- Pósfai Z. (2018) Reproducing uneven development on the Hungarian housing market. Dissertation presented in partial fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Science (PhD): Economic and Social Geography, Marie Curie ITN, University of Szeged.
- Smith N. (2008) Uneven Development: Nature, Capital and the Production of Space. The University of Georgia Press.
- Sokol M. (2017). Financialisation, financial chains and uneven geographical development: Towards a research agenda. *Research in International Business and Finance*, vol. 39, no 1, pp. 678–685.
- Urry J. (2007) *Mobilities*. Cambridge: Polity Press.
- Wallerstein I. (2004) *World-System Analysis: An Introduction*. Duke University Press.
- Ward C., Swyngedouw E. (2018) Neoliberalisation from the Ground Up: Insurgent Capital, Regional Struggle, and the Assetisation of Land. *Antipode*, vol. 50, no 4, pp. 1077–1097.
- Zvit pro robotu derjavnih ta privatnih notariusiv (2020) [Report on the work of public and private notaries]. *Ministerstvo Yustitsii Ukrainy* [Ministry of Justice of Ukraine] Available at: <https://minjust.gov.ua/m/zvit-pro-robotu-derjavnih-ta-privatnih-notariusiv> (accessed 17.02.2020). (in Ukrainian)
- Zvit pro finansovu stabil'vist', gruden' 2017 (2017) [Report on the financial stability, December 2017]. *Natsionalny Bank Ukrainy* [National Bank of Ukraine] Available at: <https://bank.gov.ua/news/all/zvit-pro-finansovu-stabilnist-gruden-2017-roku-4981> (accessed 17.02.2020). (in Ukrainian)
- Zvit pro finansovu stabil'vist', gruden' 2019 (2019) [Report on the financial stability, December 2019]. *Natsionalny Bank Ukrainy* [National Bank of Ukraine] Available at: <https://bank.gov.ua/news/all/zvit-pro-finansovu-stabilnist-gruden-2019-roku> (accessed 17.02.2020). (in Ukrainian)

А.В. СКИПЕРСКИХ

ГОРОД ЕЛЕЦ В РЕГИОНАЛЬНОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПРОВИНЦИЯ ИЛИ ЦЕНТР?

Скиперских Александр Владимирович, доктор политических наук, профессор кафедры философии и социальных наук Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина; Российская Федерация, 399770, Елец, ул. Коммунаров, д. 28, тел.: +7 474 672 21 93

E-mail: pisatels@mail.ru

В данной статье автор пытается дать оценку возможностям города Ельца выступать в качестве культурного центра Липецкой области. С одной стороны, статус Города воинской славы, имеющего к тому же богатую культурную и промышленную историю, как будто располагает к этому. В пользу этого говорит присутствие города в дискурсе интеллектуальной истории и значимых текстах отечественной и мировой культуры. С другой стороны, ряд факторов могут существенно затруднить подобное позиционирование городского пространства, опрощая его, понижая его возможности и превращая в обыкновенную провинцию. Здесь невольно играет роль и соперничество за туристические потоки с Липецком, постепенно актуализирующееся в условиях новой экономической реальности, когда именно культура оказывается ключевым драйвером развития.

В исследовании используется метод дискурс-анализа, позволяющий определить специфику бытования концепта «центр» у тех или иных субъектов городской политики. С помощью данного метода автор пытается дать оценку культурному потенциалу г. Ельца. Цель исследования – акценты, субъекты и проблемные локусы культурной политики городской власти, прямо связанные с конструированием образа города как культурного центра Липецкой области.

Ключевые слова: дискурс; Елец; культурная политика; Липецкая область; провинция; пространство; центр.

Цитирование: Скиперских А.В. (2019) Город Елец в региональном культурном пространстве: провинция или центр? // Городские исследования и практики. Т. 4. № 3. С. 71–88. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp43201971-88>

В 2019 году отмечался 65-летний юбилей Липецкой области. Праздничные события, посвященные годовщине ее образования, пришлись как раз на смену губернатора. Вместо Олега Королева, управлявшего Липецкой областью более двадцати лет, был назначен Игорь Артамонов, ранее работавший в руководстве Сбербанка. Юбилейные события преподносились широко, преимущественно «сверху», и отмечались в большей степени в самом Липецке. В других муниципальных центрах интерес к юбилею был менее заметен.

Липецкая область была создана в 1954 году в результате административной реформы. Изначально акценты были расставлены так: хотя Липецк являлся областной столицей в советский период и является столицей субъекта РФ сегодня, представляет собой промышленный город — важный центр российской металлургии. Внимание к культурному топусу было на втором плане. Куда важнее было решать вопросы, связанные с той же социальной политикой, ведь быстрый рост городского населения и накопление трудовых ресурсов за счет провинции требовали быстрых решений в сфере социальной инфраструктуры (больницы, поликлиники, школы, детские сады и т. д.). Развитие культурного слоя при этом оставалось вторичным — воспоминания о выдающихся событиях прошлого и апелляции к городскому тексту известных земляков не выступали значимыми элементами новой исторической конструкции. При этом эксплуатация культурного слоя становилась уделом липецкой периферии.

В нашем исследовании будет рассмотрена ситуация конструирования культурного центра Липецкой области применительно к городу Ельцу.

Елец как культурный центр: концептологические изыскания

В системе нового административного деления Елец обладает значимым историко-культурным бэкграундом. Второй по численности населения город Липецкой области ранее входил в Орловскую губернию и имел шансы стать губернским городом, если бы несколько иначе сложилась политическая конъюнктура. Именно Елец вплоть до сегодняшнего дня может рассматриваться как культурный центр региона, хотя некоторые практики городской политики могут постепенно поставить под сомнение этот неформальный статус.

Ситуация конструирования культурного центра в Липецкой области может быть определена как «драматургия публичного представления, процесс изготовления публичной сферы» [Мальковская, 2004, с. 17]. Нужно отметить, что в условиях постмодерна центр вообще очень сложно устанавливается, особенно если речь идет о сложных социальных организациях.

Любой концепт испытывает постоянное искушение быть растянутым и измененным за счет добавления новых значений и оттенков смыслов, как отмечал итальянский исследователь Джованни Сартори [Сартори, 2003, с. 153]. Дискурс постоянно расширяется, что делает любые попытки рассмотрения его отдельных элементов слишком затруднительными¹.

Дискурс-анализ предполагает и другие ограничения и умолчания. В частности, это и определяет Ролан Барт, говоря, что везде будет присутствовать власть, «гнездящаяся в любом дискурсе» [Барт, 1989, с. 547]. Действительно, любые попытки говорить о «центре» неизбежно будут захватывать сферу политического, где власть всегда в середине. Город «схватывается» властью, а интересы политической элиты всегда превалируют над потребностями городского населения.

Следует вспомнить и о теоретических изысканиях Харви Молотча, который, рассматривая город в интересующем нас контексте, использовал метафору «машины роста и развития» [Molotch, 1976]. При этом политическая элита максимизирует прибыль, буквально выжимая ее из города. Поэтому любая инициатива власти, на первый взгляд кажущаяся вполне себе благовидной, на самом деле может иметь вполне прозаические мотивы получения прибыли ограниченным кругом лиц, стремящихся осваивать городские публичные пространства и красочно представлять их будущее с помощью лояльных медиа. Сегодня вместо позитивных реляций печатных СМИ преимущества новых трендов городского развития часто представляют специально обученные люди, показывая эффектные презентации. В принципе, ситуация сходна с описываемыми американским социологом 1970-ми годами. По-прежнему за внешним преобразованием города скрываются узкоэгоистические интересы меньшинства — представителей политического класса, подрядчиков, кураторов подрядчиков и т. д. Действительно, как отмечает Молотч, росту подвержена только «небольшая часть резидентов отдельного локуса», при этом после такого роста остаются огромные инфраструктурные проблемы [Molotch, 1976, p. 318]. Справедливость гипотезы Молотча очевидно раскрывается на примере Ельца. В городском тексте есть масса свидетельств того, как действующая на тот или иной момент времени правящая элита оставляла после себя следы своего политического доминирования и как это затрагивало культурный слой города. Открытие новых торговых центров, закладные камни виртуальных микрорайонов, широкий фронт работ по благоустройству — все это, осуществлявшееся в интересах легитимации городской администрации, безусловно, оттеняло культурный бэкграунд. Появление очередного новодела означало утрату очередного исторического особняка в центре города. В этом плане инициативы власти по благоустройству, по созданию новых общественных пространств, необычных для провинции малых архитектурных форм могут восприниматься достаточно неоднозначно.

В других «неполитических» исследовательских метриках центр будет постоянно ускользать от четкого определения и достаточно проблемно концептуализироваться. Применительно к исследованию регионального культурного ландшафта могут существовать различные позиции, «определяющие оптику и угол зрения» [Богомяков, 1997, с. 5]. Решающим оказывается оптика самого субъекта, определяющего границы центра. В случае Ельца достаточно показа-

¹ В рамках нашего исследования дискурс-анализ поглощает другие методологические инструменты и кажется наиболее оптимальным. Попытки излишней детализации, концентрации на конкретных кейсах будут уводить нас от максимально широкой оценки претензий Ельца на право позиционироваться культурным центром. Таким искушением могло бы стать определение Ельца как публичного пространства, что потребовало бы подключения к анализу целого пласта исследований публичной сферы и ее политического определения (Х. Арентд, Ю. Хабермас, Р. Сеннет и др.).

тельно данная концептуализация срабатывала в период новогодних праздников 2020 года. Городская администрация при поддержке предпринимателей усиленно занялась украшением площади Ленина и пешеходной улицы Мира. На городском фонтане был смонтирован лайт-бокс, устроена иллюминация на исторической башне — городских курантах².

В центре может присутствовать и другой центр — любое пространство может быть бесконечно делимым.

Елецкий текст и его жизненные формы

Попытки определения Ельца как регионального и культурного центра можно встретить у различных исследователей, видевших город в качестве средоточия интеллектуальных сил. Формы бытования елецкого текста достаточно вариативны.

Культурный бэкграунд провинциального Ельца — это особый мир классического университета, в период своего расцвета приглашавшего профессуру из теперь уже бывших союзных республик. В частности, совсем недавно на корпусах ЕГУ им. И.А. Бунина появились несколько баннеров в честь 100-летия университета. Билборды напоминают, что университет основан первым среди остальных вузов области³.

Елец к тому же и театральный город — здесь еще с первой половины XIX века существовал драматический театр, который возродился, приняв после распада СССР театральную коллективу из Алма-Аты. Елец — важный центр и художественного искусства.

Отнесение Ельца к театральной провинции встречается у А.П. Чехова в реплике Нины Заречной. Известны очерки о Ельце и В. Немировича-Данченко, описывающего елецкую реальность в драматургической тональности А. Островского, где новые, прогрессивные люди сопротивляются «темным» консерваторам — Дикому и Кабанихе. Наконец, с именем Т. Хренникова связывается особый культурный функционал Ельца как центра музыкальной культуры и истории, сумевшего организовать конвергенцию «потоков разной силы — от центра — к провинции, от провинции — к провинции, от центра — к иному центру» [Тулинова, 2012, с. 107]. Сложно не согласиться с точкой зрения некоторых авторов, что в целом «столичная музыкальная культура подпитывалась провинциальными силами» [Тулинова, 2012, с. 107].

Важным импульсом в развитии культурного дискурса города могло бы стать Елецкое художественное училище (прекратило существование в 1957 г.). В воспоминаниях его выпускников тех лет слышится недоумение: «1957 год — начало хрущевской оттепели. В училище жизнь бьет ключом. Появляется интерес к тому, что было под запретом» [Широков, 1994, с. 12]. Однако решение властей могло иметь вполне резонные по тем временам причины⁴.

Особая притягательность Ельца в споре за право считаться культурным центром липецкого края может скрываться и в коллекции Елецкой художественной галереи. В частности, неожиданными «фишками», открывающимися для ценителей, могут стать работы представителей русского авангарда — Л. Пастернака, В. Рождественского, О. Розановой, Н. Синезубова, Н. Ульянова, не говоря уже о некоторых шедеврах русской реалистической живописи.

Неоднократно Елец появляется и в художественных фильмах. Несложно догадаться, чем город мог пленять кинорежиссеров. Винтажная фактура привлекает мастеров интеллектуального кино. В частности, в 1980-х годах в Ельце снимался фильм «Бесконечность» (1991) Марлена Хуциева и фильм «Мальчики» (1990) по мотивам одной из глав романа «Братья Карамазовы» Ф. Достоевского (реж. Юрий и Ренита Григорьевы).

Статус культурного центра Липецкой области может легко обрести и формальные основания. По данным Государственной дирекции по охране культурного наследия Липецкой области, на настоящий момент времени в регионе находится 602 памятника и объекта, представляющих культурную ценность. При этом в Ельце насчитывается 202 таких памятника и объекта, что со-

2 В период новогодних каникул в центре города отмечался небывалый ажиотаж. Вместе с тем вся энергия благоустройства была стянута именно к центру, в то время как периферийные районы города оставались в полумраке.

3 На этом примере можно увидеть соперничество Ельца и Липецка в качестве интеллектуального и культурного центра. 100-летний юбилей вуза является более чем приблизительным. Реальной точкой отсчета университетской истории выступает 2000 год, когда вуз обрел данный официальный статус.

4 Неформальное значение художественного училища в жизни елецких интеллектуалов того времени было велико. Для понимания техники иконописи начинали копировать иконы в рамках тайно созданной секции древнерусской живописи. Более подробно об этой истории — [Широков, 1994].

ставляет больше трети всего количества. Для сравнения: в Липецке таких памятников и объектов находится только 54 (около 9%)⁵. Говоря о центре, важно понимать, с какими качествами он должен быть связан и *что именно* представлять в избытке. В этом смысле роль православного паломнического центра Липецкой области принадлежит Задонску, в котором находится 34 памятника и объекта, представляющих культурную ценность⁶. Маленькие городки Липецкой области — Данков, Задонск, Чаплыгин — сегодня являются своеобразными городами-музеями, что говорит об особой логике развития самих муниципалитетов и практиках управления ими.

Для российских исследователей уже не является откровением мысль о том, что «социально-экономическое положение действует депривизирующим образом на возможности активизации политической жизни в современной России. Для конституирования городского политического пространства очевидно не хватает ресурсов» [Дука, 2016, с. 12]. Следует ли из этого утверждения вывод о том, что ресурсов не хватает и на культурную политику, в связи с чем она вынуждена профанировать и удешевляться? Производство культуры «сверху» все чаще происходит в спектакулярных формах, удовлетворяющих не слишком взыскательную аудиторию провинции. Подобные послы можно найти у Ги Дебора [Дебор, 2011].

На примере разбираемого нами кейса местной политики так и происходит. Ее брендинг и зависимость от культурной и исторической специфики уже попадала в исследовательский фокус. На политику идентичности могут оказывать влияние авторитетные личности, литературные классики и интеллектуалы, воспевавшие *genius loci* в своих текстах. Применительно практически к каждому региону можно найти попытки дискуссий о культурном капитале, раскрываемые в тех или иных научных текстах. В частности, говоря о таких исследованиях, следует отметить работы о Екатеринбурге — Н. Журавлевой и С. Мельниковой [Журавлева, Мельникова, 2016], Перми — В. Абашева [Абашев, 2000], Тюмени — В. Богомякова [Богомяков, 2007].

Что касается Липецкой области, следует отметить явный дефицит научных заявок на изучение культурных оснований местной идентичности и центрирующих ее агрегаций. Вместе с тем есть многочисленные краеведческие изыскания и исторические интерпретации, в которых объектами авторского научного интереса выступают монастыри, храмы, усадьбы, биографии знаменитостей, промышленная история и т. д.

Применительно к Ельцу следует обратить внимание на ряд исследований, непосредственно посвященных его уникальному культурному тексту. Это могут быть исторические и статистические справки о Ельце, раскрывающие особенности его торговли и промышленности, состояния финансовых и деловых кругов. В частности, к числу таких текстов принадлежат материалы Н.А. Ридингера [Ридингер, 1993].

Характерной чертой городского этнопейзажа является высокая концентрация объектов религиозной архитектуры. Безусловно, уже в этом можно увидеть определенную претензию быть признанным культурным центром. Подробное исследование городских храмов и монастырей можно увидеть у А. Клокова, А. Найденова и А. Новосельцева [Клоков, Найденов, Новосельцев, 2006].

Елец представляется важным хронотопом в жизни известных интеллектуалов, внесших вклад в русскую и мировую культуру. Исследования биографий и особой роли города в их становлении и развитии составляет еще один массив текстов о Ельце. К их числу следует отнести работы А. Дмитриева об И. Бунине [Дмитриев, 2007] и Н. Кистеревой и В. Резвого о М. Касаткине [Кистерева, Резвый, 2017]. Конечно же, интеллектуальный ландшафт Ельца не ограничивается указанными фигурами. Здесь помимо них М. Пришвин, В. Розанов, Н. Семашко, Т. Хренников, Иннокентий Херсонский и о. Исаакий (Виноградов). Значительный вклад в культурный капитал города внесла семья Стаховичей.

Все вместе взятое может представлять собой особый феномен Ельца — оплота русской культуры, духовного и культурного центра, защитника рубежей и крепости, который представляет-

5 Все объекты и памятники Липецкой области доступны на ресурсе: Памятники архитектуры Липецкой области. Город Елец: <http://cultura48.ru/?s=&mosregion=10&age=0&arch=0>.

6 В дискурсе паломнического туризма безусловным центром Липецкой области является Задонск, концентрирующий в себе мощный пласт религиозной культуры, по сути, сам по себе являющийся городом — храмом и монастырем, вдобавок удобно расположенный на федеральной трассе. Все объекты и памятники Липецкой области доступны на ресурсе: Памятники архитектуры Липецкой области. Город Задонск: <http://cultura48.ru/?s=&mosregion=10&age=0&arch=0>.

ся в тексте собеседника Михаила Бахтина — известного советского интеллектуала Владимира Турбина [Турбин, 1967].

Вместе с тем актуальность комплексного исследования культурного капитала отдельно взятого локуса Липецкой области, а в нашем случае города Ельца, не вызывает сомнений. Суммируя опыт административной сепарации Липецкой области, невольно возникает вопрос, насколько за данный период времени была проработана региональная культурная идентичность и на каких важных схемах, персоналиях и сюжетах она может базироваться? Отсутствие каких-либо глубоких исследований культурного ландшафта Липецкой области, несомненно, говорит об определенной актуальности попыток разобраться в вопросах липецкой культурной идентичности и ее основных составляющих элементах.

Культурное пространство периферийных муниципалитетов в Липецкой области чрезвычайно истощено. Оно может периодически наполняться посредством мобилизационных форм социальной активности. Когда сложно показать эффективность в промышленном и экономическом росте, власть пытается изобразить достижения в культуре, подчеркивая свою неустанную заботу о воспитании особой чувствительности к конкретному локусу и его выдающимся субъектам.

Сегодня едва ли не каждая сельская администрация проводит свои гастрономические мероприятия, активно посещаемые как администрацией муниципалитетов, так и областной властью. Получается достаточно привлекательная картинка, моментально заполняющая социальные сети и электронные медиа, — у чиновников есть доказательства проведенного мероприятия, а стало быть, и собственной эффективности. Данные мероприятия и фестивали постепенно фиксируют изобретенную властью традицию. Это может являться еще одним доказательством того, что липецкая периферия в смысле разнообразия культурной жизни определенным образом противопоставляется серым будням металлургического Липецка. В частности, из 33 событийных мероприятий, организуемых в Липецкой области в 2019 году, только шесть проводятся в самом Липецке⁷.

О всплесках культурной жизни на периферии можно говорить и в случае различных практик коммеморации, когда в публичных пространствах провинции начинают вспоминать о минувшем. Практики открытия мемориальных досок, в частности в Ельце, уже становились объектом нашего исследовательского интереса, но и в данном случае ключевым субъектом коммеморации выступает сама власть [Скиперских, 2017, с. 126]. Безусловно, данные мероприятия говорят о попытках власти нарастить культурный текст, повлиять на его неуловимый и капризный гений. Правда, сложно спрогнозировать, насколько эта политика является адекватной общественным запросам. Стоит ли благодарить власть за такие жесты в условиях, когда существование людей сведено к элементарному выживанию? Складывается ситуация, когда после улетучивания праздничной эйфории возведенный объект и само послание «остается один на один со зрителем» [Манин, 1999, с. 36].

Вместе с тем нет никаких сомнений в том, что власть пытается подстроить прошлое под текущую конъюнктуру, где именно она будет выступать ключевым интерпретатором и ньюсмейкером.

Новые акценты коммеморации

Борьба за право называться культурной столицей Липецкой области требует не только поддержания культурного пространства в адекватном состоянии, но и производства новых мифов. Областная власть все еще находится в поиске бренда региона и более или менее четкого представления о том, с чем должна связываться липецкая идентичность. В полной мере это имеет отношение и к Ельцу.

Акценты коммеморации постоянно меняются. В 1990–2000-х годах было ощущение, что брендирование городского пространства не может состояться без связи с творческим наследием Ивана Бунина, именем которого был назван активно развивавшийся университет. Тогда не было сомнений в том, что городской текст должен конструироваться под сопровождение «мелодичного перестукивания коклюшек» известных на весь мир елецких кружевниц [Краснова, 2008, с. 74]. При этом знаковым должно быть начало осени — время сбора антоновских яблок.

⁷ Подробнее об этом см.: [Липецкая земля..., 2019].

Ситуация менялась с политической конъюнктурой. Технократический имидж Игоря Артамонова, нового губернатора Липецкой области, означал для региональных чиновников перезагрузку культурного дискурса региона в пользу экономических акцентов. Вопрос эффективности для новой липецкой элиты становится принципиальным. Сегодня власть подтверждает это в своих откровениях. Именно об этом реплика бывшего заместителя главы администрации Липецкой области Ю. Тарана, как-то осознавшего, что «просто фестивалями огурца, сала, лука, яблоч никого не удивишь» [*Завалипина, Литаврин, 2019, с. 2*].

Длительный процесс конструирования советской идентичности привел к формированию в культурном пространстве Липецкой области твердой памяти о тех или иных важных событиях и героях, связанных с периодом становления и развития советской государственности. Отказ от советской героики сегодня в полной мере прослеживается не только на федеральном уровне, но и в отдельно взятых субъектах РФ и муниципалитетах. Теперь в интересах городской власти культурный текст Ельца должен связываться с новыми фигурами. Но, как зачастую происходит в России, акценты коммеморации связываются не с гражданской активностью «снизу», стремящейся закрепить благородную миссию своего пространства обитания, а, наоборот, выступают свидетельством бюрократической вкусовщины и эстетической претензии правящего класса.

В Ельце заметен патриотический бум, проецируемый и на культурную политику. Помимо мемориальных досок открываются новые мемориальные пространства, закрепляющие в общественном сознании героике конкретных исторических событий и персоналий. За последние несколько лет в Ельце произошло существенное пополнение мемориала воинам-афганцам, где устанавливается военная техника. Был даже доставлен вертолет Ми-24. Бывший глава Ельца С. Панов всячески подчеркивал свое армейское прошлое в ВДВ, поэтому мемориал находился под его особой заботой. В дискурсе городской политики есть устойчивое восприятие сквера воинов-интернационалистов как памятного места, где проходит множество городских военно-патриотических мероприятий, что по-своему обосновало для Министерства обороны РФ поддержку данной инициативы городской администрации.

Необходимость создания новых мифов, подчеркивающих связь с Ельцом выдающихся фигур русской и советской истории, заставляет власть открывать новые памятники. Данный процесс происходит начиная с 1990-х годов и до настоящего времени⁸. Представители правящего класса постоянно испытывают необходимость в красивой и эффектной картинке с перерезанием красной ленточки, следуя, как отмечал Э. Неизвестный, четко установленному иерархическому протоколу. При этом оказывается куда более важным, «кто открывает работу, нежели, как сделано» [*Неизвестный, 1991, с. 36*].

Четко установленную последовательность действий власти при производстве практик коммеморации А. Ассман называла «хореографией», правда, с не слишком завидными последствиями для легитимности самой власти, порождающими вполне закономерное недовольство и даже отвращение [*Ассман, 2016*].

Акцент городской власти на открытие новые мемориальных пространств очевиден. Открыть мемориальную доску или памятник для городской администрации сегодня намного проще, чем запустить производство, обеспечивающее работой горожан, либо сделать более совершенным качество городской инфраструктуры.

Так, в конце июля 2016 года в Комсомольском сквере Ельца был открыт памятник легендарному командующему ВДВ В. Маргелову, предваряющий череду коммеморативных жестов памяти Героя СССР в других городах России. Открытие памятника имеет и вполне конкретный легитимационный эффект, ведь в сообществе десантников в Ельце состоят более тысячи человек⁹.

При этом связь В. Маргелова с Ельцом не представляется очевидной и подтвержденной конкретными источниками. Тем не менее городская власть посылает вполне четкий сигнал о том, какие именно акценты культурной политики присутствуют сегодня в Ельце как Городе воинской славы. Не представляется очевидной и связь с Ельцом героя Отечественной войны

8 Начиная с 1990-х годов в Ельце появляются памятники И. Бунину, М. Пришвину, Елецкому пехотному полку, памятные стелы и т.д. Инициатива здесь принадлежит не только власти, но и общественности. Например, на территории одной из галерей, принадлежащей известному елецкому галеристу и коллекционеру Евгению Крикунову, был установлен памятник русскому религиозному философу Василию Розанову.

9 Подробнее о церемонии открытия памятника В. Маргелову в Ельце см.: Памятник легендарному Василию Маргелову торжественно открыли в Ельце, 25.07.2016/ГТРК «Липецк»: <http://vesti-lipetsk.ru/pamyatnik-legendarnomu-vasiliyu-margelovu-torzhestvenno-otkryli-v-elce/>.

1812 года генерала М. Милорадовича, памятник которому был открыт рядом с памятником В. Маргелову в начале сентября 2018 года¹⁰. Вообще довольно показательно, как городская власть за короткий срок создает новое мемориальное пространство в Комсомольском сквере. Зеленых насаждений становится меньше. Их место занимает тротуарная плитка.

Как уже отмечалось, власть всеми силами стремится заполнить патриотический вакуум в общественном сознании и на ходу сконструировать новые мифы в русле Ельца как Города воинской славы. Открытие новых памятников затемняет подступающие проблемы, связанные с обслуживанием самих памятников и уходом за миметическим пространством. В условиях дефицита трудовых ресурсов и усложнения администрирования это превращается в настоящую головоломку.

Елец входит и в Ассоциацию малых туристских городов России. Власти, находясь в контексте исследований немецкого теоретика мемориальной культуры А. Ассман, пытаются использовать комбинаторику горячей и холодной памяти [Ассман, 2016]. Действительно, для искусственного ценителя русской провинциальной культуры, воплощающейся в Ельце, могут возникать проблемы правдоподобия, странного чередования реального и демонстрируемого. В частности, К. Паустовский, посещая в свое время Елец, писал, что не останавливался в гостинице. «Я был тогда слишком беден», — вспоминает русский классик [Паустовский, 1983, с. 227].

Идеологи городской администрации не особенно задумываются над проблемой смешивания эпох, хронологии, героических фигур и самих фактов. На наш взгляд, это происходит во многом и потому, что культурный текст создается не для озадаченной поисками исторической достоверности общественности. Объект посылов власти — «относительно непредвзятая аудитория» провинции, находящаяся в ситуации интеллектуального истощения [Скиперских, 2013, с. 27]. Куда более важным оказывается фактическое наполнение нового патриотического мемориала.

Нет сомнений, что такая спешка порождает ситуации эстетического диссонанса ввиду попытки связать прошлое с новыми трендами. Так произошло с памятником советскому художнику Н. Жукову, открытому в 2003 году. Сегодня творчество Жукова вполне вписывается в патриотический тренд. При подготовке к празднованию 9 Мая рассыпавшееся от времени основание памятника, которое в свое время было сделано из итальянского мрамора, обложили плиткой, имитирующей гвардейскую ленту. Власть посчитала эту меру адекватной тщательной реставрации и сохранению памятника в версии создателя — скульптора А. Таратынова.

Рис. 1, 2. Реконструкция памятника Н. Жукову. Елец, май 2019 года

Источник: фото автора.

Новые акценты коммеморации в Ельце приводят к наполнению пространства новыми знаками, что, в принципе, характеризует официальную культуру, стремящуюся постоянно расширяться и углубляться. Власть не терпит пустоты, которая не пронизывается ее четкими сигналами. Отсюда любые попытки заполнения пустоты могут рассматриваться в контексте генерализации ее

¹⁰ Об открытии памятника М.А. Милорадовичу в Ельце и изобретенных патриотических контекстах см.: В Ельце появился памятник герою Отечественной войны 1812 года М.А. Милорадовичу, 01.09.2018/Администрация городского округа город Елец: <https://elets-adm.ru/news/10819>.

влияния. Пропагандистский дискурс предполагает со стороны официальной культуры элементарное «занятие места. Чтобы другой не было» [Неизвестный, 1991, с. 38]. Поэтому в практиках коммеморации в провинциальном Ельце можно обнаружить некую методичность и тотальность. Вопрос целесообразности и эстетики оказывается вторичным по сравнению с необходимостью сиюминутной демонстрации торжественного момента открытия. Искушение запечатлеть себя в объективах камер оказывается выше необходимости поддержания исторической среды в надлежащем состоянии. Этот конфликт приводит к невразумительным наслоениям памяти, их гибридному, нелепому скрещиванию. Так, в начале июля в Ельце в рамках Пятого фестиваля малых городов в городском саду была открыта Аллея малых городов России с рядом металлических указателей. При этом самой властью постоянно подчеркивается аутентичность пространства городского — бывшего дворянского — парка и уникального ботанического сада, о котором писали И. Бунин и М. Пришвин. Теперь установленные таблички соседствуют с чугунным фонтаном конца XIX века и известняковым гротом с беседкой и чашей фонтана, напоминающей контурами Черное море.

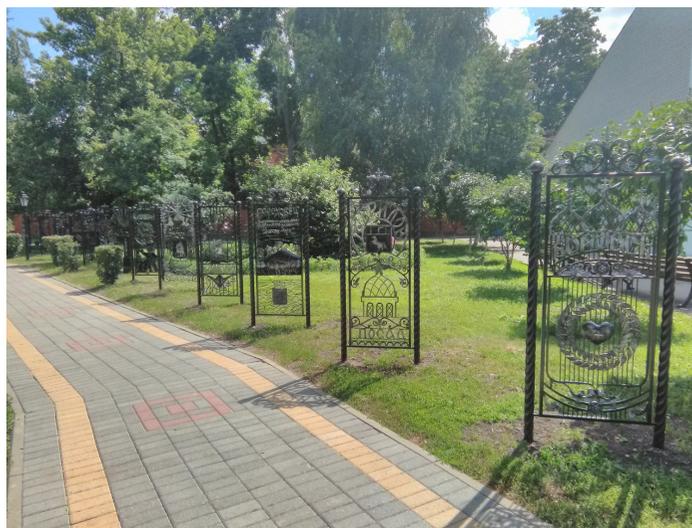

Рис. 3. Аллея малых городов в городском парке. Елец, июль 2019 года

Источник: фото автора.

Новые акценты коммеморации чувствуются и в новых линейках событийных мероприятий, начинающих проходить в Ельце и притягивающих к себе внимание не только областного центра, но и столицы. В процессе всех этих мероприятий происходит производство и закрепление в информационном пространстве региона образа Ельца как героического города-ратника, защищающего российскую государственность в драматические моменты истории. Все вышеприведенные случаи по-новому изобретаемых исторических событий являются подтверждением того, как Елец, следуя «Жизни Арсеньева», выступал оплотом Руси, «первым вдыхая бурю, пыль и хлад из-под грозных азиатских туч, то и дело заходивших над нею» [Бунин, 1989, с. 99].

К таким мероприятиям можно отнести рассчитанную на открытое сценическое пространство оперу на воде «Легенда о граде Ельце», посвященную героической обороне Ельца в период нашествия Тамерлана на Русь. В опере заняты московские актеры и музыканты, а местные реконструкторы и энтузиасты работают преимущественно в массовке¹¹. Нужно отметить, что в связи с постоянным ростом числа проводимых мероприятий и постоянной сменой акцентов в исторических эпохах фактически существует дефицит исполнителей. Поэтому на миграцию провинциальных энтузиастов-реконструкторов из клуба в клуб, равно как и на смену эпох и периодов реконструкции, уже никто не обращает внимания.

Нечто подобное можно увидеть в мероприятии «Елецкий набат», реконструирующем события обороны Ельца в период московского похода гетмана Сагайдачного. Здесь мы снова мо-

¹¹ Периодически можно слышать недоумение местных жителей по поводу достаточно высокой цены на билеты и сложности покупки самих билетов, распространяющихся через липецкие кассы и ориентированных на более состоятельных гостей Ельца, что определенным образом ущемляет интересы ельчан.

жем увидеть попытку выделения специфической функции Ельца как защитника российской государственности¹². Героическая функция Ельца, дополняющая его важную культурную миссию в регионе, подтверждается и в реконструкции Елецкой наступательной операции декабря 1941 года, являвшейся едва ли не ключевым этапом Битвы за Москву.

Все вышеприведенное показывает, как региональная и городская власть пытается нагрузить Елец новыми смыслами, раскрывающими привычную героику города, бытующую на уровне стертых метафор. Нет сомнений, что поддержание статуса культурной столицы Липецкой области требует постоянных синергетических усилий. С одной стороны, предельную концентрацию должна демонстрировать сама власть, с другой — необходима постоянная мобилизация городской общественности. Сравнивая нынешние практики культурной политики с советским опытом, можно отметить, что достаточно консервативная культурная политика при СССР не отличалась таким активным освоением городского пространства.

Культурный ландшафт и его конструкторы: противоречия интерпретаций и политическая конъюнктура

Практики закрепления за Ельцом неформального статуса культурного центра Липецкой области требуют активной поддержки не только со стороны администрации, но и широких общественных слоев, которые, как правило, следуют оценкам и позиции представителей интеллектуального сообщества. В определенной степени повествование от имени культурного центра осуществляется как интеллектуалами, поддерживающими власть, так и теми, кто ее критикует. В практиках наполнения городского пространства новыми мифами так или иначе присутствуют дискуссии. Интеллектуальный дискурс, оправдывающий статус Ельца как уникального культурного пространства, формируется с разных сторон — в зависимости от степени ангажированности самого субъекта, наполняющего его. В любом случае попытки формирования дискурса сами по себе автоматически являются политическими. Мишель Фуко отмечал, что интеллектуал, с одной стороны, зависит от системы капиталистического производства, но, с другой стороны, может раскрывать «истину тем, кто не мог ее сказать, и отсюда вся его совестливость и красноречие» [Фуко, 2002, с. 67].

Поэтому не представляется чем-то удивительным, когда конструирование нового мемориального пространства в Ельце, подчас парадоксально и нелепо воспринимающегося, происходит при поддержке лояльных интеллектуалов. Оправдательный дискурс новой культурной перезагрузки складывается из «тенденциозности, уверенно вносимой в историческое повествование», определенной французским исследователем Ж. Бенда в качестве свидетельства отклонения интеллектуала от своего предназначения [Бенда, 2009, с. 129]. Как правило, в моменты чересчур активного подключения местных интеллектуалов к тем или иным поворотам городской культурной политики становится очевидна их политическая ангажированность.

Впрочем, данные усилия не всегда эффективны. Как нами уже отмечалось в предыдущих исследованиях культурного пространства города, попытки воздействовать «сверху» с помощью патриотических клише, «выступают серьезным раздражителем „на выходе“» и «создают основание для недовольства и мягкого сопротивления» [Скиперских, 2013, с. 27].

Провинциальные интеллектуалы могут постепенно вставать по разные стороны баррикад. Важным условием выбора стратегии сосуществования с властью является степень прямой зависимости от нее. И если в случае учителей, университетских преподавателей и работников сферы культуры не возникает сомнений в преданности политическому курсу, то на тех, кто не так очевидно зависит от бюджета, уже сложнее воздействовать. Тем не менее власть по-прежнему может оказать определенное давление на частный сектор. В Ельце есть ряд частных музеев и галерей, владельцы которых так или иначе могут оказываться зависимыми от городской власти, а по ряду проектов и непосредственно взаимодействовать с администрацией. Интересно, что количество частных музеев и галерей, работающих «по предварительному звонку», уже превосходит то, что находится под контролем муниципалитета.

Наконец, лояльным, подпевающим власти голосам могут противостоять другие акторы — со сложившейся репутацией краеведов и хранителей уникального исторического и культурного наследия города. Но и они, как правило, не заинтересованы в конфронтации, скрепя сердце

¹² Подробнее о мероприятии см.: «Елецкий набат» прозвучит во второй раз: войска гетмана Сагайдачного вновь будут штурмовать елецкую крепость, 21.06.2019 /Администрация городского округа город Елец: <https://elets-adm.ru/news/13120>.

принимают культурную перезагрузку. Максимум, что они могут сделать, — повлиять на отдельные сегменты культуры ради сохранения аутентичности и неповторимого стиля города. Тем не менее представляется очевидным разрыв между официальной демонстрацией Ельца как пространства постоянного праздника и туристических событий по самым разным поводам и *другими*, более интимными и частными, практиками работы с городским текстом.

Если политика власти подвержена турбулентным интересам, то противостоящее ей видение интеллектуальной общественности исходит из стратегического и просчитанного будущего Ельца. Возможно, проблема скрывается и в различиях технократической культуры. Зачастую среди оппонировавших власти интеллектуалов оказываются бывшие чиновники, деятельность которых была связана с развитием культурного пространства Ельца в период СССР и ранних 1990-х. По мнению В. Глазычева, внимание к проблемам стратегического развития городских пространств как раз находится «исключительно в кругу специалистов, тесно связанных с прежней системой управления. Эти специалисты с чрезвычайным трудом адаптировались к идеологемам рыночной экономики, на годы ставших господствующими, и потому уже оказались на дальней периферии дискуссий либо выпали из них полностью» [Глазычев, 2011, с. 195].

Таким образом, разработка мифа о культурной столице липецкого края происходит параллельными курсами, где движутся региональная и городская власть с лояльными интеллектуалами, с одной стороны, и целый ряд альтернативных акторов, не включенных в какие-либо управляемые сверху институции, — с другой. При этом альтернативные акторы формируют свой образ культурного центра, равно как и язык его описания. Оба дискурса, совпадая по целеполаганию, могут не совпадать по структуре и способам конструирования. Альтернативными субъектами могут выступать харизматические одиночки из краеведов, киноведы, частные галеристы и экскурсоводы, представители блогосферы и интеллектуалы, в силу каких-либо обстоятельств оказавшиеся в других городах и странах, но пристально наблюдающие за производством культурного текста Ельца. Показательно, что из процесса альтернативного описания Ельца как уникального культурного объекта выключились местные университетские интеллектуалы. В международных Бунинских конференциях начала 1990-х годов участвовали виднейшие специалисты со всего мира и владельцы парижских архивов русской эмиграции. Совершенно неслучайно, что развитие университета в Ельце происходило в бунинской матрице, а сам вуз в 2000 году получил имя нобелевского лауреата. Однако в современной России любая альтернативная деятельность тесно связана с политикой, и в условиях провинции становится опасным подчеркивать культурное инакомыслие. Если университетские преподаватели как-то участвуют в городской культурной политике, то на стороне администрации, подчеркивая тем самым достаточно незавидное и подчиненное положение маленьких провинциальных университетов.

В 2018 году в Ельце появились активисты движения «Том Сойер Фест», занимающегося сохранением историко-культурной среды российских городов. Энтузиасты, озабоченные состоянием городских зданий, пытаются создать некие альтернативные формы действия, мотивы которых можно объяснить, обращаясь к Г. Башляру, однажды отметившемуся признанием «в собственной топофилии» [Башляр, 2004, с. 22].

Именно благодаря их усилиям в городе был частично восстановлен участок аутентичного мощения тротуаров известняковыми плитами. Символично, что это было сделано напротив бывшей мужской гимназии, где учились И. Бунин и М. Пришвин, где преподавал В. Розанов. Деятельность энтузиастов по восстановлению среды с регулярными обращениями в адрес всех вышестоящих инстанций тормозила сроки реконструкции. Постепенно администрация города была втянута в переговорный процесс с Управлением по охране объектов культурного наследия Липецкой области и активистами движения, в результате чего пришлось пойти на небольшие уступки по принципу «не помогать и не мешать».

Столкновения городской общественности с властью по поводу сохранения исторической среды случались в городе и значительно раньше. В частности, В. Турбин пишет о том, что еще в 1960-е годы городские интеллектуалы «пытались организовать на охрану архитектурных памятников школьников и молодежь...» [Турбин, 1967, с. 28]. Уже позже важное место в сохранении культурного ландшафта города занимала деятельность клуба «Вече», сделавшего целый ряд значимых для Ельца краеведческих открытий и препятствовавшего политике властей по унификации культурного наследия города в соответствии с текущим политическим моментом.

Эстетический диссонанс приводит подчас к парадоксальным последствиям. Примером может служить попытка реконструкции городских тротуаров, вскрытых во время ремонта ряда центральных улиц летом 2018 года. Активистам «Том Соьер Феста» удалось отстоять часть одной улицы и выполнить работы своими силами. Однако более масштабный проект 2019 года, требовавший куда более значительных сил со стороны энтузиастов, привел к совершенно нелепому, антиэстетическому решению. К проекту равнодушных городских жителей присоединились достаточно известные в городе фигуры, но другие предпочли остаться в тени и не показываться на глаза администрации.

Городскую власть часто упрекают в антиэстетизме, причина которого в дистанцировании от процесса интеллектуальных сил сообщества. Возможно, именно подобный подход со стороны городской администрации стал предметом критики врио Липецкой области И. Артамонова, периодически инспектировавшего елецкие стройки. Главу города Сергея Панова тогда упрекали в том, что в Ельце якобы «все делают по-деревенски»¹³. Видимо, это и послужило причиной смены главы Ельца в июле 2019 года, когда вместо Панова был назначен Евгений Боровских. Как раз в тот момент, готовясь к губернаторской кампании, И. Артамонов поменял ряд глав муниципалитетов. Назначение Боровских имело еще и гипотетические цели культурного преобразования города, поиска сюжетов, позволяющих по-новому представить городское пространство. Замысел состоял в том, что молодой политик (пусть и «варяг») лучше справится с этой задачей, нежели прежний мэр, являющийся заложником консервативной среды и длительное время не обновлявший администрацию¹⁴.

Рис. 4. Завершение сезона реконструкции. Частная инициатива без поддержки администрации. Дом Новосельцевых. Елец, 2018 год

Источник: фото автора.

¹³ Оценка врио главы Липецкой области тогда не казалась наигранной. См.: Игорь Артамонов о ходе работ в сквере Харченко: «Все по-деревенски делаете, все тут отдает деревней» (https://vk.com/vid-eo-74441888_456243833).

¹⁴ Отчасти, видимо, по этой причине в ноябре 2019 года в городе в течение недели проходили мероприятия с участием руководителей и слушателей международного образовательного проекта «РЕ-школа», собиравших информацию о городской среде и пытавшихся организовать дискуссии по поводу будущего культурного наследия среди горожан. Встреча «РЕ-школы» с горожанами была проведена и в феврале 2020 года в ЕГУ им. И.А. Бунина. В ноябре 2019 года в Елец приезжал известный дизайнер Артемий Лебедев. Студия Лебедева, возможно, будет разрабатывать бренд для города. По оценке близких к администрации города информантов, в приезде А. Лебедева был заинтересован лично глава Ельца Е. Боровских, а самым убедительным аргументом в пользу присутствия в городе в качестве потенциального заказчика муниципальной власти являлась его узнаваемость в информационном пространстве, опыт действующих проектов, большое количество подписчиков его пабликов и т.д.

Рис. 5. Реконструкция мостовой. Комбинация известняковых плит и современной плитки. Патронат городской администрации. Елец, 2019 год

Источник: фото автора.

и с каждым месяцем возникают все новые и новые прорехи в ткани города. Только по улице Октябрьской, в считанных метрах от городской администрации, весной 2019 года произошло обрушение фрагмента стены на одном историческом здании. Спустя несколько дней уже в другом месте порыв ветра сорвал практически всю крышу с другой постройки, относящейся к концу XIX века.

Сохранить нельзя разрушить: культурная среда и политика городской власти

Приведенные выше примеры показывают, что за уникальную городскую среду сражаются преимущественно индивидуальные акторы. Их ресурсы ограничены, и самое большее, что они могут сделать, — это максимально распространить информацию о надвигающихся рисках, о трагической реальности, в которую погружена российская провинция, убедительной метафорой которой выступает Елец. Блогосфера может выступить спасительной площадкой, в рамках которой активисты могут заручиться поддержкой участливых симпатизантов. Деятельность альтернативных акторов не может принести городской и региональной администрации каких-то очевидных дивидендов. «Другой», уходящий Елец, проступающий в эмоциональных текстах альтернативных акторов, не может не отразиться на репутации правящего класса региона и города.

Восприятие Ельца как культурного центра приобрело негативные коннотации после публикации Ильи Варламова о судьбе протестантской кирхи, с согласия городской администрации переделанной под магазин стройматериалов.

Вместе с тем в городе остается достаточно много объектов, выступающих хранителями уникальных культурных текстов и погибающих буквально на глазах.

Только за 2019 год в Ельце разрушилось сразу нескольких важных объектов, создающих ощущение уникального культурного поля русской провинции конца XIX века. Такое ощущение, что утрачивание архитектурной среды происходит по нарастающей,

Рис. 6. Елец. Протестантская кирха сегодня

Источник: фото автора.

Рис. 7. Май 2019 года. Чугунное крыльцо бывшего дома нотариуса Барченко

Источник: фото автора.

Весной 2019 года произошло обрушение Владимирской церкви в Черной слободе, роспись наружных стен которой приписывали французам, оставшимся в России после Отечественной войны 1812 года. Исследователи отмечают особую лепную работу, как будто перекликающуюся с творчеством елецких кружевниц, «повторяющих движение тонких линий кружев» [Клоков, Найденов, Новосельцев, 2006, с. 234]. Рядом с Владимирской церковью квартировался русский религиозный философ В. Розанов, для которого елецкий этнопейзаж, безусловно, центрировался городскими храмами. Среди храмов мог доминировать именно тот объект, который возвышался над одним из его елецких адресов. Обрушение Владимирской церкви совпало по времени с трагедией Нотр-Дама. Местная общественность и патриотически ориентированные сообщества были возмущены демонстрацией сострадания французской трагедии со стороны россиян на фоне как будто невидимой елецкой потери.

Утрата среды происходит и в связи с другими объектами городской архитектуры. Сегодня едва ли не каждое здание в городе может таить в себе серьезнейшую угрозу для безопасности прохожих. Наверное, наиболее выделяющимся из них является огромное здание бывшей табачной фабрики, занимающее целый квартал в самом центре Ельца. Нынешнее состояние исторического объекта говорит о серьезных проблемах в организации архитектурной, культурной и экономической политики муниципалитета, равно как и об эстетических горизонтах отдельных политиков, принимающих решения.

Можно с сожалением констатировать едва ли не ежедневное ухудшение состояния исторических зданий, составляющих практически весь центр города. На наш взгляд, подобное только подтверждает несовпадение оценки потенциала Ельца в глазах власти и заинтересованной общественности.

Вместе с тем в последние несколько лет происходят события, заставляющие убеждаться в переключении акцентов культурной политики на Липецк, городской текст которого насыщается событиями, традиционно связывавшимися с Ельцом.

Рис. 8, 9. Разрушающиеся здания в центре Ельца, 2015 год

Источник: фото автора.

Постоянное выяснение условий функционирования собственной культурной институции приводит к тому, что в Липецк перемещаются важные для Ельца мероприятия. В частности, приобрел липецкую прописку музыкальный фестиваль Тихона Хренникова, с момента своего создания проводившийся в Ельце. На первом таком фестивале было весьма многолюдно, собравшейся публике представлял свое мастерство Валерий Гергиев. Решается вопрос о переносе в Липецк некоторых отделений училища искусств. Проблемы с использованием огромного культурного потенциала сказываются и на стремлении частных предприятий не связывать свою дальнейшую судьбу с Ельцом. Так, знакомые галеристы в беседе с автором признались, что всерьез подумывают о переносе своего бизнеса в Липецк — художественной галереи, магазинов, багетной мастерской. В настроении других представителей культурной сферы ощущается такая же обреченность, хотя и постоянно подчеркивается любовь к малой родине.

Показательно, что 18 июля 2019 года в городском парке Ельца на большом экране транслировался концерт из Липецка, посвященный Дню металлурга. Ельчане видели звезд отечественной эстрады, поздравлявших липецких сталеваров. Демонстрацию в Ельце данного мероприятия сложно назвать сколько-нибудь логичной. Как часто происходит, концерт был «рекомендуем» к посещению работниками бюджетной сферы. Этот и другие примеры говорят о проявлениях реваншизма областного центра в отношении Ельца и постепенного включения жителей города в культурный контекст Липецка.

Выводы

Уникальная среда Ельца, испытывающего мучительную концептуализацию — не центр, но и не периферия (учитывая самодостаточный культурный бэкграунд), может оказаться утраченной вместе с фактическим состоянием города как субъекта культуры. Провинциальный мир выглядит для него тесным и излишне агрессивным с точки зрения критической рефлексии. Необходимость постоянного общения с бюрократической машиной организации каких-либо мероприятий является губительной для творческих людей. Поэтому не кажется удивительным, что город интеллектуально пустеет. Все больше образованной молодежи выбирает траектории развития, не связанные с Ельцом. Перспектива падения уровня культурного и социального капитала локуса представляется весьма вероятной. Так, А. Гарбуз приводит пример молодых интеллектуалов, вынужденных организовывать выставку в Липецке из-за невозможности ее проведения в Ельце [Гарбуз, 2014].

Миграция из города интеллектуальных ресурсов наряду с экономическими причинами имеет и несомненные культурные основания. В крупных городах оказывается проще реализовать свои культурные проекты и получить достойное вознаграждение. Эта объективная мотивация выталкивает из Ельца молодых фотографов, видеографов, журналистов, танцоров, блогеров. Креативная молодежь, как нам представляется, тяготеет той атмосферой, в которую

погружена сегодня российская провинция. В Москве сосредоточены тысячи выпускников ЕГУ им. И.А. Бунина, работающие школьными учителями, частными воспитателями, юристами, экономистами, менеджерами; многие приезжают в столицу работать вахтовым способом даже не по специальности. В последнее время участились случаи отъезда из города перспективных спортсменов. Впоследствии оказывается, что они выступают на престижных соревнованиях, никак не обозначая свою связь с Ельцом и Липецкой областью.

Городской власти необходимо понять, что именно эти люди как раз могли бы удерживать город в орбите мифа о культурном центре Липецкой области и способствовать укоренению патриотических ориентаций, связи с историей, малой родиной, памятью предков. К сожалению, нельзя сказать, что городская администрация предлагает какие-либо проекты и программы, создающие мотивацию присутствия в Ельце тех, кто своим потенциалом может способствовать репродукции культуры и созданию важных для современного города текстов, конструирующих его прошлое, настоящее и будущее.

Вплоть до настоящего времени не совсем ясно, какой посыл исходит от городской власти и кто именно является аудиторией, получающей сообщение о Ельце как уникальном пространстве, инвестиции в которое стратегически оправданны как со стороны федерального бюджета, так и со стороны частных инвесторов. Адресат не установлен сколько-нибудь очевидно. С кем выстраивается коммуникация городской власти? С политическими и властными структурами различных уровней, бизнес-структурами, экспертным сообществом и СМИ, наконец, жителями города и других регионов, городов и стран, прежде всего молодежью и высококвалифицированными специалистами? Именно эти группы в качестве целевой аудитории выделяются некоторыми исследователями [Люлько, 2011, с. 72].

Однако, несмотря на имеющиеся проблемы, культурное пространство Ельца выглядит в большей степени интересным и насыщенным различными легендами и мифами, нежели других муниципалитетов Липецкой области. Но практики работы с культурным пространством Ельца, видимо, ограничиваются рамками провинциального менталитета, не отличающегося амбициозностью и радикальными подходами по генерации новых идей и смыслов, которые позволяют отдельно взятой истории некоторое время находиться в новостных топах, а может быть, и на долгое время стать образцами для подражания и благодарной рецепции.

Источники

- Абашев В. (2000) Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского университета.
- Ассман А. (2016) Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое литературное обозрение.
- Барт Р. (1989) Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, Универс.
- Башляр Г. (2004) Избранное: поэтика пространства. М.: РОССПЭН.
- Бенда Ж. (2009) Предательство интеллектуалов. М.: ИРИСЭН, Социум.
- Богомяков В. (2007) Региональная идентичность «земли тюменской»: мифы и дискурс. Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи».
- Бунин И. (1989) Жизнь Арсеньева. Повести и рассказы. М.: Правда.
- Гарбуз А.А. (2014) «Хоздвор» в Липецке: манифестации протестного искусства в российской провинции // Теории и проблемы политических исследований. № 4. С. 14–26.
- Глазычев В.Л. (2011) Город без границ. М.: Территория будущего.
- Дебор Г. (2011) Общество спектакля. М.: Опустошитель.
- Дмитриев А.В. (2007) «Я вырос среди народа...». Липецкий край в жизни и творчестве И.А. Бунина. Липецк: Ориус.
- Дука А.В. (2016) Российский город как политическое пространство // Современный город: власть, управление, экономика. № 1. С. 9–21.
- Журавлева Н.И., Мельникова С.В. (2016) Екатеринбург: между столичностью и провинциальностью. Современный город: власть, управление, экономика. № 1. С. 219–229.
- Завалипина М., Литаврин С. (2019) Туризм — новый шанс для городов и сел // Регион. Вести. № 27 (443).
- Кистерева Н., Резвый В. (2017) Счастье покоя. Стихотворения и переводы. М.: Водолей.
- Клоков А.Ю., Найденов А.А., Новосельцев А.В. (2006) Храмы и монастыри Липецкой и Елецкой епархии. Елец. Липецк: Липецкое областное краеведческое общество.

- Краснова Т.В. (2008) Елецкое кружево (этнографический комментарий к текстам И.А. Бунина). Бунинская Россия: Елец. Выпуск 3. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина.
- Липецкая земля. Календарь событий 2019 г. (2019) Липецк: Областной центр событийного туризма.
- Люлько А.Н. (2011) Имидж города и факторы, влияющие на его формирование // Власть. № 8. С. 71–73.
- Манин В.С. (1999) Искусство в резервации. Художественная жизнь России 1917–1941 гг. М.: Эдиториал УРСС.
- Мальковская И.А. (2004) Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы. М.: Эдиториал УРСС.
- Неизвестный Э. (1991) Говорит Неизвестный. Пермь: Пермские новости.
- Паустовский К. (1983) Золотая роза. М.: Детская литература.
- Ридингер Н.А. (1993) Материалы для истории и статистики г. Ельца. Елец: Елецкие куранты.
- Сартори Д. (2003) Искажение концептов в сравнительной политологии // Политические исследования. № 4. С. 152–161.
- Скиперских А.В. (2017) История российской провинции в мемориальной культуре: политическое конструирование // Вестник Томского государственного университета. История. № 47. С. 121–127.
- Скиперских А.В. (2013) Политический протест в российской провинции: структура, динамика, перформансы (на примере Липецкой области). Липецк: Гравис.
- Тулинова О.В. (2012) Елец музыкальный. Становление и развитие музыкального образования в г. Ельце: традиции и современность. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина.
- Турбин В. (1967) Недавно, в XIV столетии. Огонек. № 16. С. 28–29.
- Фуко М. (2002) Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис.
- Широков А.М. (1994) Ностальгия по училищу. Елецкая быль. Краеведческий сборник. Выпуск второй. Липецк: Ориус.
- Molotch H. (1976) The City as a Growth Machine: Toward a Political Economy of Place // American Journal of Sociology. Vol 82. No 2. P. 309–332.

ALEKSANDR SKIPERSKIKH

YELETS IN A REGIONAL CULTURAL SPACE: PROVINCE OR CENTER?

Aleksandr V. Skiperskikh, Doctor of Political Science, Professor, Department of Philosophy and Social Science, Bunin Yelets State University; 28, Kommunarov str., Yelets, 399770, Russian Federation; tel.: +7 474 672 21 93

E-mail: pisatels@mail.ru

Abstract

This article assesses the possibilities of the city Yelets being considered as the cultural center of the Lipetsk region. Having the status of a 'city of military glory' and a rich cultural and industrial history, its heroic character, which preserved Yelets in the discourse of intellectual history, and left the memory of the city in important Russian texts all seem to support this point of view. However, a number of factors may impede such a positioning of the urban space. The rivalry with Lipetsk for tourist flows influences this and is gradually being actualized in the new economic and cultural reality, where culture is the driver of development. The article uses discourse analysis to determine the concept of 'center' among subjects of urban policy.

Key words: center; cultural policy; discourse; Lipetsk region; space; province; Yelets

Citation: Skiperskikh A.V. (2019) Yelets in a regional cultural space: province or center? *Urban Studies and Practices*, vol. 4, no 3, pp. 71–88 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.17323/usp43201971-88>

References

- Abashev V. (2000) Perm` kak tekst. Perm` v russkoj kul`ture literature XX veka [Perm as text. Perm in Russian culture and literature in XX century]. Perm: Izd-vo Permskogo universiteta. (in Russian)
- Assman A. Novoe nedovol'stvo memoreal'noj kul'turoj [New dissatisfaction of memorial culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russian)
- Bart R. (1989) Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika [Selected works. Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress. Univers. (in Russian)
- Bashliar G. (2004) Izbrannoye: poetika prostranstva [Favorities: poetics of space]. Moscow: Rosspen. (in Russian)
- Benda Zh. (2009) Predatel'stvo intellektualov [Betrayal of intellectuals]. Moscow: Irisen, Sotsium. (in Russian)
- Bogomyakov V. (2007) Regional'naya identichnost' «zemli tyumenskoy»: mify i diskurs [Regional identity of the «land of Tyumen»: myths and discourse]. Ekaterinburg: Diskurs-Pi. (in Russian)
- Bunin I. (1989) Zhizn' Arsen'eva. Povest i irasskazy [Arsenyev's Life. Stories]. Moscow: Pravda. (in Russian)
- Debor G. (2011) Obshchestvospektaklia [The Society of the Spectacle]. Moscow: Opustoshitel'. (in Russian)
- Dmitriev A.V. (2007) Ya vyros sredi naroda. Lipetskij kraj v zhizni i tvorchestve I.A. Bunina [I grew up among the people. Lipetsk region in the life and work of I.A. Bunin]. Lipetsk: Orius. (in Russian)
- Duka A.V. (2016) Rossijskij gorod kak politicheskoe prostranstvo [Russian city as a political space]. *Sovremennyy gorod: vlast', upravleniye, ekonomika* [Modern City: Power, Management, Economy], vol. 1, pp. 9–21. (in Russian)
- Foucault M. (2002) Intellektualy i vlast'. Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu [Intellectuals and Power. Selected Articles, Speeches and Interviews]. Moscow: Praxis. (in Russian)
- Garbuz A.A. (2014) «Khozdvor» v Lipetske: manifestatsii protestnogo iskusstva v rossijskoy provintsii [«Hozdvor» in Lipetsk: demonstrations of protest art in the Russian province]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanij* [Theories and Problems of Political Studies], no 4, pp. 14–26. (in Russian)
- Glazychev V.L. (2011) Gorod bez granits [The City Without Borders]. Moscow: Territorii budushchego. (in Russian)
- Kistereva N., Rezvyi V. (2017) Schast'ye pokoya. Stihotvoreniya i perevody [Happiness of peace. Poems and translations]. Moscow: Vodoley. (in Russian)
- Klovok A.Yu., Najdenov A.A., Novosel'tsev A.V. (2006) Khramy i monastyri Lipetskoj i Yeletskoj yeparkhii [Temples and Monasteries of the Lipetsk and Yelets Diocese]. Yelets. Lipetsk: Lipetskoe oblastnoe kraevedcheskoe obshchestvo. (in Russian)

- Krasnova T.V. (2008) Yeletscoe kruzhevo: yetnograficheskiy kommentariy k tekstam I.A. Bunina [Yelets lace: ethnographic commentary on texts of I.A. Bunin]. Yelets: EHU im. I.A. Bunina. (in Russian)
- Lipetskaya zemlya. Kalendar` sobyitiy 2019 g. (2019) [Lipetsk earth. Calendar of events 2019]. Lipetsk: Oblastnoy tsentr sobyitiynogo turizma. (in Russian)
- Lyul'ko A.N. (2011) Imidzh goroda i factory, vliyayushchie na yego formirovaniye [The image of the city and the factors influencing its formation]. *Vlast`* [Power], no 8. pp. 71–73. (in Russian)
- Mal'kovskaya I.A. (2004) Znak kommunikatsii. Diskursivnyye matritsy [Communication sign. Discursive Matrices]. Moscow: Editorial URSS. (in Russian)
- Manin V.S. (1999) Iskusstvo v rezervatsii. Khudozhestvennaya zhizn` Rossii 1917–1941 gg. [Art in the Reservation. Artistic Life of Russia 1917–1941]. Moscow: Editorial URSS. (in Russian)
- Molotch H. (1976) The City as a Growth Machine: Toward a Political Economy of Place. *American Journal of Sociology*, vol. 82, no 2. pp. 309–332.
- Neizvestnyy E. (1991) Govorit Neizvestnyy [Neizvestny says]. Perm: Permskie novosti. (in Russian)
- Paustovsky K. (1983) Zolotaya roza [Golden Rose]. Moscow: Detskaya literature. (in Russian)
- Ridinger N.A. (1993) Materialy dlya istorii i statistiki g. Yel'tsa [Materials for the history and statistics of Yelets]. Yelets: Yeletskiye kuranty. (in Russian)
- Sartori D. (2003) Iskazhenie kontseptov v sravnitel'noi politologii [Distortion of concepts in comparative political science]. *Politicheskie issledovaniya* [Political Studies], no 4. pp. 152–161. (in Russian)
- Shirokov A.M. (1994) Nostal'giya po uchilishchu [Nostalgia for school] *Yeletskaya byl`*. *Kraevedcheskiy sbornik* [Yelets Story. Local History Collection]. Lipetsk: Orius, vol. 2, pp. 12–16. (in Russian)
- Skiperskikh A.V. (2017) Istoriya rossijskoj provintsii v memorial'noj culture: politicheskoe konstruirovaniye [History of Russian Province in the memorial culture: political construction]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Istoriya* [Journal of Tomsk State University. History], no 47. pp. 121–127. (in Russian)
- Skiperskikh A.V. (2013) Politicheskiy protest v rossijskoj provintsii: struktura, dinamika, performansy (na primere Lipetskoy oblasti) [Political Protest in the Russian Province: structure, dynamic, performances (on the Example of the Lipetsk Region)]. Lipetsk: Gravis. (in Russian)
- Turbin V. (1967) Nedavno, v XIV stoletii [Recently, in the XIVth century]. *Ogonok* [Light], no 16, pp. 28–29. (in Russian)
- Tulinova O.V. (2012) Yelets muzykal'nyy. Stanovleniye i razvitiye muzykal'nogo obrazovaniya v Yel'tse: traditsii i sovremennost` [Yelets Musical. Formation and Development of Music Education in Yelets: Tradition and Modernity]. Yelets: EHU im. I.A. Bunina. (in Russian)
- Zavalipina M., Litavrin S. (2019) Turizm – novuy shans dlya gorodov i sel [Turism as a new chance for cities and villages]. *Region. Vesti*. [Region. News], no 27 (443). (in Russian)
- Zhuravleva N.I., Melnikova S.V. (2016) Ekaterinburg: mezhdru stolichnost`yu i provintsial`nost`yu [Ekaterinburg: Modern City: Power, Management, Economy]. *Sovremennyy gorod: vlast`, upravleniye, ekonomika* [Modern City: between metropolitan and provincial], vol. 1, pp. 219–229. (in Russian)

**МЫ ПРИГЛАШАЕМ АВТОРОВ К ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ
«ГОРОДСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКИ»**

«Городские исследования и практики» (печатная версия ISSN 2500-1604, электронная версия ISSN 2542-0003) – это международный научный рецензируемый журнал, выпускаемый факультетом городского и регионального развития НИУ ВШЭ.

Журнал является новой площадкой, на которой начинающие и уже опытные городские исследователи и практикующие специалисты в области градостроительства могут обмениваться опытом и знаниями с помощью эмпирических и теоретических исследовательских статей, рецензий, обзоров статей, монографий российских и зарубежных авторов.

Мы будем рады сотрудничеству с авторами, область научных интересов которых затрагивает городские исследования, городское планирование, транспорт, экономику городов, социологию и антропологию города, географию, экистику, искусство в городе, архитектуру, дизайн и новые городские технологии и т.п.

Дизайн журнала позволяет задействовать в тексте разнообразные средства презентации: формулы, графики, карты, фотографии и пр.

К публикации принимаются оригинальные, ранее не опубликованные рукописи на русском и английском языках, сопровождающиеся любыми необходимыми визуальными материалами. Объем статей – до 60 тыс. знаков, объем рецензий, обзоров – до 10 тыс. знаков.

Если вы планируете написать для нас рецензию, пришлите заявку на электронный адрес редакции журнала, указав в ней название рецензируемой монографии и краткую информацию о себе.

Материалы с пометкой «Статья» («Рецензия») в теме письма присылайте на нашу электронную почту: usp_editorial@hse.ru

Более подробную информацию о журнале можно получить по ссылке <https://usp.hse.ru/>

Call for Papers

THE URBAN STUDIES AND PRACTICES JOURNAL INVITES AUTHORS TO CONTRIBUTE PAPERS FOR PUBLICATION

The Journal of Urban Studies and Practices (Print ISSN 2500-1604, Online ISSN 2542-0003) is a high-quality open access peer-reviewed research journal that is published by Faculty of Urban and Regional Development at National Research University Higher School of Economics.

The journal provides a platform for starting and experienced researchers and urban planning practitioners to share their knowledge and expertise in the form of high-quality empirical and theoretical research papers as well as reviews of books and academic literature. It publishes research papers in the fields of urban studies, urban planning, urban transportation, urban economics and sociology, anthropology, urban geography, ekistics, new city technologies, urban art, architecture and urban design.

The journal is published on a quarterly basis and is available both in print and online. A typical article should be limited to 60,000 characters including abstract, references, notes, appendices, tables and figures. A book review should not exceed 10,000 characters. The articles/reviews are accepted in English or Russian. The design of the journal is tailored to accommodate plain text, formulas, graphs, maps, photos, etc.

We kindly invite you to submit papers for the next issues of the Journal of Urban Studies and Practices.

Please send your manuscript for review to usp_editorial@hse.ru (email subject "Article" or "Review").

For more information about the journal please visit <https://usp.hse.ru/en/about>.

Формат 60×90 1/8. Уч.-изд. л. 9
Тираж 300 экз. Заказ №

Отпечатано в филиал «Чеховский печатный
двор» ОАО «Первая образцовая типография»,
142300, Московская обл., г. Чехов,
ул. Полиграфистов, 1

ФАКУЛЬТЕТ ГОРОДСКОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ НИУ ВШЭ.
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ

ФАКУЛЬТЕТ ГОРОДСКОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Бакалавриат:
Городское планирование

Форма обучения: очная

Срок обучения: 5 лет (набор ведется как на бюджетные, так и на «коммерческие» места)

Направление подготовки: «Градостроительство» (диплом государственного образца)

Вступительные испытания: по результатам ЕГЭ: русский язык, математика, иностранный язык

Образовательная программа бакалавриата «Городское планирование» направлена на подготовку новых профессионалов — городских планировщиков.

В процессе обучения студенты получают практические и прикладные навыки территориального планирования, управления городскими проектами, разработки и реализации стратегий и программ развития городов. Выпускники программы смогут работать в администрациях городов, девелоперских и консалтинговых компаниях, а также в исследовательских центрах.

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФАКУЛЬТЕТ ГОРОДСКОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Магистерская программа: Управление пространственным развитием городов

Форма обучения: очная

Срок обучения: 2 года (набор ведется как на бюджетные, так и на «коммерческие» места)

Направление подготовки: «Градостроительство» (диплом государственного образца)

Вступительные испытания: конкурс портфолио + английский язык

Одна из первых в России магистерских программ, объединяющая научно-исследовательский подход в урбанистике (urban studies) и практические аспекты городского планирования и управления (urban planning).

Мы готовим специалистов в области пространственного развития городов и градостроительного зонирования. Наши выпускники работают в системе государственного и муниципального управления, в области анализа городских данных, в сфере девелопмента, градостроительного консалтинга и инфраструктурного развития.

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФАКУЛЬТЕТ ГОРОДСКОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Магистерская программа: Транспортное планирование

Форма обучения: очная

Срок обучения: 2 года (набор ведется как на бюджетные, так и на «коммерческие» места)

Направление подготовки: «Градостроительство» (диплом государственного образца)

Вступительные испытания: конкурс портфолио + английский язык

Программа направлена на развитие навыков и компетенций в сфере устойчивой мобильности, планирования и организации работы общественного транспорта, организации и безопасности дорожного движения, проектирования пешеходной и велосипедной инфраструктуры, экономики и правового регулирования городского транспорта.

Большое внимание уделяется значимости транспортного планирования для всех сфер городского развития и новейшим трендам в этой области.

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФАКУЛЬТЕТ ГОРОДСКОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Магистерская программа: Прототипирование городов будущего

Форма обучения: очная, **обучение ведется на английском языке**

Срок обучения: 2 года (набор ведется на «коммерческие» места)

Направление подготовки: «Градостроительство» (диплом государственного образца)

Вступительные испытания: конкурс портфолио

В основе программы лежит проектный подход, основанный на принципе learning by doing («обучение в процессе работы»). Студенты научатся разрабатывать прототипы проектов, анализировать данные, интегрировать технологии в городскую среду, которые изменят текущую реальность.

Программа реализуется на базе «Шухов Лаб» — международной лаборатории экспериментального проектирования городов НИУ ВШЭ. Преподавание ведут российские и зарубежные исследователи и практики, формирующие современную повестку в области разработки и внедрения умных технологий для городского развития.

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ